

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№1(51) 2024

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КАРТАШОВ
Синий Магистр4

ПОЭЗИЯ

Николай ГЛУМОВ
«Перед нами советские дали...»10

Вита ПШЕНИЧНАЯ
«Это всё про тебя...»36

Александр ОСЫКОВ
Мы вернёмся, Россия, с победой...49

Анна КОШМИНА
Покажи мне дорогу к рассвету...58

Валерий БОКАРЁВ
Сент-Экз72

Виктор КАШКИН
Любви приоритет102

Пётр ГУЛДЕДАВА
Стране нужны поэты...109

Татьяна ПАРСАНОВА
Опять молчат и сны, и телефоны...119

Валерий МАЗМАНЯН
Времена года142

Тамара ПОТЁМКИНА
В нашем мире тревожном...175

Евгений ХАВАНОВ
Что же мой друг не выходит на связь?180

Сергей ГАЗИН
Солнце русичей неугасимо...183

Элла КУЗНЕЦОВА
Мы вновь ведём борьбу с фашизмом...187

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№1(51) 2024

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 25.03.24.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ К-1304.

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании

KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический

партнер», 127238, г. Москва,

Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

📖 ПРОЗА

<i>Евгения ПОЛЯКОВА</i> Носки с Ван Гогом.....	44
<i>Василий ПОЛЯКОВ</i> Скрипичный концерт Ридинга.....	65
<i>Дмитрий ИГНАТОВ</i> Консумент высшего порядка.....	79
<i>Марина ЗАЙЦЕВА (Гольберг)</i> Портфель на дороге. Учитель.....	106
<i>Игорь АЛЬМЕЧИТОВ</i> Лабиринт.....	113
<i>Инесса ИЛЬИНА-ФЕДОРОВА</i> Два рассказа.....	178
<i>Юлия АЛЕКСАНДРОВА</i> Почему?.....	190

📖 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Хаваим НАКОСТОЕВ</i> «Высоких мыслей лаконичный строй». О поэзии Раисы Дидиговой.....	127
--	-----

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Твёрдо, последовательно и неуклонно Россия продолжает выполнение задач по защите своих интересов во всей их глобальной полноте. Русский мир, исторически выходящий далеко за пределы географических и политических границ нашей страны, проявляет сегодня активную волю к жизни и творческому созиданию. На наших глазах начинается новая эпоха, о которой ещё недавно мы могли только втайне мечтать. Казавшийся вечным либерально-западнический образ бытия, приводивший в отчаяние всю нравственно здоровую, традиционно мыслящую и чувствующую часть человечества, рушится на наших глазах. Проблема в том, что, терпя историческое поражение, уходящий в прошлое миропорядок готов унести вместе с собой в преисподнюю всё жизнеспособное на нашей планете. С этой целью инициируются вырожденческие социальные проекты, производятся «вакцинации» целых народов неизвестными препаратами, реанимируется нацистская идеология и творятся многие другие страшные вещи. Впереди мир ждёт ещё много потрясений, но процесс возвращения к фундаментальным ценностям, освящённым историческим опытом человеческой цивилизации, уже необратим. Россия является главным двигателем и гарантом этого возвращения, вдохновляющим примером для всего мира – или, как говорили раньше, для всех людей доброй воли.

Журнал «Великороссъ» продолжает, в меру возможностей, осуществлять создание единого литературного пространства в системе координат великой многонациональной России. Классическая, «пушкинская» традиция, духовное братство, верность нашей общей истории и единство целей – вот основные принципы, которым следует журнал в своей работе.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2024

© Авторы, 2024

Синий Магистр

Штрихи к портрету Януария Неверова

Москва первой половины XIX века была одним из самых крупных деловых и культурных центров страны. Одних только журналов в Белокаменной выходило не менее 25 наименований! Кроме литературных журналов – «Вестника Европы», «Московского телеграфа», «Московского вестника», «Атеней», «Галатеи» – в Москве издавались «Русский зритель», «Врачебные записки», «Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов» и другие.

А основным центром общественной и умственной мысли Первопрестольной, безусловно, являлся Московский университет. По свидетельству современников, он был особым миром, непохожим на весь мир тогдашней России.

«Наш университет, – вспоминал впоследствии автор романа “Обломов” Иван Гончаров, – был святилищем не для одних нас, учащихся, но и для их семейств и для всего общества. Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого. Москва гордилась своим университетом, любила студентов, как будущих самых полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества...».

По словам того же Гончарова, юная студенческая толпа составляла собою маленькую учёную республику, над которой простиралось вечно ясное небо, без туч, без гроз и без внутренних потрясений, без всяких историй... Всё было патриархально и просто; ходили в университет как к источнику за водой, запасались знаниями.

Другие дошедшие до нас воспоминания студентов, учившихся в Московском университете, свидетельствуют о том, с какой страстной жаждой знаний они стремились попасть в столь престижное учебное заведение.

В то время в стенах университета училась, без всякого преувеличения, целая рать юношей, о которых вскоре будет говорить Россия. Об одном

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военное-политическое общевойсковое училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных, ведомственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Живёт в Москве.

из студентов этой славной плеяды – будущим педагоге и писателе Януарии Михайловиче Неверове – наш рассказ.

Неверов родился 30 августа 1810 года в селе Верякуши Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Выходец из бедной дворянской семьи, он по окончании Арзамасского училища служил канцеляристом в уездном суде. Затем, минуя гимназию, благодаря своему упорству, подготовился к экзаменам и сразу поступил в университет. Рассказывают, мать, чтобы собрать сына в Москву, продала единственную оставшуюся у неё драгоценность – венчальный жемчуг. О материнском самопожертвовании сын не забывал до последних своих дней.

В те же годы Януарий часто бывал в деревне Дивеево, что неподалёку от Арзамаса, где встречался со схимником Серафимом Саровским, укрепившим в нём глубокое религиозное чувство. Об этом периоде жизни Неверов спустя десятилетия рассказал в автобиографических записках, которые и сегодня читаются с большим интересом.

Поступив в университет, Неверов сразу же получил прозвище «Синий Магистр». Окрестил его так Александр Герцен за синие очки, которые носил Неверов. Носил он их не от хорошей жизни – Януарий с детства был слепым на один глаз.

Вообще, Неверов не любил рассказывать о том, где и когда получил травму. Но некоторые однокурсники знали эту жуткую историю. А произошло следующее. Его мать, внебрачная дочь помещика, не пришлась ко двору мужа. Особенно неприязненно к ней относилась свекровь. В последние месяцы материнской беременности разразился очередной скандал. Ругань... Слезы... Свекровь со всего маху запустила тарелкой в невестку. Испугавшись, та бросилась из комнаты, споткнулась о порог, упала и сильно ушиблась. Ребёнок, появившийся на свет через несколько дней, оказался с большим кровоподтёком на голове. Ценой огромных усилий доктора спасли его жизнь, но один глаз Януария навсегда остался незрячим.

«По случаю этой болезни я всё детство ходил с завязанным глазом, – вспоминал Неверов, – и меня даже крестили едва ли не через полгода после рождения, причём, чтобы не допустить прикосновения воды к глазам, они были завязаны...».

Этот немного взбалмошный, но с открытой, чистой душой и покладистым характером человек, с первых дней завоевал симпатии среди студенческой братии. Особенно Неверов сошёлся с Николаем Станкевичем, будущим главой знаменитого литературно-философского кружка, а также со ставшими потом известными литераторами Виссарионом Белинским, Иваном Ключниковым, Василием Красовым...

Духовное общение с Январём, или Генварём – так его в шутку прозвал Станкевич – стало для последнего насущной потребностью. В свою очередь

Неверов Януарий Михайлович

Неверов тоже нашёл в лице Станкевича родственную душу. Позже он засвидетельствовал в воспоминаниях: *«С самого первого знакомства между мною и Станкевичем установились весьма тёплые отношения, которые вскоре превратились в тесную дружбу».*

Неверов жил за Садовым кольцом, в доме известного московского литератора Николая Мельгунова. В гостях у Мельгунова часто бывали публицисты Иван и Пётр Киреевские, поэты Николай Языков и Алексей Хомяков. Глядя на маститых литераторов, юноша тоже брался за перо. В тот период он серьёзно увлёкся переводами (Неверов владел французским, итальянским, немецким и английскими языками) и, надо сказать, преуспел в этом деле. Наш герой перевёл некоторые произведения В. Менцеля, Т. Мура, Э.-Т.-А. Гофмана, В. Ирвинга, Дж.-Г. Байрона... Тогда же он написал повесть «Гулянье под Новинским». Достойный пример для подражания нынешним студентам-егэшникам!

В 1832 году Неверов, окончив университет в звании кандидата словесных наук, был определён на службу в Министерство народного просвещения, которое находилось в Санкт-Петербурге. Наряду с исполнением своих чиновничьих обязанностей, он активно участвовал в издании «Журнала Министерства народного просвещения», постоянно публиковался в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”», в «Энциклопедическом лексиконе»...

Регулярно выступал Неверов на страницах печати и как литературный критик. В числе первых он написал о поэте-самородке Алексее Кольцове, сборник стихов которого был напечатан в 1835 году. Примечательно, что издание было осуществлено при непосредственном участии Станкевича, в том числе и на его деньги.

Неверов опубликовал сразу две статьи о Кольцове. Сначала в журнале «Сын Отечества», одном из старейших и почитаемых печатных изданий России. А вторую он поместил в не менее уважаемом «Журнале Министерства народного просвещения». По сути, это была первая попытка оценить творчество молодого талантливой поэта: *«Вскоре... случай свёл г. Кольцова с другим молодым литератором, который заметил этот талант в тиши, в безвестности напевавший сладкие и приятные песни, вверявший мечты и жизнь бумаге, коей, казалось, суждено было быть безответною могилою этих поэтических отголосков. Кольцов был понят, оценён – и молодой литератор великодушно взял на себя труд и издержки печатания».*

Правда, за эти слова Неверову досталось от Станкевича, который хотя и не в резкой форме, но всё же выразил тому своё неудовольствие: *«Я не сердился, а смеялся за строки, напечатанные тобой в “Сыне Отечества”. Шут! С чего тебе вздумалось величать меня литератором и великодушным? Ведь ты очень хорошо знал, что прославление моего великодушия во все мне не приятно...»*

В конце 30-х годов Неверов некоторое время находится в Германии, где в качестве корреспондента археографической комиссии повышает своё образование в Берлинском университете. Именно тогда он принял решение посвятить себя высокой цели распространения образования в родном Отечестве, произнеся слова: *«Кто любит Россию, тот должен, прежде всего, желать распространения в ней образования».*

Возвратившись в 1839 году в Россию, Януарий Михайлович получает назначение на должность инспектора Рижской гимназии. В январе 1846 года его переводят директором народных училищ Черниговской губернии.

Проработав там четыре года, Неверов успел поднять на новый уровень качество преподавания в местной гимназии. Однако молодого педагога стало подводить здоровье. Доктора посоветовали ему перебраться поближе к Кавказским Минеральным Водам. Вскоре он был переведён в Ставрополь на должность директора ставропольских училищ и одновременно возглавил Ставропольскую мужскую классическую гимназию.

Приступив к обязанностям, новый директор обратил внимание на уездные училища. Преподавание в них, как, собственно, и в Ставропольской гимназии, велось из рук вон плохо. Педагоги были малоквалифицированными, повсюду применялись телесные наказания, которые Неверов категорически осуждал. Первыми шагами нового директора было открытие при гимназии двух специальных классов для выпускников: один готовил юношей для поступления в университет, второй – будущие учительские кадры для уездных училищ и начальных классов гимназии. В гимназии, наряду с общепринятыми предметами, учащиеся изучали стихосложение, латинский, древнегреческий, а также английский, немецкий, французский языки.

Творческий подход Неверов использовал при изучении учащимися русского языка, литературы и истории. Именно он организовал первые конкурсы на лучшее сочинение по «отечественному языку и истории». Лучшие работы зачитывались с кафедры и публиковались в губернской печати.

Серьёзное внимание Неверов уделял воспитанникам-горцам. Перед отъездом на летние каникулы он в обязательном порядке давал задание воспитанникам записывать сказки, песни, сказания, описывать быт горцев. В личном фонде Неверова в отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве хранится «этнографическая тетрадь» с материалами воспитанников. Януарий Михайлович считал, что *«горцам следует давать такое образование, которое бы представляло им средство быть полезными гражданами не на воинском, а преимущественно мирном поприще, не выходя из своей среды, т.е. не отдаляясь от своих природных нравов, обычаев, верований».*

Надо сказать, что Неверову удалось значительно повысить уровень преподавания черкесского и кумыкского языков. Также Януарий Михайлович предлагал создать при гимназии восточное отделение для изучения арабского, турецкого и татарского языков. Но эта идея не была поддержана.

Ныне можно смело утверждать, что народы Кавказа формированием своей элиты просветителей обязаны именно Неверову. Многие его ученики стали профессорами, академиками, просветителями... К слову сказать, в числе его воспитанников был основатель осетинской литературы поэт Коста Хетагуров. Поэт так написал о своём наставнике:

*Мы шли за ним доверчиво и смело,
Забыв вражду исконную и месть, –
Он нас учил ценить иное дело
И понимать иначе долг и честь...*

Занимаясь педагогической деятельностью, Неверов не бросал своё талантливое перо. Кроме статей «О том, что нужно для народного образования в России», «К вопросу о наших гимназиях» и других, он опубликовал в тот период немало историко-литературных материалов. В частности, статьи «Грановский», «Из крепостного быта» и другие.

Тогда же им был создан «Нравственный кодекс», не утративший значения и в наши дни. «Кодекс» предусматривает разумные, педагогически обоснованные требования к ученикам, воспитывающие сознательную дисциплину, учит нормам общечеловеческой морали, вменяет в обязанности наставников направлять подопечных по пути добра и гуманности, поощрять к труду, внушать любовь ко всему благому и прекрасному. Как этого не хватает нашему сегодняшнему российскому образованию! К слову сказать, автор «Кодекса» всегда служил примером нравственной чистоты и благородства.

В последующие годы Неверов занимал должность директора Лазаревского института в Москве, управлял Кавказским учебным округом, являлся членом Совета Министерства народного просвещения. Ему был присвоен гражданский чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-лейтенанта в армии и вице-адмирала на флоте.

За заслуги на ниве просвещения Януарий Михайлович был удостоен высоких наград Отечества, в том числе орденов Святой Анны второй и третьей степени, равноапостольного князя Владимира второй и третьей степени, а также ордена Белого Орла.

К сожалению, к концу 1878 года здоровье Неверова резко ухудшилось. Он почти потерял зрение, что побудило его уйти в отставку. Царь Александр II, присвоивший ему упомянутый высокий титул, предложил Неверову должность сенатора. Однако Януарий Михайлович вежливо отказался, решив, что на этом месте должен быть человек, который хорошо знает законы.

Находясь в отставке, Януарий Михайлович бережно сберегал память о рано ушедшем из жизни Николае Станкевиче, оставался верен дружбе. Своего рода талисманом этих отношений были хранимые им письма и стихи Станкевича. Неверов переплёл их в красивую книгу и носил её при себе постоянно, как святыню.

«Станкевич для меня не умер, а будет всегда жить со мною, – напишет он, – потому что большая часть моего внутреннего содержания есть плоды его дружбы, его влияния на меня – и в этом-то мы с ним навсегда неразлучны».

Крепкую привязанность Неверов испытывал и ко всей семье Станкевичей. В воспоминаниях сестры Станкевича – Александры читаем: *«В преклонном возрасте он оставался на службе и жил в Петербурге. Но летом он пускался в путешествия, чтобы посетить своих знакомых из семьи Станкевичей. Он бывал в Воронежской губернии у сестры нашей Надежды, в её имении, где она жила, уже овдовев, окружённая сыновьями. Зимой бывал Неверов в Москве и посещал меня в моей семье. Он по-прежнему питал особое благоговение к памяти Ник. Влад... и, умирая, он завещал из своих сбережений десять тысяч на учреждение школы в память Н. Влад...»*

Вот строки из духовного завещания Неверова: *«Я, нижеподписавшийся тайный советник Януарий Михайлович Неверов, находясь в полном обладании моими умственными способностями и пользуясь не наилучшим здоровьем в виду моих преклонных лет, а в особенности слабеющего зрения и совершенного одиночества моего, почитаю необходимым теперь же сделать распоряжение на случай моей смерти или слепоты.*

Я начал делать сбережения только с 1861 года при определении меня на должность директора Лазаревского института в Москве... тогда же возникла у меня мысль мои сбережения посвятить памяти моего незабвенного друга, товарища моей юности Николая Владимировича Станкевича,

умершего за границей в 1840 году. Этой высокогуманной личности я предан был всею душою, и она имела огромное влияние на моё умственное и нравственное развитие, а потому первое моё желание и завещание из вышеозначенного капитала тотчас после моей смерти отправить шесть тысяч рублей билетами, в том числе один выигранный, в Воронежскую губернскую земскую управу, с тем чтобы этот капитал записан был на сельское общество села Удеревки Острогожского уезда – родины Станкевича. Капитал этот должен остаться неприкосновенным в вечные времена и проценты с него должны идти на содержание в Удеревке сельского училища, которому я бы очень желал, чтобы земство исходатайствовало дозволение присвоить название имени Николая Владимировича Станкевича...

В 1838 году, в Берлине, Станкевич, в виду того обстоятельства, что Россия ни в чём так не нуждается как в образовании народа, взял с покойного нашего общего друга Т.Н. Грановского и меня слово – всю нашу жизнь посвятить делу народного образования – и сам окончил жизнь почётным смотрителем Острогожского уездного училища я, оставаясь верным этому слову до конца жизни, хочу быть полезным тому делу, которому служу почти сорок лет, и по смерти завещаю...»

Завещанию было суждено сбыться. На завещанные Неверовым деньги школа была построена, получив имя Николая Станкевича. Её торжественное открытие состоялось осенью 1908 года. Учениками школы стали сельские ребята из сёл и хуторов ближайшей округи. В середине 70-х годов теперь уже прошлого века в этой школе учился и автор этих строк. Тогда же рядом с ней было выстроено и новое здание. А в старой, отреставрированной, разместили музей друга Неверова. Так вновь соединились две судьбы, две родственные души.

...Януарий Михайлович Неверов прожил насыщенную и благородную жизнь. Он умер 5 июня 1893 года в возрасте 83 лет. Случилось это в одну из белых ночей, когда они состоят лишь из сумерек. Последнее пристанище ему определили на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

ПОЭЗИЯ

Николай ГЛУМОВ

Николай Николаевич Глумов – родился 9 сентября 1957 года в городе Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1979). Работал следователем. Трудился на железной дороге начальником почтового вагона. В настоящее время – рабочий. Занимался в литературной студии при Пермской краевой организации Союза писателей России. Публиковался в различных периодических изданиях, в альманахе «Литературная Пермь». Автор нескольких поэтических сборников: «Городская аркадия» (2006), «Полёт птицы счастья» (2007), «Пролетарский февраль» (2009), «Красная осень» (2012), «Пролетарские дворы» (2014). Член Союза писателей России (2008). Кавалер ордена Достоевского II и III степени (2020, 2012). Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, лауреат Пермской краевой премии им. А.Л. Решетова (2015).

Живёт в Перми.

«Перед нами советские дали...»

Весна. Холодный мелкий дождик.
Парк. Клумба. Белые цветы.
Напьюсь сегодня, как сапожник,
Из-за вот этой красоты.

Ведь можно только очень пьяным
Хоть как-то разумом объять
Весну, холодный дождик странный
И лепестков нарциссов гладь.

Удивительно синее небо,
Удивительно красный закат,
Даже волны реки на потребу
Праздной публике ярко блестят.

Перед нами советские дали,
И несёт нас всё дальше с тобой
В красный мир, без тоски, без печали,
Пароходик советский, смешной.

НИКОЛАЙ ГЛУМОВ

Сиянье солнечного света.
Сакральный парк родной земли.
Два русских пьяненьких поэта
К России-матушке пришли.

И миновавши карусели,
И миновавши ряд ларьков,
Скамейку выбрали и сели
У ряда чахленьких кустов.

Гремели песенки простые.
Прохладный в спины дул борей.
Прохладно матушка Россия
Своих встречала сыновей.

Им стало ясно: их не ждали.
Они поднялись и пошли.
Практически их обсмеяли
Со всех концов родной земли.

Бредёт старик на рыбный рынок
Георгий Иванов

Выхожу в буржуазный свой город,
Покидаю советский свой дом,
Да, ребята, я очень не молод,
Но ведь раньше я молод был в нём!

Мне Советский Союз не вернуть.
Жизнь прошла, как в советском романсе.
Но я принял сто граммов на грудь
И иду, как в советском Провансе.

И как будто в советском году
(Как я счастлив был! Как я был молод!)
В магазин за добавкой иду,
А буржуи покинули город.

Скорбная сказка лесов,
Грустная повесть небес
Словно явились из снов,
Чтобы воскреснуть окрест.

Сколько до них ни бреди,
Ты всё равно не дойдёшь.
Эта печаль впереди
Так же, как зимняя дрожь.

Меркнет родимый мой край,
Строго его не суди.
Только родных ожидай.
Только родимую жди.

Жил попугайчик в дому у меня –
Умер от старости третьего дня.

Скоро придётся и мне помирать –
Оком тарашить, соплю вытирать.

Было грядущее мне невдомёк,
Но попугай преподавал мне урок.

И перед тем, как ложиться в кровать,
Оком тарашить, соплю вытирать,

Вижу я меркнувший птичий глазок,
Лапки поджатые, пёрышек клочок.

Печальная пони больших городов
Катает мальчишку в пылающем парке.
Мальчишка смеётся. Мальчишка здоров.
И пони здорова. На улице жарко.

Но мальчик, волнуясь, уже прочитал
Про Щорса, про Фрунзе, про славные годы.
Он больше не мальчик. Ведь он возмужал,
Услышав раскаты грядущей свободы.

И вновь революцией русской полны
И парк новорусский, и мальчик, и пони,
И кружатся листья Гражданской войны,
И просится шашка мальчишке в ладони.

И чудится новое в ярких штрихах,
Оно сквозь листву пробивается густо.
Всё то, что являлось мальчишке во снах,
Разбросано правды рукой безыскусной.

И парк на глазах изменяется вдруг,
Становится правда реальной до дрожи,
И пони – единственный преданный друг
Мгновенья грядущего чувствует тоже.

Повсюду разбросаны щедро они,
Танцуют у пони прыгучие ноги,
Как будто бы пони сквозь мирные дни
Копытцами бьёт фронтовые дороги.

Происшествие в городском парке

Щегол кричал тревожно, сиротливо
В пространстве дерева большого,
А дерево казалось миром,
Единственным надёжным кровом.

А я просил его остаться,
Не рваться бешено наружу,
Ведь глупо было так стараться,
Снаружи было только хуже.

И он умолк, и он остался
В пространстве дерева осеннем,
Не пел, не плакал, не смеялся,
А просто проживал мгновенья.

Сидел на длинной чёрной ветке,
Косился на меня упорно,
И я товарищу по клетке
Купил ведёрочко попкорна.

Сразу за полночь в спальне моей,
Растревожив всю душу мне начисто,
Кто-то крутит былых моих дней
Киноленту без звука и качества.

И опять мне одиннадцать лет,
И иду по Кремлю я с мамашею,
И во что-то смешное одет,
Неопрятное, виды выдавшее.

Нестерпимы столицы черты –
Чудо-колокол, пушка и прочее,
Мавзолей неземной красоты,
Иностранцы до шуток охочие.

И исчезнуть бы напрочь, совсем,
От постыдной одежды не маяться,
Стать воробушком, щепкой, ничем,
И рвануться, от боли избавиться.

А рванусь – надо мной потолок
Гробовою доскою некрашеной,
И рисунок на фоне досок –
Кремль – беззвёздный уже и безбашенный.

Воспитанный мамою властной,
Ноктюрны Шопена играл,
Но как-то зимою ненастной
Работать в литейку попал.

Попал... Поглядел... Изумился
Рабочим, печам, проходной,
Пить быстренько спирт научился,
Проточной разбавив водой.

Но сколько ни пил – было мало,
Ведь с каждым палящим глотком
Рапсодия Маркса звучала
И крепла в сознание моём.

Ведь понял, что я – пролетарий,
Что мне невозможно никак
В сегодняшнем русском кошмаре
Не веровать в мощный кулак.

Ведь стиснул кулак тот нещадно,
Ведь что-то кричал невпопад,
Ведь ненавистью беспощадной
К врагам полыхал гневный взгляд.

Ведь так же, как парни другие,
Среди заводских этих стен,
Я понял, что Маркс для России –
Карл Маркс, а не Фридрих Шопен.

Шестым каким-то чувством,
Мне распиравшим грудь,
Я постигал искусство,
Я пролагал свой путь.

Пикассо эпатажи
Понятны стали мне,
Поленова пейзажи
Понятнее вдвойне.

Но прошептало чувство
В победный краткий миг:
Вся жизнь вокруг – искусство,
Его ты не постиг.

И я постиг Россию,
Ведь чувствовал вокруг
Я русскую стихию
Веселия и мук.

И стало мне понятно,
Я русский почему.
За это, вероятно,
И попаду в тюрьму.

И снова чёрная аллея
Покорно ждёт зимы приход,
И снова мучаясь, робея,
Брожу я ночи напролёт.

Душа предчувствием объята
Печальных близких перемен,
Темна аллея и горбата,
И сладок страшных мыслей плен.

Пора уже угомониться,
Пора со страхом не играть,
Но наважденье длится, длится,
И с ним я не могу порвать,

И облетевшею аллеей
До снега первого брожу,
Прощаюсь с осенью своею,
Которой я не дорожу.

Озадаченный вопросом,
Я по комнате хожу,
Воздух втягиваю носом,
В книжку детскую гляжу.

Не любовь, не чертовщина,
Не коньяк, чёрт побери,
Озадачила картина
В сказке Сент-Экзюпери.

С виду просто – мальчик, роза,
И ещё чего-то там,
А взглянул, и сразу – слёзы,
А в душе – сплошной бедлам.

Зря я в детстве эту книжку
Сотню раз перечитал,
Представлял себя мальчишкой,
Розу рядом представлял.

Лишь увидел вновь случайно
Эту розу – сам не рад, –
Сказки маленькая тайна
Озадачила стократ.

И с бедой такой поделаться
Ничего я не могу,
Эта роза – просто мелочь,
Что я в сердце берегу.

Я был любознательным малым:
Я рос среди дворов и синиц,
В советские верил кварталы
И в притчи причудливых лиц.

Мне город дарил настроенье,
Мне город дарил идеал,
Заводы его и строенья
Я домом вторым называл.

Я с видом слегка удивлённым
Вступал в этот правильный дом,
Был каждым соседским балконом
И каждым лицом окрылён.

И это России начало,
И это России тепло
Зерном в мою душу запало,
А словом потом уж взошло.

Исход

Буржуйским дням потерян счёт!
Какое скорбное начало!
Какой пророческий исход
России небо в дар послало!

Бредёт советский караван
Ниспосланной с небес дорогой.
Бредёт поэт, немного пьян.
И весело ему немного.

Спасает душу алкоголь!
Сознание спасенья ищет.
Ему патруль доставит боль
И к размышленьям много пищи.

Вещи

Когда в час последний в смертельную замять
Летит человечья уставшая память,
То видит дороги, заводы, плотины,
То видит дома, гаражи, магазины.

Всё то, где работали, то, что создали,
Всё то, чему имя привычное дали.
Ведь даже та кофта, что бабушку греет,
Напомнить ей много в час смертный сумеет.

Бок о бок живём мы – и люди, и вещи –
Со связью таинственной, древней и вещей.
Мы связаны вместе миллионами нитей,
Сквозь вещи вокруг проступают события.

Свой путь прозреваем сквозь них осторожно,
Ведь вещи для нас – это просто возможность,
Чтоб дома иль в космоса чёрной дали
Себя человеком назвать мы смогли.

А дождь всё лил и лил,
И был весьма зануден,
Но я себе твердил,
Что он прекрасен, чуден.

Ведь в звоне той воды
По законной жести
Не чуял я беды,
Он был правдив, божествен.

Ведь дождика рассказ
О том, о сём, об этом
Подобен был сейчас
Господнему Завету.

Ведь выпала мне честь
В тех каплях, что звучали,
По-своему учесть
Создателя скрижали.

И замереть, и вдруг
Проснувшись сознанием
Почувствовать вокруг
Основы мироздания.

Люблю бродить я по бульвару,
Когда он сумраком объят,
И слушать песни под гитару
Слегка подвыпивших ребят.

Но в бедной юности ни разу
Я не бродил здесь допоздна,
Боялся песен тех, как слезу,
Боялся сладкого вина.

Скучал над книгой в уголке,
Ложился рано почивать,
Считал – важней, важней, и точка,
О смысле жизни размышлять.

Но жизни смысл мне не открылся,
И юность сгинула давно,
И, как в печаль, я погрузился
В грузино-крепкое вино.

Теперь брожу я по бульвару,
Когда он сумраком объят,
И песни юных под гитару
Со мной о прошлом говорят.

Всё рождество на мой порог
И на крыльцо моё простое
Летел проказливый снежок,
А я сметал его рукою.

А из экранных новостей,
А со страниц газеток пошлых
Людишки подленьких мастей
Плели о нехорошем прошлом.

А то была моя же Русь,
Родная и зимой и летом,
Она есенинскую грусть
Звала к перчаткам и штиблетам.

Померкнул ясный божий свет,
Замедлил снег своё паденье,
Я на крылечке без штиблет
Сметаю это же мгновенье.

Вот образ печальный и смутный –
Сгорающий клён на ветру
Октябрьским томительным утром,
Как красная смерть на миру.

С поникнувших веток не листья –
Стихи обречённо летят,
Неделя, другая – речистый
Закончится вдруг листопад.

Закончится он непременно,
И скоро среди белых равнин
Останется клён во Вселенной
Со смертью один на один.

Вот птицы кричат в низком небе родном,
Кричат так, как мне и не снилось,
И стало так горестно над городком,
Как будто беда приключилась.

Вот птицы собираются к югу лететь,
И, глядя на них, рассуждаю:
Мне так, как они, закричать не суметь,
Хоть с Родины я отъезжаю.

Мне так, как они, никогда не взлететь,
А после земли не коснуться,
Мне в чуждом краю суждено умереть,
И лишь после смерти вернуться.

Всё полно иным содержанием:
И грустно редющий лес,
И дачки убогое зданье,
И скорбное пламя небес.

Его ухватить бы, робея,
Его удержать бы на миг,
Но нет – не могу, не умею,
Я к этому, правда, привык.

Могу лишь бродить, наблюдая,
Почти что до самой до тьмы,
Как горбится крыша сарая
В предчувствии близкой зимы.

Прекрасные русские дали,
Печальные чуть облака
В вагонном окошке сияли
И мне улыбались слегка.

И я, прислонившись к окошку
Большой электрички пустой,
Мечтал, что лечу понемножку
Над ставшею раем землёй.

И знать не хотел, что прибудет
Состав на привычный вокзал,
Что грешный рассудок забудет,
Как в светлом раю побывал.

Но выйду я в хмурое утро
На грязный и пошлый перрон
Суров и спокоен, как будто
Живёт во мне Божий закон.

Над стареньким грустным прудом,
Над старенькой грустной скворешней
Взмахнул разноцветным крылом
Закат невозможный, нездешний.

Ему было вовсе не лень
Ярчайших цветов переливами
Заставить обыкновенный день
Сиять над поникшими ивами.

И я, на него поглядев,
Поверив его обещаниям,
Пошёл побродить среди деревьев,
Томимый неясным желанием.

Стуцалась вечерняя мгла,
Природа со мной говорила,
И сердце мне разорвала
Осенняя грустная сила.

Холодный скучный дождь, размеренный, понурый,
Над рощею висит который уже час,
Он красит весь Кавказ в любимый цвет свой бурый,
Рекомендуя жизнь без всяческих прикрас.

Он с лиственных кустов смывает яркий глянец,
И мир вдруг предстаёт в тоскливой наготе,
И седенький рассвет, утративший румянец,
Уже не говорит о вечной красоте.

Пускай о чём-то мнит кавказская натура,
Но разом всё прозрев, я прячу на груди
Кавказ, как красный лист, и вдаль шагаю хмуро,
Кавказ на сердце лёг и манит впереди.

Моей юности

Печальный дом.
Печальных комнат мгла.
Старинный сад причудливый и странный.
Здесь юность моя буйно процвела
Под чудной липой щедрою и пряной.

Чрез столько лет!
 Чрез столько долгих дней!
 Презревши века нынешнего плоскость,
 Я вижу вновь сад юности моей,
 Дворянский дом и сталинскую косность...

...Струится липы мягкий аромат
 В закат краснознамённый надо мною.
 Каким-то общим местом стал мой сад!
 С неувлимой в забытье душою.

Однажды мы пили в Союзе
 Обычное наше вино,
 И вдруг постучала к нам муза
 В открытое наше окно.

Оставив вино, из Союза
 Смотрели мы в наше окно.
 Стучала, действительно, муза,
 Хотя уже было темно.

Стучала, действительно, муза,
 Её мы узнали тотчас,
 Потом на пирушку Союза
 Её пригласили, смеясь.

В ответ она долго махала
 Красивой своею рукой,
 А после стояла, молчала,
 Ведь час был порочный, ночной.

А после в глаза нам глядела,
 Как будто хотела сказать –
 Зачем о России несмело
 Пытаемся что-то писать?

А после она повернулась,
 Исчезла в ночной темноте,
 А после в нас что-то проснулось,
 А после мы стали не те.

А после сидели в Союзе
 И полировали вином
 Стихи о сомнительной музе
 За нашим дурацким окном.

В сорок был в символистов влюблённым,
 И писал, как не пишет никто.
 В пятьдесят – старомодным и томным,
 И носил дорогое пальто.

В шестьдесят вспомнил вновь о стишатах,
 Вновь пытался свой дар воскрешать.
 Бодрым старцем, презревшим утраты,
 Вдоль Парнаса картинно шагать...

...Впрочем, было в одном из творений
 Две иль три (может, более) строк.
 Он и сам их читать без волнения
 В одиночестве гордом не мог.

Он и впрямь их читал. Поражался.
 Что-то страшное в них находил.
 До беспамятства вновь напивался,
 Вспомнив трепет божественных крыл.

Утром тяга к вину проходила.
 Та же жизнь. Та же грусть. И кровать.
 Но по-прежнему что-то томило.
 Но ведь к этому не привыкать.

Другие

Пишу. Стараюсь. Сочиняю.
 Другую правду прозреваю.
 Ведь на меня сквозь строчек ряд
 Детишки русские глядят.

Другие русские. Другие
 Сейчас живут среди бела дня.
 К ним дни приходят роковые,
 Кровавый бред в себе тая.

К ним дни приходят роковые.
 А мой, скажу, не блещет стих.
 Но русский стих – кусок России.
 Сейчас такой России штрих.

Печальный штрих. Кому он нужен?
 А пристаёт ко мне и к ним...
 И слаб, и грязен, и недужен,
 А дорог именно таким...

На картину Василия Сурикова
«Взятие снежного городка».

Холод. Ветер. Пустынные дали.
Беспощадный безжизненный свет.
Умерев, мы узнаем едва ли,
Что на свете нас более нет.

Что за русское наше страданье,
За мгновенья любви и стыда
Мы получим вот это мерцанье
Страшных звёзд из небесного льда.

Холод. Ветер. Пространства пустые.
Снег по пояс. Теперь навсегда.
И всё та же родная Россия!
Вся из света, из снега и льда.

Скорбь скамеек. Безмолвие парка.
Стайка школьниц. Звезда. Небосвод.
Скверной водки десятая чарка
Либерала домой поведёт.

Он напился опять до упада,
Проклиная Советский Союз,
И свалился который раз кряду
Он в объятья отеческих муз.

Звезда сияет. Шепчет муза.
Жизнь продолжается опять.
И на развалинах Союза
Поэт не может не писать.

Он сочиняет о равнинах,
Снежком присыпанных слегка,
Мечтательный, как Буратино,
И нет ведь спроса с дурака.

Бомжова желанья истома
Рассудок гнетёт иногда –
Убресть потихоньку из дома,
Сокрыться от всех навсегда.

И в рубище диком, убогом,
Презрев и жену, и друзей,
Подолгу беседовать с Богом
Без очень приличных людей.

Среди ниспосланного дня,
Среди картин его прекрасных
Вдруг Слово выудит меня
Каким-то образом ужасным.

Да где же мой надёжный дом,
Где б я укрылся от напасти?
Я – рыбка в небе голубом,
Литературная отчасти.

Пустой осенний лес.
Промокшее пространство.
Дырявый край небес.
Златых берёз жеманство.
Какой ещё тебе
Провинциальной жути
Для именин в судьбе,
Для обретенья сути
Того, что жизнь прошла
Нелепо и напрасно,
Что скорбные дела
Смерть пресечёт всевластно,
Что путь, что ты влачишь
Сквозь мирный день осенний,
Сквозь дождь,
сквозь лес,
сквозь тишь
Ведёт лишь к отрезвленью.

Всю ночь сидел задумчив Фет
И гладил бороду ладонью,
Он был в нарядный фрак одет,
Как призрак мне не посторонний.

Он постоянно вопрошал
 Меня про новые предметы.
 Вниманья я не обращал,
 Он странно хмурился при этом.

Да что мне Афанасий Фет,
 Помещик, скупердяй, зараза.
 Да он был вычурный поэт!
 Как дома из Китая ваза.

Сейчас пройдёт ночная жуть!
 Она томит перед рассветом.
 Как дальше жить? Да как-нибудь
 Переживу всех рядом с Фетом...

Последний лист под сильною ногой.
 Пустого сквера римское бессилье.
 И мысль про безнадёжность (Боже мой!)
 Не затмевают ласточкины крылья,

Не заглушает тёмный разговор
 О ветре, о деревьях, о просторе.
 Всё это вздор. Всё это просто вздор
 Со злобою у нищего во взоре.

Пусть даже так. Пусть наша жизнь – пустяк,
 Как палый лист под сильною ногою.
 Мы любим жизнь! Мы знаем, кто наш враг!
 За горлышко берём его рукою.

Брёл и брёл по Руси бесноватой.
 Брёл по сталинской мёртвой стране.
 Брёл и брёл. И поэтов латы
 Донкихотски блистали на мне.

Ночь тиха. Месяц реял зловещий.
 Брёл Россией. «Двенадцать» читал.
 Путь мой, тот, что был Блоком завещан,
 Петроградской брусчаткой блистал.

И крутились, как мельницы, зданья.
 И прохожие – как упыри.
 И шептало печально сознание
 Про печальные годы мои.

Брёл и брёл по Руси бесноватой.
 Брёл сквозь строй вражьих мельниц чужих.
 И поэтов битые латы
 Не скрывали ранений моих.

Восторг написанных страниц
 Вначале был неопишум,
 Я даже вроде падал ниц,
 Как будто женщиной целуем.

Но вот очнулся – я один,
 Есть у меня диван и кошка,
 Есть тапки, вилка, миска, ложка...
 Для одиноких именин.

Идей марксистских мишура
 Сгорела в мировом пожаре.
 Россия та ж, что до Петра –
 Купцы, холопы и бояре.

Нас никому не изменить.
 Всё это вбили в нас навечно.
 Мы будем пьянствовать и ныть,
 Что наша Русь бесчеловечна.

Обречённый прозреть и сказать,
 Я сказал лишь про зло мировое.
 Обречённый навек замолчать,
 Я навеки лишился покоя.

И с тех пор, как Ильюша, сижу
 На печи посредине России.
 На Россию безмолвно гляжу,
 И на скорби её мировые.

Был Царьград, а стал Стамбул,
 Были греки да пропали.
 Был на кухне венский стул,
 А потом его украли.

Если я исчезну вдруг
Так же осенью дождливой,
Обыватели вокруг
Станут чуточку счастливей.

Комната, ночь и четыре поэта.
Стол и бутылка вина.
Злые потоки холодного света.
Яркая, злая луна.

Вот Передреев, склонённый над книгой,
Чуть захмелевший Рубцов,
Праведный Прасолов с думою тихой,
А во главе Кузнецов.

Скорбно и тихо. Ни слова, ни вздоха.
Блещет луны циферблат.
Плохо России, и им в раю плохо.
Молча поэты сидят.

Комната, ночь и четыре поэта.
Стол и бутылка вина.
Не о чем им говорить с того света,
Если на этом страна.

На облачке, прямо над рощей,
Рубцов, свесив ножки, сидит.
Читает из книжечки тощей,
Приняв поучительный вид.

Поэзии друг настоящий,
На старого дуба сучок
И я сажусь, ножки поджавши,
И слушаю грустный стишок.

И мне хорошо с милым другом,
И с милой Россией моей.
Бутылка гуляет по кругу,
И речи мои всё смелей.

И весело мне до упада,
И мне веселей уж не стать.
Нам, Коля, смеяться не надо,
Так можно на землю упасть.

Небосвод прекрасен, чист,
Осень празднична, прекрасна,
Но летит железный лист,
Громыхающий ужасно.

Пролетел, а я за ним,
Сквозь кустов и трав сплетенье,
Озадаченный таким
Непонятым поведением.

Через несколько минут
Наш беспаспортный бродяга,
Обнаружив старый пруд
В самой глубине оврага,

Вдруг спикировал с высот
И упал, волну вздымая,
Прямо в сердце сонных вод,
Как диковинка какая.

Что ж, подумал я, ты прав,
Ты обрёл себя отныне,
Чем скучать средь жухлых трав,
Лучше в этой котловине,

В царстве диких, тёмных вод
Стать внушительным и гордым
И в прекрасный небосвод
Ухмыляться ржавой мордой.

Проспект блестит на шее града
Простонародной красотой.
Уже и улица не рада,
Какой он русский и большой.

И под трамваев перестуки,
И под немолчный гул колёс
Проспект взял улицу на руки
И в номера к себе понёс.

И настезь распахнув окошко,
И формулируя ответ,
И вспомнив молодость немножко,
Смотрел я парочке вослед.

Пить простое и крепкое пиво,
Изъясняться простым языком,
Стать печальным, похмельным, ленивым,
Позабиться обломовским сном.

И всю жизнь пропахав на заводе,
Большинство из дарованных дней,
Раствориться в великом народе
Средь великих его сыновей.

Только так, только так, не иначе,
И о том нету силы молчать –
Может быть, ничего мы не значим,
Просто так будем существовать.

Пусть стёрлась из памяти красная дата,
Пусть я позабыл, что в Москве был когда-то,
Но... ноги запомнили ГУМа ступени,
А лёгкие – воздух весёлый весенний,
А руки – метро золотые перила,
Вся сущность моя свой денёк не забыла.
Как шёл по Кремлю, как жевал пирожок,
Простой русской мамы советский сынок.

И пусть мне людишки известной породы
Кричат про советские страшные годы,
Но... ноги высокие помнят ступени,
А лёгкие – воздух весёлый весенний,
А руки – ведущие в небо перила...
Зачем моя память Союз не забыла?!
...Я каждую ночь тот жую пирожок –
Без папы, без мамы советский сынок.

Размечтавшись о днях, что хотел воскресить,
Захватив Диогенов светильник,
Средь чердачного мрака сумел различить
Запылённый советский будильник.

Был он ржавчиной тронут. И корпус помят.
Но имперской кириллицей гордой
Пролетарский напомнил его циферблат
Про железного века когорты.

От толчка он пошёл. Оставался завод
В ржавом сыне железного века.
И открылся мне красного времени ход,
Взрыв снаряда и стон человека.

Три минуты, не более. И – тишина.
Сквозь черёмухи в битом оконце
Тянет пальцы ко мне, как вампирша, луна
В моём пыльном советском загонце.

Советский дворник

Загаженный маленький дворик.
Заснеженный сталинский дом.
Беру поутру я топорик,
Метлу, и лопату, и лом.

Собачье дерьмо, «Мерседесы»,
Раздавленной кошки рагу,
Призывы продажные прессы –
Повсюду в печальном снегу.

И я час за часом, покорно
Всё это скребу и мету,
Трудом возрождая упорным
Советской России мечту.

Загаженный дворик советский
Скребу и мету дотемна.
«Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна!»

Снова осень. Грачи улетели.
Облетевший за окнами клён.
Утомляя вторую неделю,
Дует ветер с различных сторон.

И становится чуточку зябко
Истомившимся душам двоим.
Я ведь раньше летал, как оляпка,
По местам потаённым твоим.

Что мне делать? Куда мне податься?
Что, родная, купить тебе к чаю?
Я вернусь, а тебя, может статься,
Я, родная, уже не узнаю.

И сюжеты такие не редки,
Я не клён, я не так закалён,
Мне останутся только соседки,
Что готовят отличный бульон.

Нежданно-негаданно выпал
Густой отвратительный снег,
Деревья в саду все засыпал
И птиц разогнал на ночлег.

И я посреди снегопада
Стою и печален, и строг,
И думаю – так мне и надо,
Не нужен другой мне итог.

И думаю – с силой нездешней,
Пославшей безжалостный снег,
Поспорить не в силах, конечно,
Обычный простой человек.

Ведь всей этой злой круговерти
Он нужен лишь только затем,
Чтоб стать только знаком, поверьте,
В одной из её теорем.

Лишь только начертанным знаком,
Сейчас уже стёртым на треть,
Как тряпкой, сгустившимся мраком,
Который всё может стереть.

Лист падал медленно, прекрасно
В прохладной леса тишине,
И понял я, что смерть всевластна,
Что осень близится ко мне.

И разом прошлого мгновенья
Ожили вдруг. Я видел мать.
И снова школьные волненья
Мешали свежестью дышать.

И снова горестно влюблялся,
И снова пламенно мечтал,
А лист тихонечко вращался,
И всё, что надо, возвращал.

...Держал я долго на ладошке
Багряный памяти листок.
Зачем мне память понемножку?
За что мне это на денёк?

Страх и трепет

Выходишь на прогулку.
Три четверти второго.
Бредёшь по переулку.
И вдруг встречаешь Слово.

Всего одно лишь Слово,
И этот скучный город,
И понимаешь снова,
Что ты уже не молод.

И понимаешь снова,
Привычно стиснув зубы,
Подвластный силе Слова,
Что жизнь пошла на убыль.

(Как будто бы скрижали
Из ветхого из цикла,
Из иудейской дали
Перед тобой возникли).

Всего лишь скучный город,
Всего одно лишь Слово,
А в сердце – страх и холод
И трепет нездоровый.

Перебрал я, наверное, слишком,
Потому и узрел – под окном
Пляшет, пляшет весь вечер мальчишка,
Напевая о чём-то своём.

Пляшет, скинув картуз свой старинный,
Растрепав свой блондинистый чуб,
Каблуком по раскиснувшей глине
Бьёт в сердцах, то печален, то груб.

И вдруг свыше меня осенило,
Вдруг открылось мне в сердце хмельном –
Сам Есенин молоденький, милый
Пляшет, пляшет сейчас под окном.

Пляшет, пляшет под низким окошком,
Пляшет, видно, в последний свой раз,
Пропадая во тьме понемножку,
Уходя от непляшущих нас...

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепе выласкивал он строки.
Его стиха роскошный палисандр
Пылал узором праведным и строгим.

И я теперь о Родине пишу.
Бумагу пролетарские жгут строки.
Россию я вручил карандашу,
Подобранному на большой дороге.

О, карандаш советских палестин!
Ты пережил советский час державы!
Тебя использовал советский господин
И применил для собственной забавы.

Чуть ночь – предстают мне в печальном во сне
Обломки державы на страшном на дне –
Тень Сталина, бюст мавзолея –
Гляжу на них, сердцем робея.

Очнуться от снов мне уже не дано,
Глаза закрываю и камнем на дно
Несусь, чтоб узреть пред собою,
Что стало с великой страной.

За каждый хватаюсь советский предмет,
Но нет мне спасенья и роздыха нет!
Всплываю – и тянет обратно
Безжалостно и многократно...

Я забыл, чем пахнет женщина:
Может, тальком и тавотом.
Может, детством деревенщины.
Может, всем подводным флотом...

И прошу: «Моё Величество,
Ты займись простым вопросом –
Как погаснет электричество,
Наклонись ты над матросом.

Наклонись, Моё Величество,
Обнажённой на диване,
Утопив минут количество
В ночь блаженства в океане».

Когда из последних из сил
Сирень под окном отцветала,
В сирени я сей находил
Томительной грусти начало.

Как в мае бушует сирень!
Мой сад в лепестках небывалых!
Здесь тень от сирени весь день
Сиреневою оставалась.

И было душе тяжело
Примерить венец неизбежный.
Поверить в грядущее зло.
Пролиться слезой безутешной.

Какой замечательный день!
Как маленький Пушкин, пригожий.
В саду отцветает сирень,
Любуется ею прохожий...

Не хочу ни пить, ни плакать,
Не хочу ни петь, ни спать,
Только русской жизни мякоть
На зубах перетирать.

Пусть и камни, и орехи
Попадают порой –
Это грустные орехи
Нашей жизни непростой.

ПОЭЗИЯ

Вита ПШЕНИЧНАЯ

ВИТА ПШЕНИЧНАЯ

Вита Валерьевна Пшеничная (Шафронская) – член СП с 2004 г. Публикации в изданиях (стихи, проза, эссе, критика): «Литературная Россия», «Слово», «Родная Ладога», «Север», «Наш современник», «Волга. 21 век», «Письма из России», «День и Ночь», «Венский литератор», «Дарьял» (Осетия), «Знацы» (Болгария) и др. Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы, цикла рецензий на стихи разных авторов, критических статей, эссе. Победитель и лауреат ряда российских и зарубежных литературных конкурсов («Литературная Вена», «Рождественская звезда», «Живое слово», «Мир без войн и насилия», «Степные сполохи»). Дипломант Международного Литературного фестиваля «Золотой Витязь-2020». Живёт в Пскове.

«Это всё про тебя...»

На Троицу

Во мне сейчас такая тишина...
Что, кажется, сама душа слышна,
И на глазах ясной зари
Весь мир вокруг течёт в мой мир внутри.

Во мне сейчас – ни слёз, ни лжи, ни зла...
И понемногу крепнут два крыла.
Безмолвна ночь, в ней слышен каждый звук,
И мир внутри струится в мир вокруг.

20 июня

Наверное, время пришло такое –
Остановиться, оглядеться.
Ощутить некое состояние покоя,
Вспомнить детство.

Вполовину окна опустить шторы,
Чтобы высь не манила надежду.
Как переплелись два мира споро,
А я – между.

Медленно учусь слышать их речи,
Пытаюсь различать их звуки.
Тёплый ветер торопит июньский вечер,
Целуя руки.

День отходит, пронося Чашу мимо,
Одаряя то серебром, то золотом...
В нём уютно, тихо, в нём всё – мило,
И всё – свято.

1 июля

Голову запрокинешь – вдохнёшь свежий воздух,
На ладошку неба вспорхнут непоседливые мысли.
Удивишься, как быстротечны в июне грозы,
Как чисты выси.
Побредёшь наугад по полю, не глядя под ноги,
Собирая себя
в расцветшем, румянном лете,
И твои будет подхватывать монологи
вездесущий ветер.

Когда, устав от чёрной полосы,
бессильно упадёшь ты на колени,
сломаются незримые весы,
а на стене вдруг замаячат тени
твоих обид, сомнений, лжи, потерь...
всего, чем ты себя сковал надёжно,
но в этой страшной «вечной мерзлоте»
душа жива, и жизнь ещё возможна.
Оставь былое, дай ему уйти.
и света дай себе, хоть каплю света!
чтоб всё твоё могло произойти –
начав сбываться с нынешнего лета.

Брату Виктору

Между берёз и сосен
Солнечный свет струится,
Кутаясь в ворох мыслей,
просит душа молчать.
Это теперь долго
будет тебе сниться,
Это теперь чисто
будет внутри звучать.

Не рассказать словами –
 Много ли, мало, надо ль?
 Господи, как уютно!
 Господи, просто как!
 Всё здесь тебя примет,
 Всё здесь тебе радо,
 Радуйся, плачь, чудо,
 В сильных Его руках.

В синюю зыбь неба
 Мыслей поток сочится,
 Медленно оплывает
 Тоненькая свеча...
 Это теперь долго
 будет тебе сниться,
 Это теперь чисто
 будет внутри звучать.

Брату Виктору

На самом деле всё гораздо проще:
 Позолотив ладони сентябрём,
 Отправишься в берёзовые рощи –
 Латать себя и думать о своём.

Ты примешь всё, что надышал и нажил
 От сотворения мира до сих пор...
 И над тобой сквозь облачные края
 Неведомый раскинется простор.

И птица-сердце с ритма вдруг собьётся,
 Почувствовав свободу и полёт,
 А яркое, полуденное солнце,
 Под ноги спелым яблоком падёт.

Тихо-тихо внутри отзовется вдруг колоколька,
 Захочется от жалости заплакать, глядя на лик Божий –
 Сколько у Него нас, чад непутёвых, Господи, сколько?
 И каждого выслушает, каждому поможет.

Колоколька – дзинь, и дрожь мурашами по телу –
 И застынешь посреди мира – подавлен, разлажен.
 Вроде всё так... Честь по чести словом и делом,
 А душа молчит, не улыбнется даже.

Вроде всё так. А душа, как несмышлёныш малый –
 Тянется к свету, не понимая, что им сияет, его излучает.
 И вливаясь в вечернюю даль нитью алой,
 Твою жизнь терпеливо в зыбке веков качает.

Море волнуется раз...

Век продолжается здесь и сейчас.
 Кротко в ночи улыбается Спас,
 Высветлив миг в поднебесье.

Море волнуется два...

Тихо вздохнёт под ногами листва,
 Сердце расслышит простые слова,
 В чьей-то затейливой песне.

Море волнуется три...

Всем, что опять оживает внутри,
 Чистую душу свою одари
 И огради от печали.
 Век продолжается здесь и сейчас –
 Кротко в ночи улыбается Спас
 Зная, что будет вначале.

Вместо ответа

Мой дед Иван прошёл войну до Праги,
 Хоть в сорок третьем, в месиве боёв
 Под Сталинградом, от окопа в шаге –
 был ранен, и лежал – ни жив, ни мёртв.

Мой дед Петро...
 Осталось только фото...
 Жёну отправил в Пермь – рожать и жить.
 А сам ушёл на фронт в составе роты –
 Своей России-матери служить.

Мой друг, ты снова пишешь мне из Вены,
 Так презирая русское в себе,
 Что ненависть однажды вскроет вены
 Твоей душе, твоей больной судьбе.

А я в молчаньи словно в обороне,
И память о дедах – свечой в ночи,
И в чистом колокольном перезвоне
Молитвы слог за Русь мою звучит...

Вера моя – на горизонте тоненькая коса,
Яркий промельк зари.
Третьи сутки февральская мороса
Душу жжёт изнутри.

Вера моя – птаха в Его руке,
Свет – на Его плече...
Прячет высь в бездонном своём зрачке –
Холод и хлябь ночей.

Вера моя – на тёмном небе звезда –
Господи, помоги!
Чтобы твёрже отныне и навсегда
Стали мои шаги.

Вся в проплешинах, дремлет окраина леса,
Вдоль реки одинокие стынют берега...
Но спадает, спадает печали завеса,
И настойчивей солнце целует снега.

Голосистей поют свои бравые песни
Неуёмные птахи на все голоса,
И с надеждой смотрю я в притвор поднебесья,
С непривычки прищурясь – так слепит глаза.

Мне теперь по-иному: любить и прощаться,
Ничего невозможного не обещать.
Но к себе – что бы там ни стряслось – возвращаться.
И других – как бы ни было больно – прощать.

Калачики

Небес плывут калачики...
Лёг палец на курок...
Не промахнитесь, мальчики,
И – да храни вас Бог.

Вы нам сыны по возрасту,
А по судьбе – отцы.
Внимают ветра посвисту,
Весенние гонцы.

До воскресенья вербного
Уже рукой подать.
От помысла неверного
Себя бы удержать.

И медленно выводится
От вздоха до строки:
Храни вас, Богородица,
Мужья, отцы, сынки...

А маятник качается
От радостей до тризн.
И этот день кончается,
Как маленькая жизнь.

Небес плывут калачики,
На юг ли, на восток...
Мы ждём вас, наши, мальчики,
И да храни вас Бог.

Воскресное

Вьются над речной водой
Две голубы.
О далёком и родном
Шепчут губы.
Паутинка чуть дрожит
Над крылечком.
Что-то тает меж душой
И сердечком.
Солнца полные края,
День на убыль.
О неожиданном и чудном
Шепчут губы.
И сердечко неспроста
Птахой бьётся,
Паутинкою душа
В небо рвётся.
Над речной вспорхнут водой
Две голубы...
Как же дышится легко,
Как же любо...

Ладошкою проведёт
По жиденьким волосам:
– Вот Бог тебе, вот – порог,
А дальше попробуй сам.

Очнёшься в ночи – темь,
Вокруг не видать ни зги:
Неужто я был с Тем,
Чьи слышатся вновь шаги?

Подумаешь: занемог,
И впору идти в храм...
«Вот Бог тебе, вот – порог,
А дальше давай-ка сам».

Забрезжит вдали заря,
Набухнет трава росой...
Неужто вся жизнь – зря?
И сам я – уже не свой?

И будней сглотнув смог,
Как вмажешь по тормозам!..
«Вот Бог тебе, вот – порог.
А дальше?..»
– А дальше – сам.

Это всё про тебя...
И бессвязное моно дождя,
И порывистость ветра,
И каштаны, упавшие наземь,
И сны о любимых.

Этим всем создан ты...
И природа, и небо – родня.
Сквозь тебя и года прорастая,
Чтоб однажды вернуть и вернуться.
В своё Изначалье.

В этом всё есть и ты –
В позолоте кленовой листвы
И расплёсканных лужах,
В хмуром небе предзимнем
В неласковом солнце...

С этим всем так и жить...
Тишину разрывая ключами,
Удивляясь, вздыхая,
Творя и под корень круша...
На пути в Бесконечность.

А ты идёшь, себя несёшь,
себя не чая,
И что вокруг – снег или дождь –
Не замечая.

В себе, как тать в родной глуши –
Во тьме суровой
За здравье раненой души
Замолвишь слово.

С дрожащей ветки на ладонь –
Чудно, не так ли? –
Спадёт роса – не пей, не тронь! –
Янтарной каплей.

На миг очнёшься, посмотреть
На мир, на звёзды,
И звонко ветра злая плеть
Распорет воздух.

И вмиг обрушенный покой
Дыханье срежет,
Над неумолчною рекой
Рассвет забрезжит.

Раскинешь руки, чтоб обнять,
Вдохнуть, запомнить...
Продолжив жизни благодать
Собою полнить.

Носки с Ван Гогом

Дом шумел, как потревоженный улей. Отмечали 14-летие младшей дочери хозяев, Марии. Гостей набралось множество: одноклассники именинницы, родственники и друзья родителей. Размеры дома позволяли гостям разделиться по интересам: взрослые разместились за большим овальным столом на первом этаже, а подростки вольготно чувствовали себя наверху в большой гостиной. Никто никому не мешал, но детей всё-таки можно было контролировать. Целая гора ярких пакетов с подарками лежала на полу в прихожей.

Хозяйка Анна Валерьевна несколько раз пересекала прихожую, чтобы принести с холодной веранды еду и напитки. «Ого, сколько пакетов! – улыбнулась она. – Как хорошо, что теперь можно выбрать любой подарок. Всё зависит только от фантазии гостя». Вдруг её взгляд задержался на одном из пакетов. Из него выглядывало что-то яркое и очень знакомое. Анна Валерьевна не имела привычки копаться в чужих вещах. У них в семье было принято уважать личные границы каждого. Она и Марию этому учила. Но подарок нахально высунулся из пакета, словно показывал язык. И потом, дочь всё равно похвастается всем, что ей подарили. Анна Валерьевна не удержалась, потянула за яркую тряпочку и вытащила... носки. Но не просто носки, а с изображением известной картины. «Да это же Ван Гог, “Звёздная ночь!”» – изумилась Анна Валерьевна. У неё перехватило дыхание, как будто кто-то неожиданно ударил в солнечное сплетение. «Ну и мастера! Ничего святого нет!» Первым её инстинктивным движением было с омерзением бросить носки обратно в пакет. Однако, поколебавшись, она всё-таки вытащила подарочек и пошла с ним к гостям.

За те несколько метров, что отделяли веранду от гостиной, носки с репродукцией знаменитой картины превратились в её руках в улику, в беспощадный аргумент в давнем споре с мужем, известным искусствоведом.

Евгения Васильевна Полякова – прозаик, критик. Родилась в Москве. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореца, работала переводчиком, преподавателем. Литературной деятельностью начала заниматься в 2018 г. Публиковалась в альманахе «Славянские встречи», в альманахе «Чонгарский бульвар», в литературно-историческом журнале «Великороссъ», в журнале «Московский вестник», в литературно-художественном журнале «Свет столицы», в газете «Московский литератор». Член литературного объединения «Чонгарский бульвар». С 2020 г. член Московской городской организации Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Застолье на первом этаже было в самом разгаре. Гости уже утолили голод, произнесли положенные тосты за здоровье новорожденной и её родителей, и теперь наслаждались общением друг с другом. Давние знакомые, они были, что называется, «одного поля ягода»: искусствоведы, люди театра и кино, художники, галеристы. Когда Анна Валерьевна вошла в комнату, разговор как раз шёл о катастрофическом снижении культурного уровня молодёжи.

– Не знают элементарных вещей, не могут назвать ни одной работы классиков, – сетовала Наталья Петровна, преподаватель художественного училища. – Такое впечатление, что прилетели с другой планеты или приехали из тайги.

– Ну, почему же, тяги к прекрасному у них не отнимешь, – с кривой усмешкой вступила в разговор Анна Валерьевна. – Вот, полюбуйте, что подарили нашей дочери. – И она выложила на стол носки со всем знакомыми завихрениями звёзд на фоне тёмно-синего неба.

Гости с интересом рассматривали изделие чулочно-носочной промышленности, но, к изумлению Анны Валерьевны, реагировали на него по-разному. Кто-то с любопытством, кто-то с иронией, кто-то кивал головой, как бы в подтверждение своим мыслям. Но никто почему-то не поддержал её праведного гнева.

– О, Ван Гог! Как же без тебя? – воскликнул один из гостей. – Дорогой наш Винсент в современном мире – один из самых цитируемых художников. Он повсюду: на одежде, предметах интерьера, сувенирной продукции. Второй по степени популярности – Густав Климт. Ещё очень любимы масс-маркетом «Сотворение Адама» Микеланджело и ангелочки с «Сикстинской мадонны» Рафаэля.

– Это, наверное, неплохо, – с трудом сдерживая себя, отвечала хозяйка. – Люди хотят окружать себя красивыми вещами. Но носки! Как это могло прийти в голову?! Ни стыда, ни совести!

– Анна Валерьевна, голубушка, совесть включается (или не включается), если человек осознаёт, что поступает плохо, – забасил Илларион Михайлович Свешников, доктор искусствоведения, самый старший из присутствующих за столом. – А если он даже не подозревает, что нарушил законы этики? Если он совершенно искренне полагает, что «несёт культуру в массы»? Вспомните настенные коврики с «Богатырями» Васнецова или ужасные по качеству копии «Утра в сосновом лесу» Шишкина в каждом сельском клубе. Намерения у их создателей были самые благие: «Искусство принадлежит народу». Знаете, что я думаю по этому поводу? Первый шаг к пошлости – когда предмет искусства становится излишне доступен, растиражирован. Исчезает чувство дистанции, преклонения перед произведением мастера. Появляется обманчивая радость обладания ценностью. К сожалению, таких примеров множество, и носки – ещё не самое страшное. – Илларион Михайлович внимательно оглядел присутствующих, как бы оценивая их готовность принять новую для них информацию. – Я прошу прощения у дам, но раз уж мы затронули эту тему... – Свешников помял рукой подбородок, а потом всё-таки продолжил. – Вы, конечно, этого не помните в силу своей молодости, но лет сорок назад советская лёгкая промышленность выпустила ткань с рисунками Пушкина, где были изображены дамы из его донжуанского списка. Из неё сшили мужские трусы.

– Не может быть! – только и смогла вымолвить потрясённая Анна Валерьевна.

– К сожалению, может. И это в советское время, когда рисунки на тканях утверждались строгими худсоветами! Это вызвало тогда бурную общественную реакцию, волну публикаций в прессе. А что толку? «Поспорят, пошумят и разойдутся». Изделия-то уже были выпущены, граждане щеголяли в высоко художественном исподнем.

– Да-а-а! Как говорится, думал, что достиг дна, но тут снизу постучали, – отозвался племянник хозяйки Филипп, молодой дизайнер по костюмам. Он впервые присутствовал за «взрослым» столом в компании солидных людей искусства, и ему непременно хотелось участвовать в общей дискуссии на равных. Анна Валерьевна метнула в его сторону суровый взгляд, но Илларион Михайлович никак не отреагировал на замечание юнца и продолжал гудеть разбуженным шмелём:

– Чувство меры, такта, стиля – это такие эфемерные понятия! Как определить, а главное, законодательно закрепить, где заканчивается искусство и начинается балаган, дурновкусие? Так что носки со «Звёздной ночью» – ещё не предел. Я тут видел в продаже носки с портретами великих русских писателей: Пушкина, Достоевского, Гоголя. Вот уж в прямом смысле «с Пушкиным на дружеской ноге»!

– Так ведь Гоголь первый и запустил этот маховик «похлопывания Пушкина по плечу», – вступила в разговор Эвелина Юрьевна, театровед со стажем. Вспомните Хлестакова в «Ревизоре»: «Бывало, часто говорю ему: “Ну, что, брат Пушкин?” – “Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то всё...”» Понятно, что Хлестаков – образец глупости и самонадеянности, но ведь, получается, Гоголь выпустил джинна из бутылки. И пошло-поехало: «А уроки кто за тебя будет делать? Пушкин?» А лозунг «Пушкин – наше всё»? Мне кажется, общественное сознание в какой-то момент не выдержало и воспротивилось этому массивированному окультуриванию. Началась реакция отторжения. Так и до носков с портретом поэта докатились.

– Но ведь надо что-то делать! Нельзя этого допускать! – не могла успокоиться Анна Валерьевна.

– А что тут сделаешь? – возразила Эвелина Юрьевна. – У крупных производителей есть художественные советы, которые решают, какое изделие пустить в производство, а какое притормозить. Но далеко не все готовы тратить на услуги искусствоведов. Не забывайте, что мы живём в эпоху, когда красивая картинка важнее всего. Хочется самовыразиться любой ценой, а преград на этом пути практически никаких. И это не сегодня началось. В 20-х годах прошлого века Ю.А. Завадский, выдающийся актёр, красавец, будущий главный режиссёр Театра им. Моссовета, блистал в роли принца Калафа в спектакле «Принцесса Турандот». Его портреты в этой роли красовались на коробках конфет, на флаконах с одеколоном. Он покупал эти конфеты и дарил своим бесчисленным поклонницам. Тогда это вызывало усмешку, сейчас было бы нормой. Продавались же у нас на заре «перестройки» пластиковые пакеты с изображением звёзд эстрады. Такой пакетик считался неплохим подарком. Они потом использовались как хозяйственные сумки. Глядит с пакета мегапопулярная дива, а у неё из головы торчит «палка» колбасы или рыбий хвост. И ведь не жаловались, наверное, имели неплохой доход с этой продукции. Всякая реклама хороша, кроме некролога.

– Бог с ними, с поп-звёздами, в конце концов, у них есть право вето на использование собственного изображения. А над классиками, получается, можно глумиться как угодно? Они же не могут ответить. «Нет у их, и всё разрешено»?

– Да, представляю, как Пушкин расправился бы с любителями совать нос в чужие дела. Припечатал бы эпиграммой, да ещё и на дуэль вызвал, – заметил Филипп.

– Между прочим, Пушкин прекрасно осознавал неприемлемость чрезмерного интереса к биографии выдающихся людей, – подключилась к дискуссии ещё одна гостья, историк литературы. – Широко известно его письмо Вяземскому, где он радуется исчезновению записок Байрона. Его часто цитируют: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врёте, подлецы: он мал и мерзок – не так, как вы – иначе».

– Да в том-то и дело, что грехи у всех примерно одинаковые, и у гениев, и у обывателей, – возразила Наталья Петровна. – К сожалению, талант не является залогом примерного поведения, даже, скорее, наоборот. У людей искусства и психика более расшатанная, и соблазнов больше. Меня удручает другое: настоящая литературная и художественная критика всё больше вытесняется смакованием пикантных подробностей. Происходит катастрофическая подмена понятий. Широкая публика приучается думать, что перемывание грязного белья – это и есть искусствоведение. Настоящий глубокий анализ художественных произведений – это ведь для них скучно и сложно.

– Вот и меня это беспокоит, – опять вскинулась Анна Валерьевна. Порасуждать о сексуальной ориентации Чайковского все горазды, а попроси их назвать три главных балета Петра Ильича – запнутя! А ведь это основа основ, часть нашего культурного кода!

– Тётя Аня, не переживайте вы так, – подал голос Филипп. Вид у него был самый невинный, но глаза озорно поблёскивали. – Видел я Машкиных друзей: нормальные ребята, с культурными запросами. У одного из них майка с репродукцией «Иван Грозный и сын его Иван» и с подписью «Не зли папу».

– «Мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля», – парировала Анна Валерьевна.

– Няточка, дорогая, успокойся! – погладил жену по руке хозяин дома, преподаватель истории искусств. – Ясно, что пошлость не вчера родилась и не завтра умрёт. Просто сегодня её размах многократно увеличился благодаря техническому прогрессу. А вольное обращение с произведениями искусства – это проявление «детской болезни левизны» в культурном просвещении. Все по молодости начинают с фронды, с ёрничанья. С возрастом это проходит. Ван Гог выдержит, он и не такое выдерживал.

– Я не за Ван Гога волнуюсь, а за нашу дочь! Представляешь, с кем она общается? И как это на неё повлияет?

– А ты хотела бы, чтобы она общалась исключительно с рафинированными искусствоведами? Чем больше ты будешь её душишь, тем скорее отвяжишь от высокого искусства. В нашу задачу как раз и входит научить ребят отделять зёрна от плевел, привить им хороший вкус. Гибче надо действовать, хитрее. Если мафию нельзя победить, её надо возглавить.

В этот момент в комнату как раз заглянула виновница торжества, Мария. Она сразу почувствовала напряжение среди присутствующих, поэтому не решилась войти, а попросила Анну Валерьевну выйти на минутку.

– Мам, меня Ромка пригласил завтра на выставку импрессионистов. Можно, я пойду? Там ещё его знакомые ребята из театральной студии будут показывать живые картины.

- Какие живые картины? – не поняла Анна Валерьевна.
 – Ну, как будто персонажи картин оживают и рассказывают об авторе, об истории произведения. Ромка говорит, очень интересно. Он мне носки с Ван Гогом подарил, представляешь? Во дурак!
 – Ну, сходи, потом расскажешь, может, и мы с папой сходим, – чуть оттаяла Анна Валерьевна. Она чувствовала, как её благородное негодование постепенно утихает. «Зря я так разволновалась. Похоже, будущее нашего искусства в надёжных руках».

Александр Иванович Осыков – член Союза писателей России, родился в Белгороде. Окончил Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова и аспирантуру ЦНИИСК имени В.А. Кучеренко в Москве, кандидат технических наук. Возглавляет ассоциацию проектировщиков Белгородской области. Автор более двадцати книг поэзии и прозы. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей – 2010» имени Н.М. Рубцова, литературной премии «Золотая осень» имени С.А. Есенина (2014), Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2017), литературной премии имени К.М. Симонова (2019), Международного конкурса «Поэтический атлас – 2019», конкурса «Лучшая книга Белгородчины» (2017, 2019, 2020).

Живёт в Белгороде.

Мы вернёмся, Россия, с победой...

Пред миром распахнуты вечности двери.
 Дарована нам путеводная нить...
 И если в Россию возможно лишь верить,
 То как же возможно её не любить?

Ведь только России по силам сразиться
 С армадами зла, что мир в пропасть влекут.
 Россия – последний рубеж и граница
 И истинной веры последний приют.

Но мир, что погряз в бездуховности косной,
 Всё тщится расчётливым, хладным умом
 Постигнуть души очарованной космос
 И русского сердца вселенский разлом.

Предавший Христа Запад нас не полюбит –
 Им словно кость в горле упрямый народ...
 Но злоба и ложь их самих и погубят,
 Святой же Руси вечен вещей полёт!

А лжемудрецов всё циничней химеры...
 О, Боже, дай сил нам и благослови
 На праведный бой за великую веру,
 За русскую душу – обитель любви.

И чтоб не захлопнулись вечности двери,
 Чтоб к цели вела путеводная нить,
 Так мало в Россию рассудочно верить,
 Нам надо её – безрассудно любить!

Моя фамилия

У меня фамилия редкая...
 Что с того, что не очень звучная?
 Мне она завещана предками,
 И с рожденья с ней неразлучен я.

Пусть в масштабах страны неизвестная,
 На весь мир пока не прославлена,
 Но служили Отечеству честно ведь
 Дед с отцом мои – это главное.

Деда я вспоминаю с гордостью:
 Получил он в годину военную
 За геройство – на грудь «Георгия»,
 Две медали да три ранения.

И отец жить старался по совести –
 Оттого и ушёл, может, рано так?
 Ни ловчить, ни хитрить, не способен был,
 Но сражался с судьбою на равных он.

И студентов учил уму-разуму,
 Зажигал сердца знанья пламенем.
 Не забыть мне свет добрых глаз его,
 Освещает он сумрак памяти...

Что ж, и сам человек не последний я,
 Честь фамилии не измазывал.
 Подарил я её наследнику
 И при этом всегда наказывал:

– Так живи, мой сыночек миленький,
 Чтобы мог, если люди спросят вдруг:
 – У тебя какая фамилия? –
 Не стыдясь, им ответить:
 – Осыков!

Баллада об отце

На асфальте я рос городским пацаном,
 К ванной с душем привык с малолетства.
 С неохотой я ездил в деревню с отцом,
 Где когда-то прошло его детство.

Мне унылой казалась тишь сельских дорог,
 Монотонной – полей безмятежность.
 И за что же деревню – понять я не мог –
 Любит батя так сильно и нежно.

И когда удавалось хоть пару деньков
 Погостить в деревеньке родимой,
 Он скрывался обычно под сенью лесов,
 Забываясь, подолгу бродил там.

И казалось: он что-то всё время искал...
 Возвращался порою с закатом.
 Он меня за собою повсюду таскал,
 Я ж канючил: «Пошли, пап, до хаты...»

На одно озерцо мы тогда набрели,
 Что в чащобе лесной затерялось,
 Там у самой воды две берёзки росли
 И как двое влюблённых шептались.

Там природа дышала покоем земным,
 В ней царили простор и свобода.
 И, прижавшись к отцу, я молчал вместе с ним,
 Словно понял вдруг важное что-то.

Много лет уже нету на свете отца,
 Но смахнув набежавшие слёзы,
 Снова вижу: мы с ним у того озерца,
 Где всё шепчутся тихо берёзы.

Довоенной памятной весною
 Утопал Воронеж весь в цветах,
 В тихом парке с синею рекою
 Мой отец нёс маму на руках.

Школьница вчерашняя и парень
 Из глухого дальнего села,
 За одной студенческой партой
 Их судьба счастливая свела.

Вспоминаю: весело и нежно
Мне отец рассказывал, смеясь,
Как в чужом костюме белоснежном,
За версту в пути минуя грязь,

Он шагал к родителям невесты,
Чтоб руки их дочери просить.
И страшила хлопца неизвестность,
В жар бросало и хотелось пить.

Ноги от волнения немели
В летних туфлях, латанных слегка,
И следы предательски белели
Крошками зубного порошка...

А мой дед, известный архитектор,
В кабинетной тишине творил
И, оставив нехотя проект свой,
Двери в дом на стук отца открыл.

На юнца он нагяделся вволю,
Хитрый глаз на туфельки кося,
И промолвил: «Юноша! Вам Олю?
Оли нет, была да вышла вся...»

Но отец мой – парень был не промах,
Девичьи сомненья поборол.
Из уюта, из родного дома
За собою маму он увёл.

Довоенной памятной весной
Утопал Воронеж весь в цветах,
Парень с шевелюрою густою
Нежно нёс девчонку на руках.

Я снова в прошлое смотрю –
Как будто с теми говорю,
Кого на этом свете нет...
В иных мирах я вижу свет
Таких далёких, близких глаз,
К себе зовущих всякий раз,
Когда с минувшим говорю –
Как в день грядущий я смотрю...

Ведь прошлого, по сути, нет –
Оно лишь будущего след...

Город мой белый

Так к лицу тебе, город мой белый,
Серебристые пряди огней.
Ты, как добрый отец поседелый, –
Всё белей и с годами родней.

Я люблю тихих скверов прохладу,
Переулков тенистых уют.
И твои боевые награды
Озаряет победный салют!

Мне знаком в тебе каждый пригорок,
И всегда после долгих разлук
Ты встречаешь меня, добрый город,
Словно верный и преданный друг.

Сколько памятных сердцу отметин
На лице твоём... В дымке огней
Мне всё время приветливо светит
Отблеск ясной улыбки твоей.

Я люблю тебя, город мой белый,
Зелень улиц, гранит площадей.
Ты, как добрый отец поседелый, –
Всё белей и с годами родней.

Память отчей стороны
Об отцах своих и дедах,
О преданьях старины,
О походах и победах.

Память отчей стороны –
Память мудрая столетий...
Мы хранить её должны,
Перед будущим в ответе.

С прошлым кровное родство
Сберегая в жизни сущей,
Русской правды естество
Озаряет путь грядущий.

Вещей вечности сыны,
Утверждать имеем право:
Память отчей стороны –
Память доблести и славы.

Дух, которым мы сильны,
Ведом лишь единоверцам:
Память отчей стороны –
Память любящего сердца.

Строка на карте

Путей-дорог немало пройдено,
Но всех милее путь домой.
На карте мира имя Родины
Короткой значится строкой.

Всего строка! И сумрак памяти
Заполнит тихий, тёплый свет:
Глаза отца и руки мамыны...
И плена смерти больше нет.

И зазвучит как эхо дальнее
Вновь голос минувших веков,
Даруя грусть исповедальную
Душе, лишившейся оков.

А всё, что вечностью завещано
Вернётся к нам добром иль злом.
Людей Земли, чьи судьбы скрещены,
Спасает память о былом.

И пусть дорог немало пройдено,
К перу протянута рука.
Всё, что зовётся словом Родина
Вместила ёмкая строка.

Русь начинается с деревни,
В крестьянстве суть её и стать.
Привыкли хлеб у нас издревле
Всему главою величать.

Но не одной заботой главной –
Страну кормить – крестьянин жил.
И дух народа православный
Из века в век в душе хранил.

И свято чтит уклад исконный,
Молитвы неустанный труд...
Превыше власти и закона
Был Божий страх и Божий суд.

Красой земною очарован,
О сокровенном пел мужик –
Так русское рождалось слово,
Творился русский здесь язык.

А сколько гениев, героев
Взрастило русское село!..
Зачем же разрушать устои
В привычку на Руси вошло?..

И если выйти на просторы,
Где травы шепчутся в полях,
Почудится – твердит с укором
Отчизна-мать сыра земля:

– Как корень, что питает древо
И каждый стебель и побег,
Храните русскую деревню –
И Русь не кончится вовек!

Гармонист

Тот День Победы омрачён был дракой,
И резал слух развязный пьяный свист...
В наш двор зашёл с поводырём-собакой
Слепой, в солдатской форме, гармонист.

Достал кисет и закурил неловко,
Звеня медалями, на лавочку присел,
Надел гармошку, проявив сноровку,
И чистым, сильным голосом запел.

От этой песни, искренней и светлой,
В округе воцарилась тишина.
И драчунов как будто сдуло ветром,
А люди слушали солдата дотемна.

Как он играл, останется загадкой –
Была без пальцев левая рука,
И слёзы каждый утирал украдкой,
Глазея на него издалека...

Когда весною в майском небе чистом
Вновь расцветает праздничный салют
И звёздные солистки и солисты
«Смуглянку» и «Катюшу» запоют,

Слепого вспоминаю гармониста
С единственной здоровою рукой,
Который распевал про трёх танкистов
И про туман, плывущий над рекой.

Народу свыше дан язык,
Как тайный дар, как Божья мета,
И лишь иссякнет сей родник –
Народ бесследно канет в Лету.

Ведь человеческая речь –
Народа плоть, его основа,
И чтоб Россию нам сберечь,
Беречь родное надо слово.

Живым завещано хранить
Во имя общего спасенья
Язык – божественную нить,
Связующую поколенья.

Чтоб до конца вселенских дней
Их разговор в веках бы длился –
За упокой души твоей
По-русски кто-нибудь молился...

Вьётся вновь вороньё над Россией,
Белый свет застит чёрным крылом...
Собирай же последние силы,
Русь Святая, на битву со злом.

Чтоб свидомая, хищная нечисть
Не затмила навек небосвод,
Распрями же могучие плечи,
Православный, великий народ.

Вновь звучит марш «Прощанье Славянки»...
И за слёзы подруг, матерей
Отомстим вам, проклятые янки,
Мы огнём наших артбатарей.

Русский воин, он в гневе неистов
И на подвиг великий горазд,
Он землицы родимой фашистам
Даже пяди одной не отдаст.

Так вставайте же, русские люди,
Вспомним, братья, о долге земном:
Русь погибнет – и света не будет,
Отстоим Русь – мир Божий спасём!

И когда силы нашей изведев,
Вновь запросят пощады враги,
Мы вернёмся, Россия, с победой.
Мать Божия, нам помоги!

Собрату по перу

Ну что же ты всё о плохом?
Достаточно в жизни плохого,
А эхо недоброго слова
Грядущим аукнется злом.

Так, если твердить о беде,
То, хочешь того иль не хочешь,
Беду ты как раз напророчишь
В своей или в чьей-то судьбе.

Разя же стихом острым зло,
Не ожесточайся душою,
Ведь слово, талантливо злое,
Ещё никого не спасло.

Отринув уныния грех,
Даря мир любовью как прежде,
Услышь голос юный надежды,
И детства ликующий смех.

Пусть горе и беды кругом,
Пусть жребий судьбы уже брошен,
Поэт! Говори о хорошем,
Чтоб мир забывал о плохом.

ПОЭЗИЯ

Анна КОШМИНА

АННА КОШМИНА

Анна Владимировна Кошмина – поэтесса, лауреат и финалист литературных конкурсов, участник арт-проектов, член Российского союза писателей и Союза журналистов России. Училась в Институте журналистики и литературного творчества при Союзе журналистов Москвы. Основы литературного творчества постигала в институтские годы на мастер-классах Льва Аннинского и Евгения Жаринова. Представляла свои стихотворения в рамках светских мероприятий, печаталась в литературных сборниках. Статьи о её произведениях опубликованы в различных СМИ. Награждена звездой «Наследие» III степени и медалью И.А. Бунина.

Живёт в г. Красногорске Московской области.

Покажи мне дорогу к рассвету...

Не сойти мне с обрыва высокого,
Не сломаться под страшными ливнями!
В шуме волн океана глубокого
Ветер гладит мне волосы длинные.

Серпантинном дорога уводит
Выше скал, и берёт меня оторопь:
Кто-то глаз с меня, знаю, не сводит
За крутыми судьбы поворотами.

Отголосками тонкие нити
Всё плетутся за мною бездомные –
Мои мысли – в мечтах сохраните
Небеса голубые бездонные!

Покажи мне дорогу к рассвету,
Научи меня снова дышать!
Ты и я – это вечное лето,
Сладкий сон и весны благодать!
Я хочу быть тобою согретой
И душою с тобой оживать!
Покажи мне дорогу к рассвету –
Только вместе мы можем дышать.

В тёплых ладонях согрей мою душу,
Реки свои поверни в моё море!
Волнами бурными выбрось на сушу,
Прежнее – пусть позабудется вскоре!

В тёплых ладонях согрей мою нежность
И разбуди во мне огненным жаром
Искры, забытые в саване снежном, –
Пусть же неистовым станут пожаром!

Взглядом своим растопи мою гордость –
В ней беспричинно сгорают желанья.
Мощные ливни под звуки аккордов
Станут для нас непрерывным дыханьем...

Всё, увы, когда-нибудь кончается,
И прольётся дождь минувших лет.
Новый день с восхода начинается –
Вслед за ночью вновь придёт рассвет.

Засияет солнце над вершинами,
Утро распахнёт моё окно.
Свет туман развеет над долинами –
Многое уже предрешено.

Искры снега россыпью венчаются
И кружатся в ледяных садах.
...Всё, увы, когда-нибудь кончается –
Вновь закат погаснет в небесах.

Мне мысли ощутима глубина,
И в каждом слове дышится волнением.
И оттого мне чужда тишина –
Я не ищу её прикосновенья.
Я не ищу застывших в памяти минут,
Утративших свою былую роскошь, –
Развеив сон, неторопливо уплывут,
Оставив за собою след неброский...

Тонкий шёлк лепестков и дыхание ветра –
 На палитре художника солнечный блик.
 В изумрудное платье природа одета,
 И встречает прохладой звенящий родник!
 Очаровано сердце! Взволнованно дышит
 Ароматом садов в золотом полусне...
 И не спит, и не дремлет – все шорохи слышит
 И счастливое пение птиц в тишине!

Я скучаю по летним закатам,
 По испарине жарких полей,
 Нежным, тонким цветов ароматам
 И по шёпоту тихих аллей.

Мне всё слышится в отзвуке лета
 Шелест листьев на алой заре,
 А под вечер, лучами согретый,
 Вижу, осень пришла в янтаре...

Торопливо забегали листья,
 Закружились меж дней верениц.
 Взмах художника сказочной кистью –
 И они превратились в жар-птиц!

Снова, снова душа нараспашку...
 Надыхаться бы тёплой порой!
 Но в руке загрузила ромашка –
 Отцветать ей уже не впервой.

Осенний ветер травы клонит,
 И безвозвратен день и час,
 И нет тепла, деревья стонут,
 И солнца свет давно погас.
 Луны блаженная истома,
 Как в колыбели облака...
 Здесь, на Земле, мне так знакомо,
 Что жизнь пуглива и хрупка!

Грустит земля по летним грёзам,
 В печали цвет окрашен лес.
 Перед зарницей меркнут слёзы,
 И льётся чистый свет небес.

Окутав дымкой, он струится
 В потоки ливней, снова вдаль
 Уносят огненные птицы
 Обрывки мыслей – сон-вуаль.

В небесной дали слышен шёпот
 И переливы пеня птиц,
 Страданья стон, и гул, и топот,
 И счастья гласы ясных лиц!

И где-то там, в лазури нежной,
 Перед мерцающей луной
 Плывет зима в потоке снежном
 В объятья жизни неземной...

Наряд зимы хрустально-белый,
 Вдали, как звёзды, фонари.
 Мой взгляд коснулся ветви ели –
 Её не тронут до зари.

Сегодня птица не тревожит
 Ветвей распахнутые сны.
 И тех мгновений нет дорожке,
 Что волшебства, чудес полны!

Оживший лес, и свет искрится, –
 Он обнимает и струится,
 И вновь танцует при луне, –
 И лес сияет в тишине!

Весна

И птицы поют о ранней весне,
 И солнце нам светит так ярко!
 Всё оживает, и кажется мне,
 Что сердцу нет лучше подарка!
 Я снова пишу, а сердце поёт,
 В душе что-то сладко трепещет,
 В небесные дали нас словно зовёт –
 Там ангелы крыльями блещут!

Милой доченьке

Надыхаться тобой не могу,
 Моё солнышко, милая доченька!
 Нежный сон твой всегда берегу
 И люблюсь тобою сквозь ночи я.

Ранним утром ты лучиком ярким
Вновь сияешь и мне улыбаешься.
Моей жизни бесценным подарком –
Сердца песней к душе прикасаешься.

Маме

За каждый час и каждое мгновенье
Благодарю тебя, родная мама!
Мне жизнь дана – твоё благословенье –
На судьбы льётся ярким светом храма.

Хрустальный меч грозит упрямой буре –
Твои молитвы побеждают все невзгоды!
От чёрных туч до неземной лазури
Ведут сквозь сон земной твои земные годы.

Спаси, Господь, и сохрани родную душу,
И укажи дорогу волей Провиденья!
Ты с мамой рядом будь и тёплым днём, и в стужу,
И каждый час её, и каждое мгновенье.

Детских снимков забытые стопки
Запылились среди старых альбомов.
Судеб дальние узкие тропки
Заросли – не найти их у дома...

Чай остыл, но играет луч солнца
С кружевной занавеской весенней.
Глаз родных стариков у оконца
Больше нет – нет и снимков бесценней...

Россия-матушка, Земля,
Родная мать – моя услада!
Вдали мне видятся поля,
И среди полей царит прохлада...

Там нестерпимый волчий вой
Прервёт в ночной тиши забвенье –
Бессмертный полк в жестокий бой
Восстанет новым откровеньем.

Вперёд! Не предавать себя!
Судьбу принявши на поруки,
За брата брат идёт, скорбя
За свой народ и вдовьи муки.

Календарей кровавых дней
Страницы вырвет вольным ветром.
И ночь от ночи всё темней...
Но глас с небес прольётся светом.

Как нам, прожив в плену страстей,
Святую правду проповедать?
Не видеть тысячи смертей
И горя матерей не ведать?

Служить Отчизне, чтить свой род
И Богу быть всегда угодным –
Тогда воспрянет наш народ
Пред делом правым, благородным!

Молитва

Да хранит нас всех Господь,
Озаряя нам сердца!
Сбережёт в здоровье плоть,
Душу – светлым небесам!

Помоги же, святой Боже,
Жить в молитве, чистоте
И прости мя, если сможешь,
Огради от зол во тьме.

Укажи мне путь мой верный,
Освяти мою любовь,
В силу чуда в мире тленном
Помоги поверить вновь.

Да по вере мне и будет.
Чтобы путь земной пройти,
Как бы ни был шаг мой труден,
Нужно мудрость обрести.

Буди милостив мне грешной,
Хлеб насущный даждь мне днесь,
Жизнь пройти путём неспешным
К свету ангельских небес.

Воссияй мне день безгрешен,
Сохрани мя и спаси,
Успокой мой дух мятежный
И сомненья угаси.

Я с вниманием сердечным
Помолюсь Святым Отцам,
Призывая к силе вечной
Провиденья и Творца!

Скрипичный концерт Ридинга

...Савелий вспомнил своё такое далёкое теперь детство и как родители сделали всё возможное, чтобы он поступил в музыкальную школу по классу скрипки. Ямщиков тогда успешно сдал вступительный экзамен и был зачислен, хотя от природной стеснительности и необыкновенного смущения он так и не спел для комиссии на экзамене песню «Где ж вы, где ж вы, очи карие...», которую перед этим репетировал вечерами под руководством отца почти целый месяц. Дома, под аккомпанемент отца на аккордеоне, всё получалось естественно и просто. А большое скопление и взрослых, и детей в тесном классе очень смутило Савелия. Он просто физически ощутил комок в горле и почти полное исчезновение голоса. Спасло его то, что опытные педагоги быстро распознали у него незаурядное чувство ритма и абсолютный слух.

...И вот в сентябре Савелий впервые увидел её – своего учителя по классу скрипки. Это была молоденькая двадцатидвухлетняя женщина среднего роста с большой головой, которую увенчивала пышная причёска волнами. Её удлинённо-овальное бледное лицо с ярким румянцем на щеках всё было усеяно рыжими веснушками, озорство которых смягчали большие красивые карие глаза, смотревшие на мир с некоторым удивлением и наивностью. Нос был тонким, длинным, в профиль с явно выраженной горбинкой, но не хищной, а утончённой. Когда она улыбалась, верхняя губа задорно поднималась вверх, обнажая два ряда ровных белоснежных зубов, сверкавших, как возложенные друг на друга две нити жемчуга, а у верхушки носа и в уголках глаз собирались частые-частые тонкие морщинки. Всё это было так мило и, сказать по правде, очень шло ей. Верхняя часть её складной фигурки была обтянута серо-голубой шерстяной кофточкой с двумя неширокими полосками ярко-голубого и красного цвета, окаймлявшими извилистой волной её высокую полную грудь. Стройные бёдра и голени скрывала

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

удлинённая чёрная шерстяная юбка. Высокие остроносые каблучки чёрных лодочек подчёркивали изящество её маленьких стоп. И ещё от неё исходил тончайший аромат непередаваемо изысканных духов.

Фамилия её оказалась необычной и звонкой – Паттифон, а звали её Алина – Алина Герцевна. Позднее Ямщиков узнал, что она аспирантка Московской консерватории, а её профессором является не кто-нибудь, а сам Эмиль Теодорович Вайндрах – выдающийся скрипач мирового класса. Столько лет прошло, а Савелий и сейчас ещё отчётливо помнил тот замечательный концертный вечер в консерватории, состоявший из двух отделений. И на улице, и внутри консерватории было расклеено много афиш с фотографией Алины со скрипкой в руках. Это был персональный концерт-отчёт, завершавший обучение Паттифон в аспирантуре. Её фамилия была набрана аршинными буквами, а чуть ниже более скромный шрифт извещал фамилию её прославленного педагога-профессора. Савелий сидел в четвёртом ряду, слева от сцены, и внимательно рассматривал такой красиво освещённый зал и портреты композиторов. Слева на стене, почти над сценой, первым висел портрет Чайковского, аналогично справа – портрет Глинки. Яркое, но ровное освещение сцены и зала придавало происходящему какое-то особое праздничное сияние.

И вот уже в строгом чёрном костюме появилась женщина среднего роста и таким знакомым по радиопередачам, красивым, слегка жестковатым голосом произнесла первую фразу: «Начинаем концерт...».

Алина сыграла много сольных произведений под аккомпанемент фортепьяно и завершила первое отделение очень красивым и сложным по технике исполнения концертом для скрипки с симфоническим оркестром. Успех был полным. В перерыве публика чинно прогуливалась по фойе, и Савелий с радостью вслушивался в высказывания и реплики высоких ценителей, пророчивших его учительнице блестящее будущее.

Второе отделение оказалось ещё насыщеннее. Алина исполнила несколько виртуозных сольных произведений, потом выступила в трио с ещё двумя аспирантами-мужчинами. А завершал вечер просто феерический концерт для двух скрипок и симфонического оркестра, причём партию первой скрипки исполняла Паттифон, а второй – её прославленный учитель. В первой части концерта ученица и учитель как бы соревновались, приглашая друг друга усложнять и развивать очень красивую музыкальную тему всё более виртуозными пассажами. Во второй части, такой мелодичной и завораживающей, их скрипичные голоса, казалось, слились в страстное и обнажённое объяснение в любви друг к другу. И в этом было столько обжигающего музыкального огня! Третью часть музыканты начали торжественно и напевно, но постепенно стало ясно, что в музыке, исполняемой каждым из скрипачей, произошёл какой-то надлом, перешедший в мастерски написанный музыкальный скандал, в котором первая скрипка бросала упрёки и обвинения, наступала, а вторая безуспешно пыталась доказать свою правду, безнадежно защищаясь. Заканчивался концерт полной и виртуозной победой первой скрипки над второй, но к тому же и трагически выстрадавшим одиночеством первой. Как же ликовал зал! Теперь уже и не слишком посвящённым стало ясно, что они присутствовали при восхождении на музыкальный небосклон новой талантливой и яркой звезды. Выходя на поклон аплодирующей публике, профессор загадочно улыбался и всё время выводил взволнованную и раскрасневшую Алину на шаг впереди себя...

...На следующий год их совместных занятий Савелий услышал от родителей, что у Алины Герцевны появился жених, молодой инженер, который живёт в Ленинграде и настойчиво зовёт её распрощаться с Москвой и переехать к нему. Занятия в музыкальной школе стали переноситься и прерываться, потому что Алина на несколько дней тайком сбегала к своему счастливому избраннику.

Как раз в это время Савелию посчастливилось несколько раз заниматься со своей учительницей в доме её дяди, композитора Летверджи. Ямщиков не забыл, как они с отцом как-то вечером приехали в знаменитый Дом композиторов, где их встретила консьержка и настойчиво заинтересовалась, к кому они направляются. Отделанный красным деревом и зеркалами в бронзовых рамах лифт поднял их на шестой этаж. На условленный звонок (два длинных и один короткий) массивную дубовую дверь быстро открыла Алина. Большая четырёхкомнатная квартира со всеми изолированными помещениями в ту пору была большой редкостью. По-видимому, она была недавно отремонтирована, потому что сияла, как игрушка. Савелию показалось, что каждая комната оклеена очень красивыми и оригинальными обоями в виде квадратов красного, оранжевого, жёлтого, голубого и синего цвета, как бы выложенных в гирлянды, где угол одного квадрата наезжал на начало другого. Но Алина Герцевна с гордостью рассказала, что это не обои, а ручная роспись стен масляными красками. На стенах висели дорогие картины в рамках, затейливые бра и канделябры, полускрывавшие в хрустальных цветках молочно-белые лампочки, вытянутые в виде свечей.

По диагонали одной из больших комнат, которую Алина назвала дядиным рабочим кабинетом, располагался сверкающий бликами электрического света нарядный чёрный рояль, на крышке которого лежали нотные листы плотной белой бумаги, испещрённые летящими нотными знаками. Учительница уточнила, что это музыкальные сочинения, которые композитор успел записать буквально в последние дни прошлой недели.

После урока Савелий набрался смелости и попросил учительницу поиграть на рояле то, что написал её дядя. Она охотно сыграла несколько изысканных и очень красивых мелодий, одна из которых звучала лирично и грустно, другая оказалась витиеватым вальсом, а третья – торжественным, угрюмым и, как ощутил Ямщиков, трагичным маршем. На вопрос, что это за произведения, Алина Герцевна, приложив руку к губам и подчеркнув тем самым, что это пока тайна, объяснила, что дядя увлечённо работает над балетом, который носит название «Вирсавия». Отцу Савелия она напомнила об одноимённой картине из Третьяковской галереи кисти художника Брюллова и добавила, что сюжет балета раскрывает любовную историю Вирсавии и царя израильтян Давида. Музыкальные наброски композитора Летверджи тогда очень понравились Савелию, но (как недавно узнал Ямщиков) после смерти композитора семья его эмигрировала (кажется, в Америку). Что стало с этими музыкальными темами, ни театру, ни Ямщикову, по-видимому, уже не узнать никогда...

...И ещё одна история, связанная с его музыкальным скрипичным образованием, вспомнилась Ямщикову. Ранней и тёплой весной, во время обучения в первом классе, после длительных и довольно нудных в течение всего года занятий с проигрыванием многочисленных гамм, этюдов и маленьких пьес, Савелий, наконец, получил задание разучивать небольшими порциями концерт Ридинга. Это не очень сложное и очень напевное произведение

как-то сразу понравилось Ямщикову. Когда Алина начала играть, Савелий представил, как ранним солнечным утром подросток, то бишь он сам, задорно и весело шагает по красивой просёлочной дороге, любит деревьями, листвой, пробивающимися сквозь них солнечными лучами, выходит на взгорье, и перед ним открывается большое пространство из полей и лугов, на которых пасутся коровы, овцы, козы, а в бездонном голубом небе вьётся жаворонок и издаёт радостные звуки приветствия высоте, простору, воле. Мелодия скрипки в какой-то момент настолько соединилась с ним самим, что он уже вполне угадывал, какие ноты и звуки последуют дальше. Он ощущал себя так, будто это не сочинение уже умершего композитора. Ямщикову казалось, что Алина, водя смычком по струнам скрипки, подхватывает и продолжает мотив, который рождается легко, свободно, непринуждённо у него самого.

За два дня занятий дома Савелий легко выучил заданный кусок. Вечером его красивая молодая мама, к сожалению, уже долго и тяжело болевшая, желая порадовать мужа, попросила сына продемонстрировать свои успехи. Отец очень обрадовался и вызвался аккомпанировать сыну на пианино. Поскольку аккомпанемент был несложным, отец и сын быстро сыгрались. А когда получается, хочется играть ещё и ещё. Вместе с отцом Савелий сыграл выученное раз пять, а потом отец предложил ему сыграть концерт полностью, до самого конца. У них получилось. Испытывая удовольствие сами и доставляя радость матери, они сыграли концерт Ридинга от начала до конца раз шесть. Настроение у мамы настолько повысилось, что ей самой захотелось продолжить домашний концерт. Достали ноты репертуара её юности, и начался теперь уже мамин концерт, который Савелий помнит до сих пор. У мамы было красивое, широкое меццо-сопрано. С кем сравнить её голос? Да, теперь Ямщиков знает, с кем. Когда он впервые услышал, как поёт Тамара Синявская, у него из глаз непроизвольно полились слёзы – такими обжигающе родными и знакомыми показались и звук её голоса, и благородство подачи звука. А потом, когда Савелий увидел Синявскую в концерте, он понял, что и внешне, и даже манерой держаться Тамара напомнила ему покойную мать.

Когда теперь Ямщиков посещает могилу, в которой покоятся и мать, и отец, и другие очень близкие и дорогие ему люди, он, сворачивая на ведущую к ней дорожку, всякий раз проходит и мимо могилы матери Синявской. Мысленно он кланяется и ей, подарившей миру такую талантливую дочь, и всегда вспоминает тот далёкий теперь вечер из детства, когда мать пела под аккомпанемент отца. Сердце его замирает, а из глаз текут и текут слёзы...

...А в тот памятный вечер, закончив петь, мама снова захотела послушать игру сына и мужа. И Савелий с отцом сыграли концерт Ридинга полностью уже в седьмой раз...

...На следующий день было занятие в музыкальной школе. К занятию, с большим запасом времени, Савелия привёз отец. Он усадил сына со скрипкой в коридоре, а сам уехал на работу. Договорились, что отец сможет заехать за сыном только к самому концу музыкальных занятий с Алиной Герцевной. Ямщиков настроился быть на занятиях всех учеников Паттифон, поэтому он расслабился и за временем не следил. Наступила пора занятий. Прошло 15 минут, 30, 45. Алины Герцевны не было. К следующему часу подъехали другие ученики. Алина не появлялась. Наконец, опоздав более чем на час, встревоженная, взволнованная и какая-то растрёпанная Паттифон влетела в коридор и, извинившись, что у неё отстали часы, да ещё и транспорт подвёл, она побежала за ключом от класса. Как-то необычно сгорбившись и пряча

глаза, она открыла класс и впустила в него Ямщикова и ещё двух учеников. Скинув лёгкое пальто, она быстро села за рояль и спросила Савелия: «А где же папа?» Ямщиков объяснил, что отец привёз его и уехал, а забрать его он сможет только после работы. Тогда Алина ещё раз извинилась за опоздание и спросила, не будет ли возражать Савелий, если она сначала позанимается с другими учениками. Савелий, конечно же, не возражал. Алина тут же усадила Савелия на стул у стены, напротив рояля, и включилась в занятия. Делать Савелию было нечего. Сначала он слушал, как играли ученики и какие замечания делала им Алина Герцевна. А потом Савелию наскучило, и он стал разглядывать доску с начертанными на ней пятилинейными параллелями для записи нот, потом портреты Баха, Бетховена, Моцарта, Глинки, Бородинна, Чайковского. Наконец, он отвлёкся на какое-то замечание Алины Герцевны и взглянул в её сторону. Его поразило, что вместо красиво причёсанной учительницы перед ним за роялем сидела ярко раздумывавшаяся женщина с взлохмаченной причёской. На ней была всё та же знакомая ему серо-голубая кофточка с голубой и красной яркими поперечными полосами, но две верхние пуговицы были не застёгнуты, обнажая пышную часть бюста, покрытую красными матовыми пятнами. Она комментировала игру учеников каким-то отсутствующим сдавленным голосом, но глаза её горели.

– Теперь сыграем концерт, – как-то безразлично и отстранённо сказала она ученику голосом бесконечно уставшего человека.

Тот приготовился, заиграл и согнутой в локте рукой, удерживавшей смычок, неосторожно резко сдвинул лежавшую на крышке рояля пачку нот. Она с шумом упала и разлетелась на отдельные листочки рядом с инструментом и под него. Ученик смутился, покраснел, перестал играть, нагнулся и стал среди упавших листочков неловко отыскивать ноты концерта. Найдя их, ученик водрузил необходимые ему ноты на пюпитр, но большинство других листочков так и остались лежать россыпью. Савелий, желая помочь товарищу, вскочил со стула, аккуратно собрал ноты, лежавшие у инструмента, но увидел, что ещё много нот лежит и под роялем. Алина Герцевна поняла, что Савелий справится с задачей, и из-за недостатка времени продолжила занятия. Чтобы не мешать, Савелий согнулся в три погибели, залез под рояль и начал тихо и медленно сгребать и складывать разлетевшиеся листочки в стопку...

Теперь, когда он прожил такую большую жизнь, так много увидел и услышал о жизни и рядовых, и великих, Ямщиков мог без труда додумать ситуацию, предшествовавшую тому уроку. По воспоминаниям многих, близко знавших маэстро, аспирантом которого была Алина, великий скрипач был очень горячим, темпераментным и любвеобильным человеком. Учитель любил приглашать на занятия учеников (и особенно учениц) в свою большую роскошную квартиру. Он установил такой порядок в доме, что и его личные занятия, продолжавшиеся несколько часов кряду, и занятия с учениками рассматривались семьёй, как великое священнодействие, требовавшее абсолютной тишины и отсутствия хотя бы малейшего, но нетерпимого для музыканта вмешательства в его искусство. Да и то сказать, ежедневно слушать скрипку (даже в руках великого мастера) по десять-двенадцать часов кряду – испытание не из лёгких. Семья старалась не мешать скрипачу и во время его занятий находила дела вне дома.

А маэстро воспламенялся и влюблялся неожиданно, сразу и неистово. Его любовные атаки проводились с мастерством полководца, не знавшего поражений. При этом он искренне забывал, что женат и имеет детей. Страстно

обнимая, целуя, увлекая женщину и одновременно стремительно раздевая её, он обещал жениться на ней и соединить с ней свою судьбу.

Уже в зрелые годы, раздумывая о случившемся, Ямщиков только тогда ясно понял, почему в отчётном концерте аспирантки так открыто и взволнованно прозвучал концерт для двух скрипок с оркестром и почему Алина не позволила себе остаться в Москве, а как-то быстро-быстро нашла себе жениха в Ленинграде и настойчиво засобиравшись уехать...

...Вас, конечно, интересует, как прошёл конец того памятного Ямщикову урока? Замечательно! Савелий, сам того не осознавая, выучил концерт Ридинга наизусть целиком. Наверное, сказались репетиции с отцом и пережитое на затянувшемся уроке волнение. Ямщиков сыграл концерт на едином дыхании и так выразительно, что не ожидавшая этого Алина вскочила со своей круглой вертушки у рояля, подбежала к Савелию, прижала его стриженую голову к своей пышной груди и, глядя и лаская, несколько раз поцеловала его в щёки и даже в губы. Какую нежность губ, щёк, налитой колышущейся груди ощутил юный лауреат, и какой утончённый запах изысканных духов вскружил ему голову!..

...Ямщиков с чувством благодарности вспомнил и композитора Летверджи, и его молодую племянницу, но жива ли Алина сейчас, он не знал. Он помнил только, что она всё-таки уехала в Ленинград к своему жениху, вышла за него замуж, а потом у неё внезапно открылся туберкулёз, и её долго лечили лекарствами и «поддуваниями», как это тогда называлось. Она всё это терпеливо перенесла, вернула себе здоровье, а вот детей, хотя и очень хотела, завести побоялась. Со временем следы её потерялись, но кто-то (Ямщиков так и смог вспомнить, кто) рассказал ему, что вместе с мужем Алина уехала в Израиль...

...Много лет спустя, перебирая свой архив, Ямщиков нашёл листочек со стихами. Он написал их Алине, когда ему самому стукнуло двадцать. Много это или мало? Не знаю. Во всяком случае, Савелий к тому времени был уже сложившимся, зрелым человеком и был уже женат. Звучат стихи так:

*В далёком детстве вы меня учили
Смычком из скрипки звуки извлекать.
Своею нежной лаской заменили
В час горестный мою родную мать.
Я вас любил, как любят только дети, —
Восторженно и нежно, горячо.
Быть может, мне на этом грешном свете
Придётся с вами свидеться ещё?
Тогда я не напому о посланьи,
Лишь вам в глаза, как прежде, погляжу.
Нет, нет, не заслужил я наказанья!
Я только то, что было, расскажу.
А было так: чудесный майский вечер,
Мне только восемь, вам — за двадцать два,
Я вас поцеловал в щеку при встрече —
Такая радость у меня была!
Я помню, что была большая радость,
А вот какая — вспомнить не могу,
Но помню миг и поцелуя сладость*

*В любимую душистую щеку.
Вы рассмеялись выходке мальчишки,
Я убежал, насмешкою сражён.
А ночью мать сказала: «Слышь, сынишка?
Она невеста, и в неё влюблён...» —
Но я не уловил ни слова боле,
Как будто слёзы в уши натекли.
Вы очень сильной, очень горькой болью
В мой детский мир нетронутый вошли.
В далёком детстве вы меня учили
Смычком из скрипки звуки извлекать.
И я не знал, что вы меня любили...
Но только так, как детство любит мать.*

ПОЭЗИЯ

Валерий БОКАРЁВ

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – член Московской городской организации Союза писателей России, поэт, лауреат конкурса имени Анны Ахматовой 2014 г.; победитель Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2021», автор семи сборников стихотворений и многочисленных публикаций стихов и прозы в газетах, журналах и ежегодных конкурсных альманахах и сборниках. Выпускник химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, учёный физико-химик, доктор технических наук, профессор кафедры микро- и нанoeлектроники МФТИ, ответственный секретарь научно-технического журнала «Электронная техника. Серия 3. Микроэлектроника», автор более 200 научных статей и патентов на изобретение, двух учебных пособий и монографии.

Живёт в Москве.

Сент-Экз

Поэма

Странно... уважая культуру, её разрушать.
В хвост заход, рой трассирующих... не стрелять!
Не стрелять...
Через небо тире протянулись к кабине.
О, как просто всё то, что неотвратимо.
Из горящего выпрыгнуть? – Тренировка на точность,
В перекрестии жизнь кинофильма проще.

Твоя звезда, горя, упала в море.
Жизнь поровну делила свет и горе.
Ярчайший свет, струясь, всё заливал...
И только мессер в небе ликовал.
Он ликовал – ещё Железный крест
Себе на грудь... И жизни чьей-то крест.

Ответственность, ответственность, ответственность!
Откуда ты берёшься, ты, посредственность?!
Сто лет назад – дуэль, и двести лет – дуэль.
Иные времена, но тот же в мыслях хмель.
Мой Бог, откуда этот хмель?!

Прошу вас, берегите нашу вечность!
Её так мало, дни так быстротечны.
А 1000 лет назад – по чертежам мечом...
И каждый: «я тут ни при чём».

Но кто же? Кто за всё в ответе?
Давно в могилах Адама дети,
Но эти ужасы, казни эти!
Нет, только ты, только ты в ответе!

Когда кабрировал над родиной своей
И ожидал от сполохов удара,
Ты говорил – как много там друзей,
А думал ты – как в жизни смысла мало!
Не верил ты, что солнце – это к горю,
Что смерть твою оно в себе запрячет.
И падал в море... и падал в море!
Слезой падал ты – так Солнце плачет.

Мокро.
Листья яблони стучатся в окна.
Деревянный пол слегка скрипит.
Одеяло, сверху кошка спит.
Кто-то прошуршит по потолку,
На глаза просыплет шелуху.
В комнате темно, не забрался ли вор?
Я прислушаюсь. За дверью разговор,
Поздний чай звенит, несёт покой.
Хорошо, когда родные за стеной!

Полдетства с бабушками, каждый год в деревне!
И, значит, каждый год в пути.
О, сколько сказок и преданий древних
В те годы удалось приобрести!
Но годы шли. Ушедших не догнать.
Я стал делами время возвращать.

Родные, ваша светлая любовь ко мне
Сквозь рой невзгод меня взрастила.
Подобно утренней морской волне,
Я нежно глажу тайны мира.
Другого детства я б себе не захотел.
Я всё прошедшее в своей душе лелею.
Вот только жаль, что иногда болел,
И, видно, потому я всех теперь жалею:
Увижу нищего – отдам все пятаки,
А жаждущему – дам воды напиться.
Не все дела земные велики,
Но каждое однажды пригодится.

Все детства чем-то на моё похожи.
 Раскрашивать же их предоставляю вам.
 В Лионе, на заре, быть может,
 Родился как-то мальчик Антуан.
 Он рос, как все:
 Как все вначале дрался,
 Затем мечтать, задумываться стал.
 Ночами у камина оставался
 И, глядя в пламя, грезил и мечтал.
 Писал стихи, влекло к архитектуре.
 Порывом времени в пространство понесло.
 Увлёкся техникой, года учёб минули.
 Он лётчик и романтик. Повезло.
 Профессия – опасней не придумать.
 Летишь, и жизнь твоя на волоске.
 Но некогда о жизни своей думать
 И принимать участие в тоске.

Авария... Разбит и покалечен.
 Но небо ждёт, и ты к нему идёшь.
 На картах расстоянием отмечен,
 Тобой воссозданный, он скоро станет вечен,
 Тот курс, который ты берёшь.

Ты так мало писал и так много сказал,
 Ты своими руками миры создавал!
 Ты, наш мир описав, все плохое убрал,
 И от этого ярче и лучше он стал.

Тулуза, Касабланка, форт Сисперос.
 Верблюды, бедуины и вражда.
 О, как тебе людей сдружить хотелось!
 Как много ты мечтал, как долго ждал!

Спасался ты, спасался и спасал
 И тех, кто в Кордильерах замерзал,
 И тех, кто жаждой исходил в песках.
 Но билась боль в седеющих висках.

Опять авария. Ливийская пустыня.
 Пустыня – в горле крик застынет,
 А горло сохнет, нет воды...
 На этот раз опять спасёшься ты.

Падаю ниц перед поступью грёз –
 Маленький Принц в окружении звёзд!

О, эти горы в Гватемале!
 Паденье... жив, хотя списали.
 Года нужны залечивать те раны,
 Но не сидится дома, объезжаешь страны.

Над всей Испанией безоблачное небо.
 Анархистская треба и фашистская треба.
 Человек растоптан и замучен.
 Почему так быстро был заучен
 Тот урок кровавого насилья?
 Лозунгов и виселиц засилье.
 Здесь – в фашизме женщин обвиняли,
 Там – всех коммунистов вырезали.
 Чуть ли не руками разрывали
 Плоть живых людей.
 И стреляли, без суда стреляли
 Всех подряд, и взрослых и детей.
 Свалка. Что за мусор здесь сжигают?
 Умоляю, и глазам своим не верь!
 Из канистры керосином обливают
 Трупы только что замученных людей!

Вам мало чумных эпидемий!
 Вам мало потопов и войн!
 На смерть за свои убежденья.
 Какая от общества вонь!
 И всюду безответственности лом.
 К Европе приближается разгром!

В одной стране коричневая власть.
 И эта власть раскроет скоро пасть!
 В Европе смех, шампанское рекой...
 Ты знаешь, что война не за горой.

Когда кресты над Францией повисли,
 Когда от танков над полями дым,
 О, этот жар и этот ужас мысли,
 И логики ответ – не устоим.

Страна хлебов, искусства, виноделья
 Погибла от беспечного веселья.
 Но навсегда ль? Ты знал – не навсегда!
 С тоскою глядя вдаль, покинул берега.
 Штормило.
 Слезами брызгали морские воды –
 Остатки Франции грузились в пароходы.
 Тоскливо.

Чума фашизма виснет над Европой.
 Но есть народ, не раз он всех спасал,
 Своими жертвами Европу прикрывал.
 Он явится фашизму катастрофой.

Зима. Снегами переносит вести –
 Разбит... в России... под Москвой!
 Скопившись, грянуло начало страшной мести
 За города, за жизни, за покой.
 Россия бьётся, знаешь, трудно ей.
 Придите же на помощь побыстрей!

Жуя резинку, парни молодые
 Весёлою толпой к Европе плыли.
 И многие навеки там застыли.
 Но всё ж доплыли, выгрузили танки.
 Стрельба, разрывы, наступленья, янки.

Как я много увидел
 И как ненавидел!
 Эта ненависть желчью окрасила мир.
 Как я много предвидел,
 Сколько жизней обидел,
 Сколько скинул ботинок затёртых до дыр.

Я смеюсь над мечтами,
 Скучаю часами,
 Просыпаюсь ночами. Сиж у огня.
 Успокой меня, пламя,
 Исцели меня, камень, –
 В деспотическом мире не жить мне и дня.

Я как звёзды свободен,
 Как мечта недоступен.
 Я кидаю вам мир, как кидают себя...
 Мы не часто находим,
 Чаще – просто наступим
 И, не видя, проходим, дорогу браня.

Ты был больной, ты слишком много бился.
 Как сын родной, в Европу вновь явился.
 Летать нельзя. А можно ль не летать?
 Ты не привык пред жизнью отступать.
 И ты в американском самолёте.
 Разбег, земля бежит... и вновь в полёте!
 Путь – Корсика – Судьба. Последний путь.
 Ты улетел. Обратно не вернуть.

Лазурно море, бескрайне море.
 Курс к континенту – путь на волю.
 Но что-то лезло в душу как оса.
 Ах – это солнце бьёт в глаза!

Гвоздями боль прошла по телу.
 Ты сжал штурвал, сказал «задело».
 Так жарко, а вокруг туман.
 Ты вглядывался – Францию искал.

У сердца перебой, иль перебой мотора?
 А может, то и это хором?
 Вертлявый мессер где-то здесь, он рядом.
 Тебе не до него. Своим прощальным взглядом
 Ты Францию в тот миг искал.
 Ты звал, о, как тогда ты звал!

В кабине дым дышать мешает.
 Фонарь отброшен, всё горит.
 И самолёт уж сам решает:
 Дотянет? Нет, не долетит...

Сент-Экз Марсель увидел в дымке.
Сказал – ну вот...
В последней, ласковой улыбке
Запёкся рот.
И будто матери родимой
Махнул рукой...
Земля, твои сыны ранимы!
Бог, упокой.

Мы играли в штабы,
Мы играли в дуэли.
Оцарапали лбы,
Разодрали колени.
Вроде ночь не одну
Провели у костра.
Все ушли...
Хоть кого-то найду?
Залила пустоту пустота –
Ни души...

Этот вечер проведу я в сквере.
Звёзды Принца – маяки вдали.
Этот вечер будет мною вверен
Царствию миров Экзюпери.

Консумент высшего порядка

Говорят, что семья – ячейка общества. Человеческого века сравнивают с винтиком в государственной машине. Мы живём в человеко-машинах. Являемся элементами социальной системы. Образуете потребительские сообщества. Составляете целевую аудиторию. Входитесь в группы по интересам. Вливаемся в народные массы и вливаем в себя масс-медиа. Но при этом мы так уникальны. Неповторимы. Мы личности. Персоны. Индивиды. Кажется, двойственность части и целого прочно укоренилась в нашем сознании. Когда задумываешься об этом, следующий шаг уже не представляется слишком трудным.

Наш организм – не более чем набор клеток, которые по сути даже не знают друг о друге. И то, что снаружи видится единым невероятно сложным и точно отлаженным механизмом, внутри оказывается всего лишь колониями специализированных одноклеточных существ. До поры до времени они живут, как добрые соседи, даже сотрудничают: чинят свой общий дом, отражают атаки враждебных вирусов и бактерий. Но вот хрупкий биохимический баланс нарушается, и бывшее единство исчезает. Прежние друзья становятся врагами, защитники – агрессорами. Начинается саморазрушение, экспансия, передел территорий: воспаления, аутоиммунные заболевания, рак...

Мне этот диагноз поставили лет пятнадцать назад. Помню слегка смущённое лицо молодого доктора, который, словно извиняясь, сообщил, что при такой стадии жить остаётся не больше года. Теперь вроде бы уже можно сказать, что он ошибся. Но почему же мне кажется, что ошибся я? Снова эта проклятая двойственность.

Тогда кто-то подкинул мне скрин статьи или какую-то ссылку на клинику в Белоруссии. Зачем? Я ведь тогда уже почти смирился. А тут экспериментальная методика, ограниченный набор в группу добровольцев, вероятность успеха до 99%... На них я и купился. На эти проценты. Знать бы заранее, что потом будешь завидовать тому самому оставшемуся одному проценту.

Дмитрий Алексеевич Игнатов – российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии. Родился 15 января 1986 г. в г. Ярославле. Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы. Исполняет обязанности заместителя главного редактора в журнале «Парус».

Живёт в г. Воронеже.

Меня будит прилёт снаряда. Где-то совсем близко. Лицо присыпает крупинками сухой земли. Я поднимаюсь без страха, хотя вокруг продолжают звучать разрывы и крики. Кажется, нашу позицию накрыли осколочным боеприпасом. Несколько ребят убило сразу. Но со мной так просто не получится.

В меня можно стрелять. Можно попробовать забросать гранатами или подорвать на mine. Наверное, можно даже протереть через турбину самолётного двигателя и распылить над местностью, хотя этого я пока что не пробовал. В любом случае всё это будет неверным решением. Чем больше уцерб, тем лучше – тем злее я становлюсь. И тем хуже приходится моим врагам. Поэтому я стараюсь сдерживать злобу. Она плохой помощник. И если убийство во гневе становится каким-то звериным поступком, то убийство в радости – просто бесчеловечно. Но я всё ещё человек. Или пока что хочу им быть... Поэтому я спокоен. Пугающе, абсолютно, убийственно спокоен.

Я просачиваюсь по осыпавшемуся окопу. Перелезаю через тела убитых и раненых бойцов. В их столах уже не распознать разных голосов. Боль обезличивает. Сначала низводит всех до уровня страдающей плоти. А потом смешивает с землёй. Многим осталось жить не более десяти минут. В лучшем случае смерть придёт с очередным осколком, в худшем – медленно и мучительно – от ран и потери крови. Знают ли они толком, зачем находятся на этой войне? Восстанавливать справедливость. Бороться с преступным режимом. Отстаивать геополитические интересы. Потому что так надо. Просто приказали. Всё это – или слишком общие, или слишком пустые конструкции. Я знаю более простой ответ – чтобы убивать. Я это умею. А они нет. Так пусть сидят и не рыпаются.

Какой-то Вася с осатанелым взглядом вцепился в рукоятку пулемёта. Кем он был раньше? Рисовал картинки? Сидел в офисе и совершал «холодные» звонки? Или работал в доставке? Уже не важно. Главное, что сейчас он здесь, и он боится. А это значит, что он умрёт. Отряд противника уже зашёл в развалины села. Скоро они там окопаются и начнут лупить по нашей опушке из миномёта. Мне нужно оказаться там раньше.

«Не высовывайся», – рычу я на ухо пулемётчику, а сам устремляюсь вперёд. Кусты и развороченные артой деревья будут прикрывать только половину пути. Потом всё, как на ладони – пыльная просёлочная дорога вдоль лесополосы и выжженная плешка. На ней меня уже заметят. С дрона – точно. И какой-нибудь такой же Вася попытается срезать пулемётной очередью. И даже попадёт несколько раз. Если успеет.

Я перемахиваю через последний поваленный и подкопчённый ствол. Теперь впереди только песок и обугленная трава. Автомат всё ещё болтается на ремне, хотя давно стал совершенно бесполезным. Ношу его для вида. По уставу положено. Не помню даже, когда в последний раз стрелял из него. А вот парень на противоположной стороне явно тренировался. Пули проходят в полуметре от меня, выбивая в воздух фонтанчики пыли. Меня уже заметили. Отлично. Тем веселее будет продолжение.

За почерневшими останками полуразрушенной хаты видно движение. Миномётный расчёт уже разворачивает свою адскую машинку. В тёмном проёме соседнего окна притаился пулемётчик. Нужно спешить, пока он не опомнился и не дал возможность своим «побратымам» накрыть нашу позицию.

Я откидываю надоевший автомат в сторону и бросаюсь прямо к этому чёрному прямоугольнику, откуда вскоре должны полететь пули. Машина начинает стучать. Пару раз свинец бьёт в мой броник чуть повыше живота. Больше вражеский Васёк выстрелить не успевает.

Ощущение, как меняется моё тело в ответ на внешние воздействия, наверное, никогда не станет окончательно привычным. Да и вряд ли кто-то постоянно занимается подобным самоконтролем. Мы воспринимаем свой организм как данность. Это нечто обыденное. Повседневное самоощущение. Нечто неотличимое от нашего собственного я. Целостное самоощущение, нарушаемое лишь в случае болезней или духовных размышлений. Я и моё тело. Но это не мой случай...

То, что секунду назад было внутренними органами, костями, мышцами, кожей, под действием мудрёных биохимических процессов приходит в движение, меняет назначение и форму. Я сжимаюсь и вытягиваюсь. Извиваюсь как удав. Просачиваюсь как вода. Вражеский Василёк навряд ли понимает, кто или что оказывается перед ним. Тёмно-красные, почти чёрные, тонкие как волос и острые как иглы, длинные усики, словно стрелы, входят в его тело. Теперь я чувствую свежую плоть всеми клеточками. Из специальных межклеточных пузырьков в организм жертвы выбрасываются ферменты. В каждой точке прокола запускается деление клеток. Как гигантское живое корневище я проникаю между органов, растворяю и поглощаю ткани. Экспоненциальный рост буквально разрывает несчастного изнутри. Вряд ли он представлял свою смерть так. Развороченный человек уже через минуту превращается просто в бесформенный кусок мяса. Жадная плотоядная ризома рефлекторно ещё обгладывает эти объёдки, продолжая опутывать своими нитями, но я уже теряю к ним интерес. Трапеза продолжается. Впереди новое блюдо.

В поисках питательных веществ раздувшаяся вдвое биомасса несколькими скручивающимися потоками вываливается во двор разрушенного дома. Миномётчики явно не ожидают такой встречи. Командир хватается за свою натовскую эмку, но никакой «ассалт райфл» сейчас не поможет. Чёрная щупальца уже закручивается вокруг его бедра, устремляется вверх, проникая под ткань, сжимается и оставляет без ноги. Солдат с душераздирающим криком валится на землю – прямо в кипящую чёрную лужу, которая продолжает жадно его поглощать.

Через пару минут миномётный расчёт оказывается окончательно подавлен. Я бы даже сказал «потреблён». Посреди вытопанной площадки остаётся одинокая тренога, пожелтевшие кости и чья-то каска с куском черепной коробки. Насытившись своими жертвами, ризома милостиво возвращает мне моё привычное тело и запускает автофагию – начинает поглощать саму себя, запасая энергию в митохондриях. Белохалатные умники говорили, что у меня теперь их в четыре раза больше нормы. Постепенно я снова ощущаю свои кости, мышцы, кожу...

Я опять смотрю на мир единственной парой человеческих глаз. И вижу тысячи глаз, смотрящих на меня. В метрах десяти над головой висит POV-дрон. Совсем не такой, как используют наши ребята или ребята, с которыми мы воюем. Это не какой-нибудь дешёвый одноразовый Китай, а шустрый шестимоторный жук с наклейкой «Пресса». Журналисты, как же... Уж я-то знаю – это соглядатай из Холдинга.

Всё-таки забавно, во что превратилась современная война. Раньше для тех, кто находился в тылу, это оставалось чем-то тревожным, но всё-таки далёким. Периодически напомиавшим о себе похоронами в соседнем доме или встреченными на улице инвалидами без рук и ног. Но за последнюю сотню лет всё сильно поменялось. Война, прежде звучавшая лишь в рассказах очевидцев и непосредственных участников, закричала о себе в заголовках газет, прогремела в радиосводках информбюро, появилась на экранах телевизоров, и наконец – в смартфонах. У каждого в кармане. Она близкая, карманная, почти безопасная.

Теперь мы знаем о войне куда больше. Мы разбираемся в современных видах вооружения. Мы следим за линией фронта по интерактивным картам. Мы смотрим видео с боевых операций. Мы наблюдаем за войной онлайн. Почти участвуем в ней. По крайней мере, в том смысле, в каком болельщик участвует в футбольном матче. Восполняя эмоциями собственную немощь. А война приносит нам эти эмоции: воодушевление и разочарование, сопереживание и ненависть, волнение и злорадство, боль и радость. СМИ и Сеть давно превратили войну в медиапродукт – в большое реалити-шоу, которое развлекает нас наряду с романтическими комедиями и фильмами ужасов.

В Холдинге быстро это поняли. И пока государственные мужи извлекают из войны свои геополитические гешефты, а ВПК умножает прибыль за счёт производства оружия, наши наниматели выделяют из войны самый ценный, популярный и массовый экстракт – контент.

«За прошлый год трансляции Холдинга по количеству просмотров суммарно обогнали первую тройку федеральных каналов. Причём это даже с учётом телевещания, не только интернет-аудитории...». Голос молодого мужчины в сером костюме звучит очень убедительно, но неприятно, гулко раскатываясь по пустому конференц-залу.

«А в финансовых показателях?» – перебивает какой-то очередной директор, похожий на всех прочих директоров предпенсионного возраста.

«Да... Следующий слайд. Вот. Можно видеть, что мы стабильно растём по направлениям контекстной рекламы и рекламных интеграций. Но в процентном отношении наибольший прорыв сейчас наблюдается в секторе криптовалютных микротранзакций. Как и прогнозировалось, зрители активно откликаются на интерактив, участвуют в сборах на заказной контент...»

Директор брезгливо морщится (кажется, он ещё не утратил этой способности) и пренебрежительно выдавливая из себя:

«Колизей...»

«Ну... – смущается докладчик. – История повторяется.»

«Как фарс».

«Это просто жанр, – подключается некий продюсер с фиолетовой дизайнерской шевелюрой. – Давайте без рефлексии х**ни. Кто хочет на это смотреть, делал это и без нас. Кто не хочет – не будет и с нами. Мы не навязываем зрителям вкусы, мы удовлетворяем их желания. Если не мы, то кто?»

«Кто-то другой», – улыбается оживившийся докладчик.

«Вот именно. И он заберёт наши бабки. А это мы должны забрать у него бабки, которые были его, а будут нашими!»

«Хорошо. Хорошо, – сдаётся директор. – Закончим со статистикой. Вы собирались рассказать нам о новом продукте».

«Да! – продюсер самодовольно откидывается в кресло и кладёт ноги на стол. – Несмотря на эти ваши ура-победные графики, фокус-группы уже демонстрируют снижение интереса. В следующем месяце мы ещё держим внимание аудитории, а через 2-3 месяца пойдут отписки. С нас тупо переключатся. Уйдут к ушлёпкам с гуру-контентом, которые варят башку в ведре и прочее такое...»

Директор снова морщится.

«Ясно, что это нишевый контент. Ред-румы. Попытки. Нам такое не надо. Мимо целевой аудитории. Сатанизм. Недухоскрепно. Осуждаем. Но и то, что мы не дотягиваем – это факт».

«А причина?» – искренне заинтересовывается мужчина в сером костюме.

«Скучно! Всех за**ало! Бесконечные авианалёты. Ракетные обстрелы. Мясные штурмы. Всё х**ня! 200-300. Статистика... – продюсер испытующе смотрит на собеседников, выдерживая паузу. – В общем, есть у меня один мальчик в сценарном... Витенька. Типа даже писатель настоящий. Так он мне уже давно этой идеей мозг выел. Нам нужен герой. Не толпа. Не масса в касках. Не икра е**ная. А настоящий, с**ка, герой. Которому сопереживать будут. Следить! Болеть!».

«Как Алёша?» – догадывается докладчик.

«Как х*ёша! Алёша твой пукнул и вышел весь. А нужен феномен. Персонаж. Мифический герой. Сверхчеловек! Супер-б**дь-Алёша!»

«Где ж его взять?»

«Создать. Вырастить».

«М?»

«А вот пусть Георгий Михалыч и скажет... Я ж с ним полгода назад спорил насчёт биологического направления. Аж на говно изошёл...»

«Белорусский подрядчик? – директор хмурится. – Неужели всё-таки что-то нахимичили?»

«Нахимичили. Нахимичили! Ещё как! И не какой-нибудь психосинтетический шмурдяк, как у наших западных партнёров. А настоящее, ё*-вашу-мать, биологическое оружие! Такое, что все будут кирпичами срать! А уж как рейтинг пойдёт...»

Тихий солнечный день разливается по палате. Постельное бельё нежно-бежевого цвета с узором из дубовых листочков. Такие же полотенца на спинке кровати. Клетчатый плед в тех же тонах. За приоткрытым окном шумит реликтовый лес. Всё это больше напоминает какой-то загородный пансионат. Если забыть, что вокруг не только природоохранная зона, но и два контура с КПП. На въезде и на всех табличках указано расплывчатое «Центр рекреационной биологии», но, очевидно, это тоже конспирация, ведь я здесь единственный отдыхающий. Или пациент. Не знаю, что будет точнее.

Весь персонал так мило мне улыбается, но между собой вполголоса называет это место «комплекс» и часто надолго скрывается где-то. Не удивлюсь, если под трёхэтажными корпусами с милыми мозаиками на фасадах находится ещё пять уровней подземных коммуникаций. О них свидетельствовали многочисленные вентиляционные «будочки», разбросанные по территории.

Хотя они могли быть и частью банального бомбоубежища, которые обустроивались во времена Союза на всех подобных объектах. Никаких секретных входов я в итоге так и не нашёл. Впрочем, и не искал. Тогда меня волновал лишь мой диагноз. А словоохотливый главный врач Валерий Семёнович (его фамилия неизвестна мне до сих пор) с удовольствием знакомил меня с тонкостями работы иммунитета, внутренним устройством клеток и особенностями их деления.

Наверное, это единственный сотрудник, чья улыбка была совершенно искренней, а циничный медицинский юмор отдавал добродушной заботой. Ещё издали завидев мою фигуру, шаркающую по парковой дорожке, он громко выкрикивал: «Вот и наше злокачественное новообразование!», а потом, поравнявшись, с силой хлопал меня по плечу «Метастазируем потихоньку? Ну-ну...». И хотя от этих шуток становилось почти так же тошно, как от курса химиотерапии, я улыбался в ответ.

В те дни я был идеальным пациентом. Я был готов на всё. Болезненные уколы, после которых невозможно спать. Таблетки, которые в тебя запикивают горстями, кажется, уже вместо еды. Часовые просвечивания на томографе. Бесконечные анализы, ставшие практически ежедневными. За такой больничной рутинной обычно хорошо замечаешь мелочи. Новые таблетки. Сестра набирает шприц из другой ампулы. Добрый доктор с радостью рассказывает об изменении стратегии терапии. И до поры до времени ему веришь, а потом...

Момент истины настаёт после обеда. Я давно привык, что на моих руках и ногах появляются синяки. Обычная история. Но на этот раз под кожей словно крутится тонкий чёрный волосок. Зову дежурную сестру. Та придирчиво всматривается, больно жмёт кожу на руке холодными пальцами. Потом идёт на пост, снимает трубку со старого телефонного аппарата, звонит Валерию Семёновичу. Разговор буднично-нейнформативный, но по отдельным ноткам голоса понятно – случилось что-то важное.

Главврач появляется в моей палате буквально через десять минут. Долго мой загадочный синяк не осматривает, бросает взгляд на меня. Наверное, я кажусь испуганным, потому что доктор сразу отпускает мою руку и бормочет: «Ничего... Это нормально. Нормально». Меня не особенно успокаивает, и он видит это. Какое-то время Валерий Семёнович придумывает, что сказать, изобретает формулировки, решается... Ему бы популяризатором науки быть, а не это всё.

«Это опухоль?» – сдавленно спрашиваю я.

«Опухоль, – добродушно кивает доктор. – Ваша ненаглядная».

«Значит... Всё? Конец?»

«Ну, дружочек... Всё... Я бы сказал – всё только начинается, – он хитро улыбается. – Вы же у нас феномен. Вон как хорошо себя чувствуете. На обед даже добавки просили».

На удивление, я и правда чувствую себя очень хорошо. Наверное, максимально хорошо с тех пор, как здесь оказался.

«А вы побледнели-то чего? Помирать собрались что ли? Это зря. Смерть – это последнее, чего вам теперь нужно бояться. Да и всем нам...».

Валерий Семёнович удовлетворённо кивает и продолжает улыбаться.

Сейчас я вспоминаю доброго доктора с благодарностью. Я лежу посреди пшеничного поля, раскинув руки между высохших колосьев, и улыбаюсь, прямо как он. Мои глаза неподвижно смотрят вверх, и в них отражается вечное голубое небо. Где же это было? У Толстого? Или в преданиях о Тенгри? Может, у обоих сразу? Может... Ведь что-то неосязаемое пронизывает загадочную культурную субстанцию. Так же как моя ризома сейчас прорастает через всё это поле. Я уже и сам прирос к этой чужой и одновременно родной земле. Не могу встать. Да и не хочу. С трудом отрываю руку от грунта, раскрываю ладонь, в которой что-то крутится и щекочет. На воспалённой припухшей коже раскрывается глаз. Зелёный. С чёрными острыми ресничками. «Не шали! Скучно... Но надо уметь наслаждаться этой тишиной. Скоро она закончится. Скоро поохотимся». Забавно смотреть на себя со стороны. Такому сэлфи позавидует любой блогер. Всё поле, вся эта пшеница – мои глаза и уши. Я колышусь на ветру, я слышу крики птиц, я ощущаю мельчайшие вибрации... Полёвки копошатся в траве. Ёж протопал по лесной опушке. А это... Уже трудно не заметить. На грунтовку вдоль поля выезжает парочка «брэд-ли». Мехводы жмутся ближе к лесу – боятся мин. Ну, это зря. Холдинг по своим каналам согласовал с вояками, чтобы участок не минировался. Мы же тут кино снимаем. Вот уже и шестикрылый «серафим» с камерой висит в воздухе.

Незаметно БМП наезжает в траве на неприметный грибок-дождевик. Тот лопаётся, как гнойный прыщ, выбрасывая на стальное брюхо машины чёрную вязкую жидкость. Цель захвачена, хотя ещё не ощутила этого. Тонкие и прочные нити ризомы тянутся с каждой травинки и стебелька, выходят из-под земли, наматываются на колёса, ползут по броне. Благодаря генам, позаимствованным у паука, порвать эти пути будет очень сложно. Двигателям становится всё труднее прокручиваться. Они издают предсмертный стон и, наконец, глохнут. Тонкие мышечные волокна внутри каждой нитки синхронно натягиваются, буквально вжимая бронетранспортёры в грунт. Внутри каждого по шесть человек. Они выскакивают с оружием наизготовку. Озираются, пока ещё не соображая, что происходит. Наступает время обеда.

Кто-то решает, что на машину попала маскировочная сетка, пытается снять её рукой. Это его последняя ошибка. Ощувив вкусную человеческую плоть, ризома сразу же устремляется к ней. Прокалывает кожу, раздвигает мясо, проникает в капилляры, сосуды, вены... Кровеносная система – это готовый маршрут. Прорасти в человеческое тело быстрее всего через неё. От скачкообразного роста давления лицо бойца багровеет. Из носа, глаз, ушей идёт кровь. Ему пытаются оказать помощь, волокут в сторону от замершего «брэд-ли», укладывают на траву, но только теряют время. Их товарищ переваривается изнутри. Теперь это просто бомба замедленного действия. По всему его телу из-под кожи, прямо через камуфляжную ткань проступают твёрдые чёрные иглы. Ещё минута, и он, продолжая агонизировать и истекать кровью, ошетиливается ими, как ёж. Стенки клеток разрушаются. Ткани переполняются жидкостью. Внутреннее давление повышается до предела. Туловище, ставшее уже полым оболочкой, разрывается с громким чвяканьем. Шипы разлетаются во все стороны.

Под рой смертоносных жал попадают трое ближайших солдат. Они стараются закрыться руками. Падают на землю. Пытаются кричать. Но всё уже бесполезно. У них уже нет ни рта, ни глаз – лица превратились в сплошную воспалённую язву, вздувающуюся кровавыми волдырями.

Забыв о «побратымах», остальные бросаются наутёк. Шестеро – дальше по дороге, двое – прямо через поле. Моим человеческим глазам не видно бегущих, но сейчас я чувствую каждый их шаг. Ощущаю ужас, источаемый их телами. «Идите ко мне, мои бандерлоги...». Спасаясь от неведомой угрозы, первая группа хочет укрыться в лесополосе. Зря... Трава словно становится гуще и жёстче. Тонкие длинные стебли бьют по ногам напуганных людей, рассекают их в кровь, опутывают, тянут вниз. Один боец падает и прямо на глазах товарищей острая трава сечёт его со всех сторон, разрубает на части, в фарш, втягивает в себя. И вот он уже просто компост. Просто земля. Остальных окончательно накрывает паника. Командир матерится, срываясь на визгливый истеричный крик. Слышна хаотичная пальба. Куда? По кому? Как глупо. Они не способны ничего сделать, но всё равно цепляются за жизнь.

Получив энергию для роста, ризома активизируется. Чёрные нити вырастают из стеблей выше человеческого роста, тянутся к небу, струятся и колыхаются, будто в восходящем потоке воздуха. Теперь я ничего не увидел бы, даже находясь рядом, но я знаю, что творится в этом клубке. Микроскопические корешки скручиваются и утолщаются, сжимаются, образуют непроницаемый плотный кокон вокруг своих жертв. Сложно сказать, что становится причиной смерти: удушение или пищеварительный фермент, заживо растворяющий плоть. Говорят, мозг живёт ещё около 9 минут, а значит, они ощущают, что с ними происходит. Но этот персональный ад длится недолго. Очень скоро ризома добирается и до мозга. Она любит доедать всё, оставляя лишь кости. «Тщательно пережёвывающая пищу, ты помогаешь обществу... Обществу чистых тарелок». Я невольно улыбаюсь, вспоминая, как Валерий Семёныч шутил о том, что я люблю брать в столовой добавку. Теперь же моя добавка сама бежит ко мне.

Двое в полной боевой экипировке опрометью несутся через поле. Счастливые. После увиденного их уже не страшат ни мины, ни возможно притаившийся снайпер, ни оператор дрона-камикадзе. Всё это уже воспринимается, как избавление – они видели смерть, как она есть. Но она всё ещё рядом. Ближе, чем кажется. Чёрное корневище уже начало сжиматься к центру. Объём биомассы под поверхностью растёт. Поле под ногами бойцов ходит ходуном. Первый запинаясь за выгнувшуюся дугой щупальцу, падает в рыхлый чернозём, хотя это уже не совсем земля. Вздымаясь, она мгновенно накрывает его, словно одеялом, сжимает, выгибает в обратную сторону, ломает пополам и начинает поглощать. Физиономия застывает в предсмертной гримасе из смеси боли и ужаса. На месте глаз и рта из окровавленного черепа вылезают и извиваются чёрные черви. Плоть на груди распадается, обнажая поломанные давлением рёбра. Живот проваливается внутрь, открывая позвоночник, потому что от внутренностей тоже практически ничего не осталось. Лишь сухой остов того, что минуту назад было человеком.

Его сослуживец замирает, наконец-то осознав, что бежать бессмысленно. Насыщенный живыми клетками, грунт вокруг бурлит и копошится. Молодой парень с трудом поднимает взгляд от скелетированного трупа... И видит меня.

Сейчас я хоть и не в лучшей, но всё ещё в своей форме. Даже все пуговицы и шевроны на месте. Вот только по всему телу расплзлась извивающаяся тёмная жижа, вылезло несколько щупалец и открылась пара дюжин новых глаз. Симпатичных. Зелёных. Все они пристально смотрят на солдата. И хотят есть. И он читает это в них.

Миколка (почему-то я решаю, что его зовут так) медленно снимает автомат с плеча и, дёргая затвором, взводит машинку. Неужели попробует меня застрелить? Рожка будет явно маловато... Нет. Он переворачивает оружие, направляя стволом прямо под свой подбородок. «Нет!» Чёрный усик цепко хватается за приклад, обвивает, выдёргивает из рук.

«Погоди... – мой голос раздаётся прямо из утробы чёрной извивающейся туши. – Приезжать сюда было ошибкой... Правда?»

Паренёк согласно кивает. Я снова отмечаю, что ему не больше двадцати лет. И не пожил совсем.

«Ты должен знать... Ты ни в чём не виноват. Чтобы ты ни сделал... Я прощаю. Я не злюсь на тебя. – Без человеческого рта каждое слово даётся с трудом. – Тебя как звать-то?»

«Богдан...»

«Не угадал... Ну, как говорится... Бог – дан. Бог – взян...»

Под ногами солдата раскрывается округлая зубастая пасть. Нелепо ойкнув, он ухаеется на неё целиком. Хруст костей заглушается чавканием пищеварительного мешка. Я вынимаю из биомассы свою руку. Прежнюю, человеческую, без лишних глаз. Провожу пальцами по засохшим пшеничным колоскам. Смотрю в вечное голубое небо. Там всё ещё парит дрон. Надеюсь, представление ему понравилось. Охота была краткой. Но жатва славной.

«Феномен. Самое подходящее название. Все относятся к нему по-разному, но в уникальности явления не сомневаются никто». Приглашённый эксперт вечернего телешоу закидывает ногу на ногу.

«А как он сам себя называет?» – интересуется ведущий.

«Неизвестно. Вы ведь знаете, что он ни с кем не общается».

«Да. И это удивительно. Притом, что это, наверное, самый медийный персонаж за последний год. Бойцы по обе стороны фронта записывают видео с комментариями, дают интервью, делятся своими наблюдениями иногда интереснее военкоров. Но он нет... Мы видим только съёмки с дронов, иногда записи с экшен-камер солдат, которых он... С которыми он взаимодействует. Больше ничего».

«Не думаю, что у него вообще есть смартфон» – гость улыбается.

«Вероятно, да. Потому что, когда мы обратились к министерству обороны, они сослались на секретность... Цитата: секретность данного подразделения. Значит ли это, что феномен не один?»

«Я не исключаю этого. То, насколько неожиданно он появляется на разных участках линии боевого соприкосновения, может говорить о том, что он действует не один. И если так, то это очень плохая новость для нашего противника».

«И не только для него. Надо сказать, что в последнее время особенно заметна беспокойная реакция международного сообщества...»

«Они там должны бы уже привыкнуть, что нам всё равно. Здесь всем наплевать, что они там скажут! – перебивает эксперт. – Попытка протащить через ООН осуждение... Подвести это под запрет использования биологического оружия... Это смешотворно».

«А как мы сами определяем этот... вид вооружения?»

«Я бы сказал, что это ЧВК нового типа».

«Из одного бойца?»

«Мы не знаем точно, – эксперт улыбается. – В любом случае, мы соблюдаем все нормы международного права. В том числе и гуманитарные. Но для нас в первую очередь важны жизни наших солдат. А феномен снизил наши относительные потери в 19–20 раз. Это очевидный плюс, который поддерживается нашими гражданами».

Ведущий оживает, поворачиваясь к большой светодиодной панели за своей спиной.

«Как раз по этому поводу мы провели опрос... На экране. 57% опрошенных оценили появление феномена положительно. 37% выразили настороженность, признавшись, что он их пугает. Остальные пока не определились в своём мнении. Что бы вы могли сказать сомневающимся?»

«Я бы рекомендовал доверять только официальным СМИ. Сейчас слишком много слухов, домыслов и намеренно вбрасываемых фейков».

«Онлайн-трансляции Холдинга к ним относятся? Мы можем считать их достоверным источником? Потому что мы обращались к ним за комментарием, и они отрицают свою связь с феноменом или Министерством обороны».

«Думаю, это просто высококачественная документалистика. Пока они дают объективный материал, видео с привязкой к местности без каких-либо подтасовок и передёргиваний – их можно воспринимать, как источник».

«И этот источник пугает! У нас есть большое количество озабоченных правозащитников...»

«Озабоченных всегда и везде хватало, – снова перебивает гость. – Всем, кто волнуется, советую прислушаться к последнему обращению Патриарха. Он назвал это технологией, благословлённой Господом. Если этот авторитет не достаточен, то я уж не знаю...»

Они все боятся меня. И чужие, и свои. В основном, конечно, чужие. Но и свои тоже. С момента, когда увидят, как я воюю. Но до этого они спокойны. Всё устроено несложно. Чаще всего меня вводят в состав подразделения в рамках пополнения или в ходе ротации. Когда лежишь в наспех оборудованной казарме, или ешь вместе со всеми в столовой, или трясешься в кузове «Урала», нетрудно незаметно сойти за молчуна или контуженого. Желаящие поболтать легко находят себе собеседников и без меня. Ровные ряды одинаково скрюченных фигур в единообразных зелёных касках. Глядя со стороны, можно решить, что различий нет. Но я из другого теста... Главное – дожидаться прибытия на фронт. Скоро. Уже скоро...

За быстро приближающимся гулом следует удар. Тяжёлая машина вздрагивает, заваливается на бок. Кабину разворачивает взрывом. Примерно треть ребят в кузове убивает на месте. Те, кто уцелел, пытаются вытянуть раненых. Меня тоже посекло осколками, кто-то хватается за меня. Я машу рукой, отпихиваю – «Сам справлюсь» – выдёргиваю железку, застрявшую в ноге. Деление уже запустилось. Клетки начинают латать прореху в теле. Я выбираюсь из накренившегося кузова. Замечаю на обочине зеленоглазого парня, который часов 16 назад уплетал перловку с тушёной и просил меня передать соль. Теперь он валяется на земле с выпущенными кишками. Кто-то достал его вместе с ранеными, но тут уже ничего не сделаешь... Я смотрю на него с сожалением. Ризома во мне тоже сожалеет, но по-своему – пропадёт

столько бесхозного белка. Но я останавливаю её – «Своих мы не едим» – хотя понимаю, что это совершенно глупая условность. Одна из многих условностей, за которые я держусь в попытке остаться человеком.

Метрах в двадцати ложится снаряд. Служивцы отходят под прикрытие деревьев, принимаются окапываться. Первый прилёт был пристрелочным. Сейчас представление продолжится. Я смотрю на запад, откуда уже доносятся хлопки отлётов, и иду туда напрямик через поле. Один. Сзади орут, но не останавливают. Вероятно, решают, что я помешался. Ну, и хорошо – размышляю я. Не будут крутиться под ногами. Часа через полтора я дойду до противника, и с батареей из «трёх топоров» будет всё кончено. К этому времени к нашим, дай бог, подоспеет и эвакуационный транспорт. Какой бог? Я невольно улыбаюсь. Я же здесь один.

«Мне не нравится концепция бога, пребывающего где-то там. Бога во вне... – разглагольствует Валерий Семёнович. – Как можно влиять на что-то, тем более творить, обходясь без постоянного контакта с предметом творчества. Это роль зрителя, пассивного наблюдателя, в лучшем случае исследователя, но не Творца. Нет. Настоящий Бог может находиться только внутри».

Я со стоном чуть поворачиваюсь на кушетке. Доктор заботливо кладёт мне руку на плечо. Тихонько похлопывает. Смотрит на часы.

«Знаю. Больно. Ничего, уже скоро станет легче. Постарайтесь уснуть...»

Он начинает рассказывать о клеточной культуре HELA. Линия бессмертных клеток, которая была выделена в 51-м году из раковой опухоли шейки матки женщины по имени Генриетта Лакс. Забавно, что сама пациентка давно сгнила в могиле, но клетки, содержащие её ДНК, продолжают жить в тысячах лабораторий по всему миру. Они уже не похожи на человека. По сути это просто биомасса. Кучка одноклеточных организмов. Даже их хромосомы разорваны на отдельные куски. И, тем не менее, любой анализ генома уверенно определит – это человек. Человек, который что-то понял в этой жизни и, перешагнув предел Хейфлика, теперь просто живёт... Возможно, эволюция обладает своими собственными циклами, порождая из одноклеточных организмов – многоклеточные, а потом наоборот.

«А вот ещё интересная история, – не унимается Валерий Семёнович. – Зная, что раковые клетки – это перерождение клеток здоровых, логично было бы предположить, что чем больше клеток в организме, тем выше шанс заболеть раком. Однако мы бодем раком не чаще мышей, а китообразные ещё реже. Глупо было бы предположить, что наша или китовья ДНК менее чувствительна к мутациям, чем мышьяная, ведь все мы млекопитающие. Это так называемый парадокс Пето. Есть несколько версий, почему так происходит. Хотите знать мою?»

Я не хочу, но киваю. Кажется, чем быстрее он закончит и уйдёт, тем быстрее я содохну. Или, по крайней мере, сделаю это в тишине.

«Развиваясь, раковая опухоль вынуждена встраиваться в организм. Формировать свои ткани, пронизывать себя кровеносными сосудами для питания. Это вынужденная созидательная активность. Но, естественно, внутри находятся такие раковые клетки, которые не хотят в этом участвовать. Супер-паразиты. Настоящие дармоеды. Они экономят свои силы, занимаются только собственным делением и получают эволюционное преимущество над

остальной опухолью. И в итоге сжирают её. Рак внутри рака. Представляете?»

Я снова понимающе киваю. Чёрт! Почему просто не дать мне умереть? Проклятые уколы... Кажется, что под мою кожу запустили червей. Но доктор вроде бы даже рад этому. Смотрит на меня и светится радостью. Как же он органичен в своём безумии...

Словно только что спустился с горы, поговорив с горящим кустом, и теперь готов поведать всем абсолютную истину. Ну, давай! Выдай!

«А что если в раке – и скрыт настоящий бог?». Приехали... «Это квинтэссенция механизмов дубликации. Альфа и Омега биологической жизни. Вот что породило всех тварей. Трансформировало биосферу, сотворив привычные нам небо и землю. С самого рождения оно сидит в каждом из нас: карает мучительной смертью или дарует жизнь вечную...»

Слова Валерия Семёновича становятся тише, удаляются, уносятся куда-то во тьму. Или это я лечу к свету.

А открываю глаза и вижу вокруг знакомый отсек «Ми-8». Это же надо так устать, чтобы прикемарить, сидя в вертушке. Нужно срочно брать отпуск. Пилот каким-то шестым чувством ощущает, что я проснулся. Оборачивается. «Скоро будем над точкой. Готов?»

Я молча киваю. Он выглядит, как обычный храбрый вояка. Один из тех светлых парней, которые гибнут в этой мясорубке. Но по шеврону с микроскопом и надписи «Пресса» на спине для меня очевидно – это сотрудник Холдинга.

«Мягкой посадки не обещаю, – орёт вертолётчик, перекрикивая двигатель. – Времени нет. Весь город кишит бандерлогами с ПЗРК. Скину на первую плоскую крышу, а там уж сам...»

«Ты её найди, крышу-то эту», – думаю я, глядя сверху на многоэтажные руины. Дома, напоминающие теперь больше баррикады из бетонных огрызков и арматуры. Ладно. Сращивать ноги мне не впервой. Минут за пять управлюсь и потопаю.

Подходящую площадку я вижу раньше, чем мой воздушный извозчик. Махнув ему рукой, шагаю в открытый люк.

Короткий полёт, и я приземляюсь на раскуроченную девятиэтажку. Вертолётчик приветливо помахивает стабилизаторами на прощанье, уводит машину на восток. Я провожаю его взглядом. Морщусь от боли. Как я ни старался быть осторожным, но от приземления на бетон правая нога всё-таки сломалась. Кость сместилась, вылезла острым краем сквозь кожу, упёрлась в штанину, на ткани проступило кровавое пятно. Человеческое тело так непрочное. Ризома принимается латать меня, давая мне паузу, чтобы осмотреться.

Я сижу на крыше первого подъезда блочного многоквартирного здания. Второй подъезд сложен взрывом примерно до половины здания. Вокруг – такие же покорёженные серые коробки. Квадратно-гнездовая советская застройка. Детский садик посреди четырёхугольного двора. Подальше – в других клеточках – школа, какой-то магазин... Шаговая доступность. Типовое благоустройство. Безупречная плановая система. Теперь же весь микрорайон напоминает изъеденный орган уже умершего организма. Всё знатно разрушила наша арта. Ну, что ж... Эти ребята сами хотели декоммунизации.

Сейчас боги войны молчат. Незаметно и движения войск противника. Затаились где-то. Как и мирняк, которого здесь, по данным разведки, ещё достаточно. Гумкоридор на запад по факту закрыт. Выходы на восток есть, но с двух сторон не гарантированы. Так что деваться некуда, люди просто боятся выходить из подвалов. Собственно, поэтому я и здесь. Задача понятна. Зачистка вооружённых. Защита безоружных. Подкрепления нет. Связи тоже. Кто бы что ни говорил, а моя война всегда очень простая. Жуй, жуй, глотай.

Я спускаюсь по лестнице, засыпанной бетонной крошкой и битым стеклом. Хруст под ботинками напоминает снег. Практически на каждой площадке двери квартир открыты. Здесь уж побывали славные защитники города. Где-то – чтобы оборудовать скрытую стрелковую позицию, но в основном – просто разморозить, пользуясь отсутствием хозяев. Гадко. И грустно. Почему-то вспоминаю свою квартиру. Планировка напомнила что ли... Сколько я там не был? Года три, кажется. Или уже пять? Когда никуда не спешишь, чувство времени теряется. А я, по большому счёту, давно уже никуда не спешу. Впрочем, пора бы и заняться делом.

Я выхожу из подъезда во двор. Иду по засыпанному осколками тротуару. Выхожу в переулок, заставленный обгоревшими легковушками. Позади остаётся несколько однотипных пустых дворов. Где же все? Я совсем не скрываюсь, так что они должны найти меня раньше, чем я их.

Не могу отделаться от ощущения, что вся эта тишина неслучайна. За мной кто-то следит. Неужели и, правда, ловушка? Ну, пусть попробуют.

На стене около спуска в подвал белой краской размашисто выведено «ЛЮДИ». Это правильно. На людей, может, и подействует. Прислушиваюсь. Мёртвая тишина. Только раскаты дальних боёв. Человеческими органами тут не обойдёшься. Выпускаю из рукава тонкую щупальцу с термореплетором. Ризома вытягивается, ползёт по грунту в сторону подвала, спускается по лестнице вниз. Так, растяжек нет. В последнее время у «свидомых» стало модно минировать мирняк. И не зайти, и не выйти. Но тут вроде чисто. Может, и нет давно никого. Ризома натывается на металлическую плиту – ага, вот и дверь – прорастает в щель около косяка. Тепло. Четыре или пять источников. Вроде живые. Надолго ли?

В этот момент около головы в стенку ударяет пуля. Оборачиваюсь на звук выстрела. Снайпер явно засел в доме напротив. Вспышка. Вот он – пятый этаж справа. Вторая пуля входит прямоком в мой череп, выворачивает глаз и часть мозга. Хорошо, что я давно могу помнить и думать всем телом. Но теперь уже не до воспоминаний и раздумий – настаёт время действовать...

Тело корёжит, выворачивает изнутри, сквозь кожу и одежду вылезают тонкие нити, быстро оформляющиеся в твёрдые ножки с сочленениями. Я оказываюсь покрыт ими ещё до того, как падаю на асфальт. Огромная многоножка, из которой торчат остатки человеческого тела, бешено суетясь своими лапками, устремляется к снайперской позиции. Звучит ещё пара выстрелов. Мимо. Мы уже вышли из сектора обстрела. Мы в подъезде. На лестнице. В квартире. Короткий прыжок, и чёрные шильца насквозь прокалывают испуганного человека, вгрызаются в плоть, жадно втягивают пищу. А вот и остальные. Раздаётся автоматная очередь. Слышен топот удирающих ног. В дверной проём летит брошенная в панике граната. Взрывная волна

разбрасывает часть биомассы по стенкам. Ризома отвечает на воздействие спонтанным ростом. Вокруг начинают вздуваться чёрные пузыри. По стенкам, как кляксы, растекается развивающееся корневище. Теперь уже невозможно сказать, где находятся мои неприятели – рядом со мной или у меня внутри. Щупальца смыкаются, отрезая выход на лестницу. Один боец прёт напролом, но только путается в них. Повисает, как мотылёк в паутине. Бьётся и истошно орёт, быстро оставшись без рук и ног, машет в воздухе костяными огрызками. Его «побратимы» с ужасом наблюдают, как биомасса заживо обгладывает человека досуха, мечутся по помещению в поисках пути отхода... Тщетно. Ризома уже капает с потолка на их тупые головы. Командир что-то истошно орёт в радио на своём забавном суржике, но захлёбывается – через его шею и рот уже прорастают новые щупальца. Человеческие тела расползаются на части, как папье-маше в кипятке. Через десять минут всё уже кончено.

Но на улице слышны голоса. Развалины микрорайона пришли в движение. К дому подоспевает небольшой отряд. Такое же бестолковое мясо с разномастными автоматиками. В основном западного образца. У одного РПГ на плече. Вынос снайпера они, разумеется, заметили. Так что план становится очевидным ещё до того, как гранатомётчик вскидывает на плечо свою шайтан-трубу. Заряд летит напрямик в окно, но ризома уже перекачала большую часть разросшегося тела вглубь здания. Чёрный поток из паучьих лапок, извивающихся червей, раздувающихся пузырей и острых шипов вываливается из подъезда под поднявшиеся крики и автоматную стрельбу.

Вырвавшись на простор, биомасса раскидывает вокруг свои щупальца. Орудует ими, как озверевший кальмар, сбивает неповоротливых людишек с ног, тащит, рвёт на части, оплетает и поглощает. Они продолжают стрелять, наспиговывая моё чёрное бесформенное тело свинцом, но не могут признать себе в том, что всё уже кончено. Звуки выстрелов тонут в истошных криках агонизирующих людей. Всем им суждено стать сегодня моей пищей. Подарить ризоме ещё больше энергии. Один из солдатиков, выпустив весь рожок до железки, срывается с места, хочет скрыться, перемахивает через кусок обрушившейся бетонной стены. Но устремившаяся следом клешня догоняет его. Вонзается в спину, начиная прорастать вовнутрь. Из последних сил солдатик выдёргивает чеку гранаты, намереваясь швырнуть её в самый центр беснующейся черноты. «Слава, Ук...». Его рот и рука оказываются сжаты крепкими нитями, протягивающимися прямо через кожу и плоть. Прямо перед удивлённым лицом с расширившимися от ужаса глазами из биомассы возникает зубастый рот.

«Думаешь, я позволю тебе раскрыть свою пасть?»

Ризома прорастает через горло бойца, сокращается вниз, выворачивая ему челюсть. Рука, ставшая теперь не более чем деталью человеческой марионетки, закладывает взведённую гранату в разорванный рот. Через пару секунд взрыв разносит голову на части.

Ризома успокаивается. Уже неторопливо доедает разбросанный по округе биологический материал, втягивает ненужные щупальца. Автофагия постепенно разлагает избытки биомассы, запасая энергию на будущее. Регенерация принимается за привычное человеческое тело. «Ну нахрена я сделал эти акульки зубы? Попонтоваться захотелось? Куда их теперь пихать? Ладно, покажу пока с такими...»

Обычно, я не играю с едой. Помню, ещё мама говорила, что так делать нехорошо. Но поугатать этих гадов всё-таки стоило. Хотя бы за то, что они сделали

с моей формой. Штаны и берцы простреляны в нескольких местах. Ремни на бронике порваны взрывом. Каска погнута. Я осматриваю свои окровавленные трофеи. Да, можно, конечно, прибахраться в фашистское. Обувку хотя бы. Но это всё равно БУ. А на мне-то новое было. Прапор отделения, к которому я сейчас приписан, точно останется не в восторге... Я улыбаюсь, напяливая ботинок на свежевывращенную ногу, но в следующий миг она вместе с частью руки отлетает куда-то в сторону. Я ощущаю, как ударная волна проходит через всё тело, откидывает к стенке с надписью «ЛЮДИ».

Со всех сторон вспышки, дым и разрывы. Сволочи, видимо, получили сигнал командира опорника и решили раздолбить весь квадрат пакетом «града». Может, и не одним... И судя по направлению – это уже не наши. Хотя, кого это волнует? В западных новостях всё равно всё скажут, как надо. «Вот мрази! Вам же не жалко ни вояк своих, ни мирняк...» Не дожидаясь следующего прилёта, ризома снова трансформирует меня. Нечеловеческая пасть на змеиной шее ползёт вниз в подвал. Порванное тело на выпущенных ножках спешит удрасть в надежде отвлечь артиллериста на себя. Глазом, открывшимся где-то в районе загрипка я замечаю, что над домами висит не только мой «серафим», но и вражеский «мавик». Ясно, корректирует огонь. Я пытаюсь ускориться, хотя понимаю, что второй пакет всё равно накроет слишком большую площадь. Ситуация безвыходная. Вот бы пронесло. Зубастая пасть в подвале орёт под железной дверью «Обстрел! Сидим тихо!», но этот голос уже никто не слышит. Вокруг снова сплошные разрывы. С потолка подвала сыпется крупная крошка. Развалины дома дрожат, угрожая вот-вот окончательно осыпаться. Несколько разогретых сигнатур шебуршатся в темноте. Людей накрывает паника. Я останавливаюсь, буквально растекаюсь по земле, притворяясь мёртвым, но кажется, мои оппоненты решили выжечь тут вообще всякую жизнь. Тикают минуты между залпами. Нервы у людей в подвале не выдерживают: три фигуры выскакивают на улицу. «Остановитесь!» Следующий заряд попадает прямо в дом. Бегущих сечёт шрапнелью, рвёт взрывной волной, размазывает по всклокоченному асфальту, смешивая их тела с моим. Устав сопротивляться, складывается и остаток подъезда, погребая под собой последних выживших. Я слышу, как в тишине на всё опускается цементовый прах.

Войну следовало начать давно. Раньше – всегда лучше. Я и сейчас так думаю. Чем позже принимаешься лечить рак, тем труднее приходится. Тем на большие жертвы придётся пойти. Сейчас мы заняты именно этим. Мысли об исключительности, о «самостийном» превосходстве, национализм всех мастей, мелкоэтническое чванство – всё это безобидно, пока сидит в головах отдельных личностей. Даже забавно до поры до времени. Но всё это сбои в ДНК организма общества, которые рано или поздно приводят к перерождению. Клетка за клеткой ткань социума превращается в опухоль. Сначала в доброкачественную, ещё сдерживаемую оболочкой собственных границ, а затем – в дающую метастазы на соседней.

Когда злокачественное новообразование оформилось, уплотнилось, осознано себя самостоятельной силой, профилактика становится бесполезна. Время упущено. Остаётся только вырезать и выжигать его калёным железом. Вытравливать всё новые очаги. Безжалостно. До последней больной клетки.

Погибнут ли при этом здоровые и невиновные? Разумеется. Но такова цена борьбы с раком. К сожалению, по-другому не получится. Можно попробовать лишь минимизировать потери. Не более того.

Именно поэтому всегда следует начинать раньше. Именно поэтому на поле боя меня не интересует территория. Мне не важна личная история или мера персональной ответственности каждого, кто наставляет на меня оружие. Кем он был и как попал сюда – уже не имеет значения. Мотивации, объяснения и оправдания остались в прошлом. Теперь каждый, кто мешает – будет ликвидирован.

Я смотрю на врагов и союзников, но уже не вижу людей. Это всего лишь клетки: болезнетворные тельца, инородные агенты. Когда простые лейкоциты с ними не справляются, на сцене появляюсь я. Один рак поедает другой. Как у кита. Или у кота... Не помню.

Знает ли среднестатистический Тарас, в каких процессах участвует его брэнное тело? Какие силы вдруг превратили его из милого селюка в «справжнього ария»? Кто обрёл его на смерть, и кто приведёт этот приговор в исполнение? Осознаёт ли истинный масштаб эволюции, протекающей на всех уровнях бытия и выходящей далеко за рамки до пошлости банального социалдарвинизма? Понимает ли глубинную связь судьбы своих клеток с иммунными механизмами целой человеческой популяции? Ощущает ли важность и одновременно ничтожность своей роли во всеобщем процессе потребления органических веществ?

Думаю, в последний момент для него всё-таки что-то проясняется. Он видит мои зелёные глаза. Мои острые зубы. Свой ставший бесполезным автомат и бронезилет. Теперь новоявленному уберменшу ясно – он не венец творения. Не сверхчеловек. Он не стоит на вершине пищевой цепочки. Он всего лишь пища. Моя.

На этот раз на восстановление требуется больше времени. Разбросанная по руинам биомасса конденсируется в мелкие капельки, собирается в комочки, медленно стекается и сползается, восстанавливая единое тело. Разнообразии специализированных деталей при общности основы – вот залог успеха всех жизнеспособных систем. А все способные к жизни хотят только одного – жить.

Продолжая регенерировать, я экономлю силы. Лениво поворачивая голову, чтобы осмотреться. И среди груды обломков и разбросанных частей тел, вижу её. Вернее то, что от неё осталось. Разорванный кусок человека, который цепляется за своё существование. Практически вся нижняя часть отсутствует. На месте лишь короткая культя от правой ноги. Из вскрытой полости по земле волочатся размотанные кишки. Под оголившимися рёбрами болтаются остатки почек. Как это ещё может жить? И тем не менее оно смогло проползти около метра по луже собственной крови. Руки из последних сил царапают пальцами асфальт. Удручающее зрелище. Но и вдохновляющее одновременно.

Я медленно подхожу, рассматривая умирающее тело. Кожаная куртка. Тёмные волосы. Девушка лет двадцати пяти. Не больше. Вероятно, пряталась тут с кем-то из своей семьи. Возможно, её родственники сейчас среди тех, кого раздавил рухнувший дом. Даже не знаю, кому повезло больше...

По возможности осторожно я переворачиваю тело. Почему-то мне интересно увидеть её лицо. Левая часть содрана, глаз вытек наружу, всё в крови... Но симпатичная. Единственное веко дёргается не в силах открыться. Посиневшие губы неподвижны. Конечно, она уже ничего не соображает. Это уже не жизнь, а просто слишком затянувшаяся агония.

Ризома чёрными волосками крутится под кожей. Нельзя, чтобы органические вещества пропадали без дела. Живи или стань пищей – простой закон.

«Ну, уж нет! Не слишком ли одноклеточная логика для человека?». Плотоядное новообразование протестует, но во мне ещё довольно и жалости, и амбиций. Это я управляю им – а не наоборот. К израненной девушке опускается десяток разветвившихся нитей. Но на этот раз не для того, чтобы мгновенно переварить. Гемостатический коагулянт заваривает большую часть разорванных сосудов. Ризома продолжает проникать между клеток, формирует свои каналы, присоединяется к кровеносной системе, образует тонкие мембраны и подпорки, начинает вкачивать в умирающий организм компоненты моей плазмы и лимфы. Я поднимаю человеческий ошмётток с земли.

Шестимоторный «серафим» буднично висит над головой. Этому никакие прилёты ни по чём. Всё ради хайповых кадров. Повыше барражирует разведывательный «орлан». До этого я его не видел. Чем-то заинтересовались. Высматривают. Значит, что-то намечается. Не исключено, что наши «жёлто-блакитные» оппоненты серьёзно обосрались после моего показательного выступления и принялись спешно покидать город. Очень вероятно, ведь они тоже смотрят трансляции Холдинга. Если так, то сейчас артиллеристы должны подогнать поближе что-то вроде «тосочек» и начнут лупить по отступающим частям противника.

Я почти угадываю... Небо рассекает пара «сушек». Бахают «фабами» по западной стороне. Перерабатывают там всех на звёздную пыль. Уходят за следующей порцией. Точно. Разворошил я это гнездо. Крысы побежали... Но это ещё надолго. Не захотят бросать западную технику, начнут выволакивать, застрянут в пригороде, по ним будет методично работать арта и «воинство небесное». Господа офицеры свои натянутые нервы щекотать не захотят, так что солдатики появятся тут в самую последнюю очередь. Ну, и правильно. Но надолго. Надолго...

«А пока весь город мой... Наш, – я усмехаюсь, глядя на полудохлую кучу человеческого мяса на своих руках. – Сходим куда-нибудь? Покажешь достопримечательности?»

Девушка молчит. Даже не смотрит на меня своим единственным уцелевшим глазом. Сразу видно – барышня с характером. Окровавленное тело норовит выскользнуть, того и гляди снова съедет на землю. «Ну вот. Только познакомились, а ты уже садишься мне на шею...» Перехватываю её покрепче, закидываю на плечи.

«Ну ничего... Мы ещё... Встанем!»

Мы лежим в номере полуразрушенной гостиницы. Здание в стиле позднего советского конструктивизма. Геометрия тетриса. Во многих помещениях нет стёкол. В некоторых – целых стен. Эта часть сохранилась только потому, что выходила окнами во внутренний двор. В коридорах перевёрнутая

разбитая мебель. На полу сорванный ковролин, осколки, строительная пыль и куски осыпавшейся штукатурки.

Вечереет. Электричества здесь, разумеется, нет. Вокруг уплотняется темнота. Но свет мне и не нужен. Я даже не открываю свои человеческие глаза. Просто устроился на подушке, заложив руки за голову, и прислушиваюсь к ощущениям.

Ризома колдует над лежащим у меня под боком растерзанным телом. Сейчас нас связывает десяток «пуповинок», объединяющих полости, сосуды и органы. Девушка спит и ничего не чувствует – хитроумная опухоль, преодолев гематоэнцефалический барьер, проникла в мозг и выплеснула порцию ингибиторов обратного захвата серотонина и норадреналина, вызвав приятную седацию, а потом для надёжности рассекла спинной мозг, блокировав все сигналы.

Человеческое тело устроено просто. В основном просто. Я узнал это, пока убивал. Теперь пришла пора заняться обратным процессом. Чёрные нити протягиваются через всё тело моей подопечной. Вряд ли кто-то погружался в её внутренний мир настолько глубоко... Органы и мягкие ткани – самое простое, что мне обычно приходится восстанавливать. Кости формируются дольше. Особенно, когда пытаешься сделать их с нуля.

Скульптор отсекает всё лишнее. Но он работает с мёртвой материей. Мне же дано умение добавлять то, чего недостаёт, и менять то, что есть. Я манипулирую с живой плотью. С тем, что может дышать, есть, и страдать. Прямо как и я сам... А ведь нужно ещё и сохранять эстетику. Не думаю, что мадмуазель будет рада паре клонированных мужских ног. Может, в таком случае стоит проявить фантазию? Это же моя Галатея. Захочет – потом всё сама переделает.

Меньше жёсткости. Больше гибкости. Развитый мускульный корсет вместо грубого скелетного каркаса. Длиннее. Подвижнее. Грациознее. Спасио вирусам за горизонтальный перенос генов...

Ризома умножает позвонки, протягивает новые сосуды, оплетает их мышечными волокнами, иннервирует ткань, покрывает всё узорчатой кожей, снова подключает спинной мозг. Девушка вздрагивает. Пока что она слишком слаба и не умеет управлять новым телом. Но оно уже тёплое.

Издали доносится приглушённая канонада. Бои удаляются от города. Небо высвечивается вспышками осветительного боеприпаса. Магниеые «люстры» плавно, словно снег, опускаются в ночи. Волшебное зрелище. Жаль, что она его не видит. Но в полоске падающего из окна света, я вижу её губы. Снова красные. Она живая. Живая.

Тихонько, чтобы не разбудить, провожу рукой по голове. Вдыхаю запах волос. Чёрные и пахнут копотью. Я наклоняюсь к самому её уху – «Сделаю тебе глаза, как у мамы... Зелёные» – и, прикрыв окровавленные глазницы рукой, прижимаю к своему плечу. «Спи пока... Хочешь я расскажу тебе что-нибудь?»

Зачем я это спрашиваю? Разве она слышит? И что мне рассказать девчонке, которая несколько часов назад, вероятно, потеряла всю свою семью? Разве что одну из тех историй, которыми развлекал меня Валерий Семёнович...

Далеко-далеко, на другом конце света, на жарком острове Тасмания живут маленькие хищные чёрные зверьки. У них зоркие глаза, большие пасти и много-много острых зубов. Они – единственный вид в своём роде «Сакрофилус», что по-гречески означает «пожиратель плоти». Но белые переселенцы называют их просто – тасманские дьяволы. Эти мелкие хищники такие

агрессивные, что даже просто общаясь, кусают друг друга за мордочки. И порой в месте укуса начинает разрастаться лицевая опухоль – смертельное злокачественное новообразование. Оно состоит из мутировавших шванновских клеток – вспомогательных клеток мозга – и передаётся от животного к животному. Заразная глиома. Трансмиссивный рак. Тоже единственный в своём роде. Забавно, что когда-то он сам был одним из таких зверьков, который погиб, но переиграл всех своих не в меру злобных сородичей. Теперь его клетки кочуют с одной оскалившейся морды на другую. Пожирают их изнутри, чтобы продолжать жить. Вечно.

Веки под моей ладонью слегка подрагивают, щекочут ресничками. «Спи, спи...»

Она сидит вполоборота к свету в старом кресле хрущёвской поры. За окном необыкновенная тишина. И больше ничего. Только солнце. Падает на длинные чёрные пряди, спускающиеся ниже плеч, блестит в зелёных глазах. На ней, по-прежнему, кожаная куртка и порванная футболка в запёкшейся крови. Но ниже, чуть повторяя линию прежних бёдер, человеческое тело плавно переходит в массивный, тянущийся метров на семь, змеиный хвост.

«Я умерла?»

Голос девушки чуть сдавлен. Но руки расслабленно лежат на потрескавшихся полированных подлокотниках. Я замечаю, как под кожей крутится еле заметная чёрная ниточка. Тело приняло ризому. Или она приняла нового носителя. Не знаю, что вернее.

«Нет. Смерть – это последнее, чего тебе теперь нужно бояться».

Она снова испуганно глядит на себя, делает робкую попытку пошевелиться, пускает лёгкую волну по вытянутому туловищу. Скоро она научится им пользоваться. Это намного проще, чем ходить. Но по обращённому ко мне просительному взгляду я понимаю, что требуются пояснения.

«Тебе оторвало ноги. Пришлось импровизировать. Недовольна?»

«Нет, я... Просто... Необычно».

«Тебя не Ксения звать?» – пытаюсь я разрядить обстановку.

«Нет... Агния».

«Снова не угадал. Что ж такое-то...»

«Что?»

«Да ничего. Это я так...»

Испытывая неловкость, отвожу взгляд. Чувствую, что совсем разучился общаться с людьми. Долго ищу точку, куда смотреть. Её глаза. Руки. Окно. Снова её глаза.

«Агния – это на латыни – агнец. Или по-гречески – невинная жертва».

«На латыни? Ты что, медик?»

«Вроде того... Людей лечу», – я невольно улыбаюсь.

«Погоди. Я тебя узнала! Ты же этот... Феномен. Охренеть...»

Надеюсь, автограф она не попросит. Я поднимаюсь, выглядываю в коридор, где через проломленную стену между высоток виден разрушенный пригород и кусочек горизонта. На шоссе заметно неторопливое движение. Несколько танков при поддержке мотопехоты собираются заходить в город. Противник отошёл. Начинается зачистка западных окраин от тех, кто не успел уползти. Ну, значит, и нам теперь туда.

«А ты только бандерлогов мочишь?» – любопытничает девушка.
 «Просто ем».
 «Говорят, это у тебя что-то личное... Типа мечь. Да? Вроде семью твою убили... Такое, да?»
 «Нет...»
 «Девушку?»
 «Да не убили у меня никого...»
 Я надеюсь, что это реакция на стресс. Но, кажется, она просто любит поболтать.
 «Не хочешь – не говори», – чуть обижается Агния. Наверное, думала, что найдёт в моём лице более словоохотливого собеседника.
 «Говорю же... Я просто ем. Это моя работа. Или... Способ существования, – я бросаю оценивающий взгляд на существо в кресле. – Нам пора идти. Попробуй встать».
 Агния упирается руками в подлокотники, приподнимается. Она пока не уверена, что сможет справиться со своей новой биоформой. Осторожно опирается на хвост, но ещё держась руками за кресло, балансирует, выпрямляется.
 «Забавно... Словно идёшь на спине... Которая ниже задницы».
 Стягивая за собой по полу палас и куски оборванных обоев, она выползает за мной в коридор, прихватывается за косяк, боясь потерять равновесие.
 «Я раньше хотела на восточные танцы записаться...»
 «Ценная информация. Попробуй быстрее. Нам лучше убраться до подхода войск».
 Лестничные пролёты даются прощё, хотя она по-прежнему почти не отпускает перила. Мы спускаемся вниз, пересекаем холл, усыпанный сверкающими кусочками разбитых зеркал. Толстая змеиная кожа, усиленная роговыми чешуйками, скользит прямо по ним без какого либо ущерба. Пыльный воздух наполняется солнечными бликами, играет лучиками цветного света.
 «А кто там? Наши? Или не наши?»
 «Наши».
 «Тогда почему?..»
 Я ловлю её непонимающий взгляд.
 «Это всего лишь люди. Они могут быть недостаточно подготовлены или плохо проинформированы. Могут нервничать. Кто-то случайно выстрелит, я буду вынужден защищаться... Когда включаются рефлексy, я превращаюсь просто в...»
 «Да видела я. На видосах. Страшно, капец. Но круто! А вообще так и надо с макаками этими! Скакали они... Доскакались теперь! Кастрюли грёбаные...»
 «Так неправильно говорить. Во-первых, это тоже всего лишь люди. Во-вторых, ненависть – это эмоция. Эмоции тратят энергию. А нам не надо тратить энергию. Надо просто есть».
 Она не дослушивает меня.
 «Да какие они люди?! Они знаешь, что с братаном моим сделали?! В подвал забрали и пытали там. Потом выкинули мёртвого. Мы когда тело нашли... А он весь изрезанный. С него с живого кожу ножом снимали, прикинь! П***расы... Решили, с*ка, что он из ополчения. А у него просто штаны и куртка были типа военные. Не было других вещей. Достал такие и ходил... А сам он студентом был просто. Ублюдки... Мочить их всех надо! Если бы могла, я бы их живьём на части прям раскромсала...»

Я вижу, как резко переменялась моя Галатея. Кулаки сжаты. Вены на висках вздулись. Под кожей крутятся нити ризомы, прорастают сквозь волосяные луковицы, приводя в движение всю её чёрную гриву, будто превращая в клубок тонких извивающихся змей.

Да, она может. Теперь может... Ещё несколько секунд, и вспышка гнева быстро сходит на нет. Не обнаружив вокруг подходящей добычи, ризома подавляет агрессию. Агния облегчённо вздыхает.

«Это странно... Раньше, когда я вспоминала весь этот ужас, то каждый раз плакала. А сейчас... Злость и вдруг... Пустота».

«Это нормально. Я же говорил... Гнев, ненависть и страх – это спутники слабости. Они несут в себе разрушение и хаос. А я – спокойствие, порядок и силу. И ты теперь тоже».

Она долго и молча смотрит прямо в мои глаза.

«Где же ты был все эти восемь лет?»

«Боле...»

Куда ни глянь, до самого горизонта всё поросло подмаренником. Ярко-жёлтые пушистые метёлки, как волны, колышутся под голубым небом. Дрон с надписью «Пресса» снимает сверху всю панораму. Зрители на другой стороне экрана с нетерпением ждут появления своей любимицы. Сегодня представление проходит без меня. Я такой же простой зритель. Но всё равно сижу в самом первом ряду – на башне развороченного «абрамса».

Метрах в трёхстах от меня находится, а вернее уже находился неплохо оборудованный тренировочный лагерь. До линии фронта сотни прикрытых ПВО километров. Могли ли «гарные службовцы» предположить, что сегодня их боевая подготовка пойдёт по особому сценарию? Это вряд ли... Сейчас там творится невообразимый кошмар.

Большие брезентовые палатки завалены. Несколько затентованных грузовиков буквально смяты и перекушены посередине. Исступлённо визжащие человеческие тела пытаются скрыться в высокой траве, но это бесполезно. Их смерть повсюду. В каждой травинке. В каждом сантиметре земли. В каждом вдохе заражённого спорами воздуха.

Щупальца гигантской многоглавой гидры толщиной с увесистое полено вылезают прямо из-под земли. Как зубастыми цветами, раскрываются хищными восьмистворчатыми пастьями. Разбрасывают людей в стороны, ломая пополам, хватают, заглывают целиком и рвут на части. Выблёвывают чёрную слизь, которая мгновенно взмывает вверх. Рои хищных клеток облепляют ещё тёплую трепещущую плоть, утаскивая в бурлящую тёмную жижу.

Техника, оружие, люди, живые и мёртвые, сама земля с травой и жёлтыми цветами – всё срывается со своих мест, сжимается в кучу, хрустит, хлюпает и пережёвывается. Посреди перекопанной площадки, словно гигантский гриб, в небо вырастает земляной колосс. Мёртвая голова из костей и глины, почему-то напоминающая мне Че Гевару. С обгоревшей крышкой вместо звезды на округлом берете, с золотыми космами из вырванных цветов и с пустыми чёрными глазницами. Вокруг него ровными рядами из грунта всплывают белые черепа.

И всё замирает. Рассекая волны золотых растений, ко мне неспешно приближается Агния.

Она оборачивается, оценивая дистанцию, достаёт смартфон, выбрав наилучший ракурс, делает сэлфи на фоне своего творения в грациозной позе с четырьмя расставленными руками.

«Это ещё зачем? – спрашиваю я, – Холдинг уже всё заснял».

«Для персонального аккаунта».

«Чего?»

«Регнулась на платформе. Веду арт-бложек. Kali108. Уже тридцать тысяч подписчиков».

«Тоже мне художница...»

«А что? Музыканты уже были. Чем мы хуже?»

Мне нечего на это ответить, просто укоризненно качаю головой. А она срывает ближайшую жёлтую кисточку и, смеясь, тычет мне в лицо.

«Да расслабься ты... Понюхай! Чувствуешь? Мёдом пахнут».

И правда – мёдом. Глядя в смеющиеся зелёные глаза, я и сам невольно начинаю улыбаться. Сколько ещё притягательной человечности остаётся в этом чудовище. И кто она мне теперь? Моя жена? Сестра? Ребёнок? Может, я сам? Вопрос, остающийся вне тактических интересов геной инженерии. Но всё же шутливо спрашиваю:

«Ты понимаешь, что когда-нибудь мне придётся тебя съесть?»

«Зачем?» – так же весело переспрашивает она.

«Ну, я же феномен. Революция в биоинженерии. Апофеоз войны за выживание. Отец всех чудовищ, – ехидничаю я. – А все революции и войны в итоге всегда пожирают своих детей».

«В конце должен остаться только один, да? – смеётся Агния. – И какой план дальше?»

«Двинемся дальше – на запад».

«Нет. Твой план для последнего чудовища».

Я задумываюсь.

«Не знаю... Покрыть собой всю планету. Превратиться в мыслящий океан...»

«Зачем?» – она делается серьёзной.

«Чтобы обрести покой».

«Ну... Тогда я согласна».

Философские раздумья прерывает шум мотора. По заросшей грунтовке движется бронированный «хаммер». Свернув прямо на поле, он быстро приближается и останавливается прямо напротив нас. Из кабины смотрит добродушный боец в натовской форме. Жёлтый скотч на каске. Шевроны с крестами и вилами. По экстерьеру просто калиброванный нацик. Не подкопаешься.

«Здоровеньки вам и вашей панночке!» – смеётся солдатик. И я вдруг узнаю своего вертолётчика.

«Ты что тут делаешь?»

«Вживаюсь... И улыбаюсь, – отвечает со вздохом. – Такая работа».

Он приветствует рукой съёмочный дрон. Свои, мол. Всё в порядке. Оператор удаляется. Ясно. Главным героям тоже пора менять локацию.

«Видали?! Махнул, как говорится, не глядя, – чуть высунувшись из окна, довольно хлопает он по борту машины. – Залазь назад! Я кругом тонирован. Ха! Подкину до первого КПП, а там уж сами...»

Мне вдруг кажется, что я вижу, как под его кожей крутится тоненькая чёрная ниточка. Пустили в серию? Да вряд ли... Почудилось, наверное. Садимся. Машина резво трогается с места. Снова выезжает на дорогу,

поворачивает в западном направлении. Что ждёт нас там? Ещё больше еды. В этом я совершенно уверен.

Наш организм – не более чем набор клеток. Они не знают друг о друге. Отлаженный механизм вдруг оказывается просто колониями одноклеточных. И когда хрупкий биохимический баланс нарушается, исчезает и былое единство. Начинается саморазрушение, воспаления, рак...

До жути похоже на то, как живём мы. Винтики в государственной машине, создающие ячейки общества внутри гигантских человекоидов. Мы составляем целевую аудиторию. Входим в группы по интересам. Вливаемся в народные массы и вливаем в себя масс-медиа. Потребляем сами и служим пищей для чьего-то потребления. Нападаем и защищаемся. Может, и мы сами – клетки какого-то организма. Просто ещё не поняли этого... И кто я в этой пищевой цепочке? Консумент высшего порядка.

ПОЭЗИЯ

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

Любви приоритет

Светящаяся арка
Предновогодних дней.
У городского парка
Разглядывал за ней
Гирлянды, бусы, маски,
Зеркальные шары
И озорные краски
Весёлой мишуры.
И выстрелы хлопушек,
Войны как будто нет,
Ни блиндажей, ни пушек...
Любви приоритет.

Смогу ли, Боже, не осуждать
Того, кто склонен меня предать?
Того, кто волен меня смирить,
Смогу ли, Боже, благодарить?
Того, кто может меня убить,
Смогу ли, Боже, не разлюбить?
Смогу ли подлость простить врагу?..
В себе Иуду? Нет, не смогу.

Мокрый падает снег,
В лужах чавкает вечер,

Облепил меня сленг
Чужеземных наречий.

Совершить бы побег
Из столицы далече,
Где по-прежнему снег
По-крахмальному млечен.

Мне в деревне Ратчино
Нравился обычай,
На Москве утраченный,
Где не до приличий.
Здесь не скажут «здрате»
На твою приветливость,
Тут снуёт без радости
Среди нас невежливость.

В деревне, где цвели раkitки,
На днях печальные калитки
Юдоли русской повстречал,
В калитки без толку стучал...

Что мне до участи раkitок
И покосившихся калиток
Усадеб, пропитых вчера
На подмосковных вечерах?

Что до того мне, что Борис
Надрался до потери риз
И сдал шпане с партийным стажем
Отечество по распродаже?

Доверчивая наша воля
Неволит нас за дураков.
Такая уж Иванов доля
И до скончания веков.

Контрбатареинная борьба,
По ежедневным сводкам судя,
Дана как вечная судьба
И мне, и постсоветским людям.

Давай последуем примеру
Певца с рекламного щита,
Не станем «слушать под фанеру»
Теперь ни одного хита.

Открестимся от караоке
И прочей музыкальной лжи,
Пока не захлестнулись в роке
Удавкой микрофонных жил.

Ветер в марте не дремлет,
Обнимает до слёз,
По ушам меня треплет,
По щекам, чтоб не мёрз.
Принимаю как радость
Эту встречу с весной,
Как прощания данность
Зимней стужи со мной.

Мой март весёлый, как ручей,
Уже поплыл янтарной щепкой,
Мне щекоча глаза под кепкой
Калейдоскопами лучей.

От солнечных его проказ
Покину ветреную дачу,
А радость в городе истрачу
У первых же разменных касс.

В цветной гирлянде москвичей
Нырну демисезонной кепкой,
Не став один болтаться щепкой
В янтарном празднике лучей.

Выныривать и вновь нырять
До вечера я не устал бы,
А там желать не перестал бы
С тобою утром увидеть,

Как одуванчики – веснушки,
Разбуженные гимном птиц,
Зажгут полянки наших лиц
В сугробах скомканной подушки.

Мчусь в фирменном вагоне,
Простясь среди весны
На солнечном перроне
С республикой Аpsны.

Страна души, открыта,
Тепла твоя ладонь.
Лишь с недругом сердиты
И всадник твой, и конь.

Страна вершин, где речки
Резвятся в облаках,
Курчавых, как овечки
На пастбищных лугах.

Зато внизу на пляже,
Сняв серенький кафтан,
В армейском камуфляже
Красуется платан.

Приветливы здесь сёла,
Здесь моря через край,
У станции Весёлой
Здесь ждёт меня твой рай.

Абхазия, в вагоне
Час тороплю, когда
Опять меня погонит
Любовь жены сюда.

Восторгу мир стал тесен,
Когда Христос воскрес.
Воистину воскрес! –
Ликуюем до небес.

Воистину воскрес!
Христос, Христос воскрес!
Слова пасхальных песен
Дарованы с небес.

Нет радостнее вести
Мариям от небес:
– Что топчетесь на месте?
Учитель ваш воскрес. *

* см. Мф 28:1.

Портфель на дороге. Учитель

Рассказ

В конце декабря на посёлок и на всю округу опустились страшные морозы. Они до того были лютые и свирепые, что не отступали даже днём. Утром, когда все в доме просыпались и пытались вылезти из постелей, сразу заметно ощущалось, как сильно он за ночь выстывал. Из рта шёл чуть заметный пар. Стёкла покрывались толстым слоем белой мохнатой изморози. Даже в ведре с водой образовывалась тоненькая ледяная корочка. В такие утра вылезать из постели совсем не хотелось.

Мать уходила на работу намного раньше, даже не растопив печи. Она хмуро будила детей, а они делали вид, что собираются вставать. Но едва закрывалась дверь, они тут же зажмуривали глаза, – чтобы вздремнуть всего «на минуточку». И... проваливались в сон. Но старшая сестра быстро спохватывалась и расталкивала младшую. Кое-как торопливо одевшись, часто даже не позавтракав, иногда только попив тёплой воды из чайника, дети бежали в школу. Они часто опаздывали на уроки. Сестра всё время не высыпалась: потому что теперь и после школы работала.

Когда Лера выскакивала из дома на мороз, за ней из двери вырывались невидимые клубы тёплого воздуха, которые тут же превращались в белое морозное облако. Ей никогда не хотелось выходить из дома в стужу в своём холодном пальтишке, из которого она давно выросла. Она съезжилась, словно воробышек, и втягивала в плечи шею. Прижав портфель руками к животу, бежала, что есть мочи, чтобы хоть как-то согреться.

Было обычное школьное утро. Лера снова опоздала на урок. А ведь сегодня была четвертная контрольная работа по арифметике. Потому учитель в порядке исключения разрешил ей сесть за парту, а не держал, как обычно, у двери – до самого звонка. Второклассники уже скрипели пёрышками в тетрадах, списав с доски задание – каждый

Марина ЗАЙЦЕВА
(Гольберг)

Марина Зайцева (Марина Дмитриевна Гольберг) – член Союза писателей России, член Содружества писателей г. Варны (Болгария). Автор более 20 книг стихотворений и прозы. Публиковалась в журналах «Сахалин», «День и ночь», «Дальний Восток», «Сихотэ-Алинь», «Аврора», «Смена», «Юность». Лауреат Премии губернатора Сахалинской области. Отмечена наградами МГО СП России. Стихи переведены на болгарский язык. Живёт в Москве.

свой – 1-й или 2-й вариант: Лера сидела за партой справа – на 2-м варианте. Учитель выдал ей листок с контрольным заданием.

У Владимира Ивановича уже лопнуло терпение. Ну сколько можно этой ученице систематически опаздывать?! После окончания уроков, не предупредив её заранее, учитель решил сходить к ней домой. Проверить обстановку в доме и поговорить с матерью о частых опозданиях, а то и невыполненных домашних заданиях.

После уроков, не догадываясь о намерении учителя, его ученица не сразу побежала домой. Она несколько дней назад снова потеряла свои варежки. Но никому дома об этом не говорила, боясь получить очередную взбучку от матери за потерю. Не было недели, чтобы она не теряла то шарф, то варежки. Из-за этого вынуждена была стойко переносить зимние морозы. От постоянного холода руки у неё были красные и шелушились, обожжённые морозом и ветром.

Вот и сегодня, неся портфель в голой руке, Лера беззаботно вприпрыжку бежала домой. В первые минуты она даже совсем не ощущала холода. День был солнечный. Чистый белый снег ослепительно искрился под солнцем. От его острых разноцветных лучиков даже было больно глазам. Тогда она зажмуривалась и отворачивалась. На дороге снег был плотно укатан, заезженный, затоптанный, и совсем не скрипел. Но если сойти с дороги немного на обочину, то под валенками он начинал поскрипывать и похрустывать. На своём портфеле даже она пыталась скатиться с небольшой горки.

На ходу бросившись на портфель и разогнавшись на нём как на санках, подогнув ноги, Лера скатилась вниз. Потом съехала ещё раз, но уже сидя на портфеле. Потом ещё и ещё... Во время скатываний с горки, её пальцы несколько раз окунались в снег. Девочка вскоре почувствовала, как на морозе руки стали быстро мёрзнуть. Она по привычке долго дула на них, сжав в кулачки. Потом засунула в противоположные рукава – чтобы согреть.

Притоптывая и подпрыгивая в валенках по снегу, Лера то вынимала руки из рукавов, то засовывала снова. Но ничего не помогало: видно, мороз был сегодня особенно крепкий. Пальцы у неё начали быстро коченеть. Она пыталась поднять портфель, чтобы нести его домой. Но руки совсем уже её не слушались. Она не могла взять ими портфель. Тогда Лера пнула его ногой и повалила на дорогу. Портфель, лежащий плашмя, легко заскользил по накатанной дороге, подталкиваемый валенками.

Сначала Лера молча терпела невыносимую боль в замёрзших руках. Но потом стало совсем невозможно терпеть. У неё уже не было сил ни прятать руки в рукава и в подмышки, ни дуть на них. Руки просто висели плетьюми, высываясь из коротких рукавов. Она плакала навзрыд и продолжала плестись вперёд, пиная портфель. Слёзы катились по щекам, а под носом до самого подбородка вожжой висела длинная прозрачная капля. Но она не ощущала ни текущих слёз, ни этой «вожжи»... От школы до дома Лера прошла лишь около половины пути.

Нам неизвестно, чем могло бы закончиться в этот день путешествие второклашки без рукавичек по лютому морозу. Наверняка, что ничем хорошим. Но на счастье Леры по дороге в сторону её дома в это время шёл школьный учитель – Владимир Иванович. Он шёл быстро, гораздо быстрее её. Учитель ещё издали увидел на зимней дороге одинокий силуэт маленькой девочки. Он сначала даже не узнал, кто это идёт. Она плакала во весь голос и пинала валенком вдоль дороги свой портфель.

Озадаченный такой ситуацией, учитель ускорил шаг. Быстро догнав ребёнка, он с удивлением узнал в плачущей девочке свою ученицу Леру Лазареву. «Как же так? – удивился учитель. – Ведь уже больше часа назад закончились уроки в первой смене. Идти от школы до дома обычным шагом меньше полчаса. А она только-только прошла едва половину пути. Да ещё и ревёт во весь голос».

Но увидев её побелевшие руки, безжизненно повисшие вдоль потрёпанного, совсем не зимнего пальтишка, лежащий портфель, который она пинала по дороге, и прозрачную «вожжу», уже свесившуюся с подбородка до самой груди, Владимир Иванович мгновенно всё понял. Он сзади за плечо быстро остановил девочку. Не задав ни единого вопроса, тщательно вытер её побелевшие щёки, нос и подбородок своим носовым платком.

Учитель почувствовал, как под тонким пальтишком крупно дрожит от озноба всё её худенькое тельце. Его неожиданно пронзила острая жалость к ребёнку. Он уже стал сомневаться в своём решении идти к её матери, чтобы жаловаться на нерадивую ученицу. «К сожалению, корень зла не в ней», – вздохнул он. Одновременно с этими мыслями Владимир Иванович быстро снял свои тёплые меховые рукавицы, сунул их за отворот овчинного полушубка, и тут же, прямо на дороге, начал энергично растирать холодные, заочневшие и побелевшие кисти её рук. Растирал он их долго. А пока растирал, Лера не переставая, всхлипывала и вскрикивала от боли. Потому что теперь руки стало нестерпимо ломить и дёргать. Это в них от энергичного растирания начала пульсировать кровь.

Через некоторое время учитель убедился, что в руки вернулась жизнь, то есть они стали уже тёплыми и даже покраснели. Тогда он достал рукавицы, хорошо сохранившие тепло за пазухой, и быстро натянул их на руки ребёнка. Он сложил их крестом на её груди, чтобы рукавицы не свалились, ведь они были довольно велики для её ручонки. Практически, учитель совершил невероятное: он спас руки своей ученицы от неминуемого обморожения.

Подняв с дороги портфель, Владимир Иванович также молча, не очень быстро пошёл впереди, поддельваясь под семенящий шаг продрогшей до костей своей ученицы. А Лере теперь вдвоём с ним шагалось веселее и, кажется, даже стало теплее. В жарких меховых рукавицах учителя вовремя спасённые детские ручонки быстро согрелись. А ломящая боль, пульсирующая в них, почти утихла.

Когда они дошли до цели запланированного посещения, Владимир Иванович уже не колебался: заходить или нет в дом – с жалобой на ученицу. Он увидел, что в доме кто-то был, потому что висячий замок, которым обычно запирают дверь, отсутствовал. Девочка тоже стояла, потупив взгляд, словно ожидая решения учителя. Лера догадалась, что он шёл именно к ним, когда догнал её на дороге. Медленно стянув с рук рукавицы, она протянула их учителю с еле слышным лепетом: «Спасибо...». Владимир Иванович ещё раз внимательно посмотрел на ученицу. Глубоко вздохнув, он махнул рукой и со словами «Ладно. В следующий раз» быстро пошёл прочь от их дома.

ПРОЗА

Пётр ГУЛДЕДАВА

*Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов.
Живёт в Москве.*

Стране нужны поэты...

Ослепла без единой цели нация,
И ни к чему накопленные знания,
Поскольку происходит деградация
И совести, и чести, и сознания!

Сегодня люди – чья-то с кем-то помесь,
Подвержены усушке и усадке,
Как полновесный ленинский «червонец» –
До стоимости нынешней «десятки».

И жаль, что ныне времена не лучше
Не только долей золота в червонце:
За памятью бывшего, как за тучей,
Скрывается тускнеющее солнце!

*А поэты останутся наедине
со своими грёзами...*

Наталья Морсова

Взметнулись ввысь бытийные качели,
И на откат нырнули с высоты, –
Когда-то люди и мечтать умели,
И воплощать реальные мечты.

Но ныне с прошлым нехотя расстались,
И вряд ли помнит кто-нибудь всерьёз,
Как при социализме ухитрялись
Исполнить планы пятилетних грёз.

Никто нам рай не поднесёт на блюде,
Но я надёжный способ назову:
Стране нужны поэты, чтобы люди
Не разучились грезить наяву!

*...мне было неловко брать у еврейки деньги,
всё же им так досталось в концлагерях,
но Слава Верховский
(тепер він Слава Верховський) сказал:
«Бери, это же деньги от еврейки.
Это больше, чем просто деньги!»*

Анна Ревякина

Не замечая сыто отрыгивающей мафии,
Чьи новые лидеры как будто бы стали кротки,
Я одеваюсь в обноски от олигархии,
И это, наверное, больше, чем просто шмотки.
И я уж, конечно, послал бы к пиратской матери
Корсаров, по которым плачут на мачтах стеньги,
Но я питаюсь «подачками демократии» –
Для меня это больше, чем просто деньги.
И теперь уже не мечтаю про большие старты,
Живу себе в стае таких же бывших «пилотов»...
Говорят, что и во времена вольной Спарты
У стариков было право «свободных полётов».

За то, что их всемерно почитают,
Порой, иные клоуны считают,
Что знают больше всех про всё на свете,
Объездив мир не только в Интернете!

В таком, как видно, непонятном стиле
В нормальных семьях сволочей растили:
Нас надвое как будто разрубили
Изменники, которых мы любили!

Они сорвали маски неспроста ведь?
Но как нормальным разумом представить,
Что часть шутов из шоу-хоровода
Вдруг стала выше русского народа?!

Что кто-нибудь из этих тлей способен
Стать выше русских храмов и часовен,
Поскольку так вознёсся, что забыл
Курганы и холмы святых могил!

Теперь мы можем их поздравить вроде бы:
С гастрольями они дошли до родины,
Ну, а Россия им теперь «до феньки»,
Ведь родина их там, где в банке деньги.

Америка, твой образ жизни – свара!
И знает Старый свет, едрёна мать:
Когда бы не Фидель и Че Гевара,
Тебя бы можно было закрывать.

Не думай, не гадай и не надейся,
И даже не пытайся возражать:
Тех, кто лишил их родины индейцев,
Мир никогда не сможет уважать.

И ты богатством звёздно-полосатым
Мою бродяжью душу не морочь:
Я полстолетья прошагал в двадцатом
И в двадцать первом столько же – не прочь!

Не слишком далеки ещё те годы,
В которых лиходеи-«ельцемеры»,
Разъединив советские народы,
Внедряли нам в сознание химеры.

И разбежались, кто куда – не знаем,
Покуда им срока не присудили,
А мы доселе купно пожинаем
Плоды того, что нам понасадили.

И поздно обо всём, что мы любили,
Пустыми сожаленьями терзаться:
Страну между собою поделили
«Факиры шутовских приватизаций».

Но есть за что нам переплёты жизни
И потерпеть не так уже обидно:
У нашей обожаемой Отчизны
Есть лидер, за которого не стыдно!

Лабиринт

...Карманы были привычно пусты. Сырой ветер всё так же дул в лицо, цепляясь за волосы, уже основательно отросшие. Денег на стрижку не было. Впрочем, и прикрывать голову ему никогда не нравилось. Он любил ветер. Любил приходить домой основательно замёрзшим, чтобы не оставалось ни мыслей, ни желаний. Уже с закрывающимися глазами чистил зубы и залезал под одеяло со смутной надеждой на следующий день... На каждый следующий день... И так изо дня в день...

Центр города был так же сер, как и обычно зимой. И всё же что-то иногда радовало даже в этой унылой, привычной серости. Люди, наверно. Ожидание новой встречи... Улыбки, быть может – тоже неплохо...

И город, и страна, казалось, выкачивали из него все силы. Дико хотелось куда-то уехать отсюда, но точного места в воображении не возникало. Попытки заработать, как всегда, были бесплодны. Усталость, когда нет ещё и тридцати. Приходилось заставлять себя каждый новый день вставать, умываться и надеяться на что-то. Давно приходили мысли заработать один раз прилично, просто убив кого-нибудь, кто того стоит. Принципы, если и существовали когда-то, сейчас были не больше, чем набором пустых слов.

Что мешало? Найти того, кто сразу мог дать много и больше не требовать. Ему хотелось заработать только на спокойствие...

Отражением внешней жизни появилась привычка думать диалогами.

Так что мешало?.. Отсутствие моральных основ не тяготило. Не пугала ответственность или возможные моральные препятствия...

Просто не хотелось пачкаться... Хотя, было всё же заманчиво. Всего один раз, чтобы не повторяться. Воли бы наверняка хватило.

Пачкаться не хотелось, но каждый день мысль возвращалась всё настойчивей. Зачем именно убивать? Возвращаться к современному способу ведения дел не было ни желания, ни

Игорь Сергеевич Альмечитов – окончил факультет Романо-Германской филологии Воронежского Государственного Университета. Публикации в различных периодических изданиях. Литературные журналы: «Подъём» г. Воронеж; «Урал» г. Екатеринбург; «Дальний Восток» г. Хабаровск; «Наша Улица» г. Москва; «Молоко» г. Москва и др.). Литературные интернет-журналы: День Литературы, Подлинник, Международный Литературный Клуб и др. Победитель литературного конкурса русскоязычных авторов в Австрии в номинации Малая проза.

Живёт в Воронеже.

возможности. Бесплодные усилия надоели и не оправдывали себя. Время уходило...

Он давно уже убедился в том, что по-настоящему хороший враг – враг мёртвый. Весь предыдущий, далеко не позитивный опыт был тому подтверждением. То, что кто-то мог стать врагом впоследствии не вызывало сомнения. Это были деньги, с которыми никто не шутил. Именно поэтому проще было закончить чем-то определённым. Раз и навсегда...

В последнее время, казалось, даже сны стали особенно пугающими. Хотя сравнивать было не с чем. Сколько он помнил себя, его всегда что-то тяготило. Особенно во снах. И всё же часто находилось что-нибудь действительно неплохое. Может, по сравнению плохого с ещё более худшим?

Хотя, подчас происходило и вправду что-то успокаивающее: бывало, во снах он говорил по-английски. Радовала больше не отрешённость от этой жизни, а скорее, достижимость и ожидание чего-то нового...

И всё же что-то останавливало. Привычная русская лень, неспособность начать дело? Пожалуй.

Даже возвращаться к себе в третьем лице у него уже становилось привычкой. Как удивился бы кто-нибудь, услышав его спокойные и циничные размышления о жизни и смерти. Смерти чужой, конечно. Хотя, он не боялся и своей. В чём была ценность жизни? И сколько она стоила? Да и стоила ли она чего-то в действительности? Сомнительно.

...Прочитанные книги поставили изрядный барьер в его отношениях с окружающим миром. Перебираться с одной стороны на другую пришлось слишком долго. И сейчас он не знал точно, где находился. Сознание всё ещё было грудой развалин. Хотя время, казалось, ещё было... Просто не хотелось пачкаться...

...**Д**то был уже второй день, как он наблюдал за людьми именно с этой целью. Всё же он сумел пересилить себя. Что-то должно было произойти. Почему не это? В конце концов, он имел равные шансы и на успех, и на неудачу. Неплохо для начала. Если учесть всё, что возможно, и оставить место для того, что учесть, в принципе, невозможно – досадных случайностей – шансы могли неимоверно вырасти. Скажем, один к десяти. Или даже выше... Одна никчёмная жизнь на другую. Вероятно, такую же никчёмную, но прожитую с большим смыслом. Хотелось бы надеяться...

Неужели, совершив преступление, он будет всю жизнь раскаиваться? По крайней мере, у него была возможность проверить... Хотя, вряд ли. Как раз то, что это сделано, чтобы никогда больше не произойти, и вызывало чувство уверенности в себе, даже гордости.

Впрочем, он не мучил себя моральными терзаниями вроде героев Достоевского. Мысли шли параллельно ему, не соприкасаясь с сутью обдуманного и решённого.

...**П**ятый? Шестой день? Он уже не считал. Да и отправной точки нигде не было. Просто восприятие поменяло угол. По-прежнему не тратя времени на обдумывание деталей, он наблюдал. Одно из немногих, чему он научился. Плюс терпение. Казалось, этого уже было достаточно для начала. Жаль, что у него оно приняло такую искривлённую, с одной стороны, и сомнительно-короткую, с другой, форму. Хотя, «жаль», наверно, не подходило – просто не хотелось пачкаться.

Люди, имеющие несколько тысяч долларов наличными сразу – валютчики, те, что покупали и продавали их. Десятки проходных персонажей в день, сотни в неделю, возможно, тысячи в месяц. Едва ли его лицо всплывёт в этом бесконечном потоке. К тому же пара месяцев достаточное время, чтобы его лицо затерялось на фоне всех остальных.

Приходилось ставить не на что-то в отдельности, а на всё сразу, просчитывая даже неучтённые случайности.

Он нашёл нужных людей и умел наблюдать. Идея не становилась навязчивой – жизнь текла так же неторопливо и размеренно. Ожидание даже возможного провала не пугало. Всё же он ставил на другое. То, что искать именно его не будут, он не сомневался. Он был гастролёром, случайным, ни с кем не связанным человеком в этих кругах... Милиция перегружена подобным. Бандиты, если и найдутся такие, будут искать не того, кто сделал, а скорее того, кто начал тратить. В этом смысле он был спокоен. Оставалось узнать с достоверностью до минут, когда деньги будут в карманах у того, на ком он остановился. Кроме периодического и систематического наблюдения ничего не оставалось. А ждать он умел...

В конце концов, это было просто очередное дело. Не лучше и не хуже любого другого. Ещё один этап в жизни. И он пытался относиться к нему добро-совестно. Одежда и обувь после всего, естественно, пойдут в огонь, поэтому выбрать нужно что-то нейтральное – что не будет выделяться на улице и что не жалко будет сжечь впоследствии. Ещё то, что уйдёт незамеченным из дома.

Он пытался подстраховать себя даже с этой стороны, зная, как давно забытое всплывает в самые неподходящие моменты, иногда спустя многие годы.

...**Б**ыло что-то ещё, в чём он не хотел себе признаваться, что подтолкнуло его к окончательному решению. Он не любил возвращаться к этому, наперёд зная, что пьянящее ощущение риска может проглотить его, не оставив места холодной и расчётливой логике. Ощущение прыжка в омут, не зная, вынырнешь или нет. До сих пор он выныривал. С большими или меньшими потерями. По большому счёту, ему всегда везло. Точнее, он просто не проигрывал. Пока не проигрывал. Жизнь ещё не сломала его. Или он сам был настолько силён, что не поддался ей? Он не знал и даже не задумывался над этим, научившись относиться ко всему равнодушно. Наверно, оттого и чужая жизнь стала в один ряд с прочим, ничем не выделяясь на общем безликом фоне того, что проходило перед глазами.

...**П**ривычные к деньгам пальцы моментально отсчитали нужную сумму, ошупали его одинокую двадцатку и выжидательно замерли.

Замёрзшие руки неуклюже переключивали купюры из одной стопки в другую... «Всё в порядке?» Он кивнул, не глядя в глаза – не хотелось – боялся рассмеяться. Он уже представил себе контраст между ним, стоящим напротив, с бегающими глазами, и им же, мёртвым, месяца через два. Да, деньги были здесь, в общем-то, уже его. Осталось лишь подождать некоторое время.

Человек был уже мёртв, даже не зная об этом. Всё это напоминало детскую игру. Только масштабы были другие.

«Take care...» Он улыбнулся от неожиданной двусмысленности. «Что?» – не понял валютчик. «Спасибо». «А-а».

Он повернулся и пошёл прочь. Что ж, часть уже была сделана. Оставалось ждать.

И всё-таки ему определённо везло. Приходилось надеяться на случай. Это не было даже тактикой, просто ожидание. Можно было ждать годы, и безуспешно. Но ему везло. Что-то их действительно связывало. Жизнь, наверно. Неожиданная мысль заставила улыбнуться.

Прошло больше двух недель с тех пор, как он разменял деньги. Сейчас они ехали в одной маршрутке. Странно, казалось, подобные типы должны иметь машины... Конечно, человек мог ехать и не домой, но после целого дня работы... Он улыбнулся опять. Работы... Хотя, то, чем он сейчас занимался, тоже было в некотором смысле работой.

...Обычно под вечер люди возвращаются домой... Они вышли на одной остановке, и он проводил его до подъезда. Второй этаж. Тот даже не обернулся. Что ж, по крайней мере, уже было от чего отталкиваться...

И всё же изредка появлялось знакомое чувство неоправданности всего предприятия. В подобные моменты наваливались усталость и неуверенность, но ему удобнее было считать их минутами слабости, поэтому в такое время он просто направлял мысль в другое русло...

Он часто ловил себя на мысли, что постоянно необоснованно улыбается. Ему всегда было интересно, как это смотрелось со стороны. Глупо, вероятно. Впрочем, он давно уже отучился считаться с чужим мнением в таких мелочах.

...Ясно было, что деньги не сделают его счастливее, также как и богаче. Но что-то они всё же принесут.

Просто это дело, как и любое другое, требовало логического завершения. Можно было поставить точку прямо сейчас, не продолжая ничего. Что тоже казалось решением. Но, достаточно однобоким, размышляя отвлечённо, тем, к чему всё равно пришлось бы вернуться рано или поздно. Это было не проявление воли, а лишь попытка обосновать бездействие и трусость.

Нужны были определённость и твёрдое решение. Сейчас отступить – означало проиграть, даже не успев ничего начать.

Странный способ встать на ноги, хотя и далеко не новый.

Он позволял мыслям свободно бродить, не ограничивая их, зная, что всё равно придётся возвратиться к той же мёртвой точке, с которой он начал несколько недель назад...

Он улыбался, наблюдая за знакомыми аргументами, но сейчас они были не больше чем постоянным атрибутом внутреннего диалога – улыбка предназначалась не им, а принятому решению.

Становилось смешно от оправданий и доводов, приводимых себе же. Всё своё внимание он фокусировал на себе, не будучи эгоистом. Выглядело всё это, наверняка забавно, хотя он прекрасно знал собственные перепады настроения и уже давно не удивлялся.

Хотелось, пусть ненадолго, воспитать в себе искусственную злость, расставшись с близкими людьми, так, чтобы вне его не осталось резервов, на которые можно было бы положиться. Ещё, пожалуй, чтобы не испытывать ни сожаления, ни жалости к себе. Прошлые перечёркивались только ради настоящего, хотя за своё будущее он не дал бы сейчас и ломаного гроша.

Было, наверно, ещё подсознательное наслаждение причиняемыми себе страданиями. Но на потворство ему не было ни времени, ни желания.

Любое решение несло в себе ошибку, сейчас или позже, каким-то образом отражаясь на окружающих. Значит, критерий был в самом поступке и его последствиях, поскольку безошибочно только бездействие... Хотя, нет, бездействие ещё более ошибочно. Кроме того, рождает сожаления и неудовлетворённость...

Уже не сдерживаясь, он весело засмеялся. Он опять возвращался к тому, с чего начинал. Верно было только собственное решение, однажды принятое и несгибаемое. Была ещё этическая сторона, по сути, ещё более эфемерная, чем всё остальное. Но к ней он даже не обращался...

Много раз он размышлял об оружии, но поначалу к чему-то определённому так и не пришёл. Удобнее всего был пистолет, но денег на него не было. К тому же протянулась бы ещё одна нить между ним и убийством. Пусть предполагаемая, но принимать решения и учитывать случайности нужно было сразу, чтобы не возвращаться к ним впоследствии... Оставался нож. Близость контакта не пугала – крови он не боялся.

Достать нож необходимо было в том месте, с которым его не связывало абсолютно ничего, даже случайное знакомство. Всё-таки время у него ещё было.

И здесь ему опять повезло. Хотя, возможно, он всё отдавал делу, и оно платило ему тем же. Впрочем, вероятнее всего, он был настроен на определённую волну, и мысль была нацелена на то, в чём он больше всего нуждался...

В столовой, куда он зашёл поесть, продавец оставил на прилавке большой разделочный нож. Вместе с блюдами он положил его на поднос, сдвинул тарелки и сел за стол. Никто ничего не заметил.

Пусть медленно, но всё шло к завершению. Без малейших пока затруднений. Он знал, что масса непредвиденного произойдёт именно в последний момент, а так же позже. И всё же отсутствие отрицательных факторов отчасти пугало. Всё было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго.

Часами – гуляя или лёжа на кровати – он обдумывал решающие мгновения, находя неточности в своих действиях и предыдущих расчётах.

Карманы должны быть пусты, ботинки на шнурках и одежда без пуговиц. Нож привязан к предплечью. Скорее всего, придётся войти в квартиру, но начнётся всё ещё на лестнице. Предположительно, в квартире будет один человек. Если же квартира будет не пуста, тогда придётся подчищать всё на месте...

Предположительно никто не хватится человека до утра и, тем не менее, нужно будет покинуть квартиру через десять-двенадцать минут. Достаточно, чтобы взять деньги и проверить, не осталось ли улик. Если денег окажется много, изрядную часть придётся оставить.

Впрочем, всех улик всё равно не избежать – само преступление уже было уликой. Если же его трюк с деньгами поймут, по крайней мере, он выиграет некоторое время. Нож надо взять с собой – где-нибудь по дороге воткнёт глубоко в землю. Кроме того, далеко нужно будет уйти пешком, потом, по меньшей мере, поменять четыре-пять машин и, наконец, домой опять идти пешком. Достаточно близко к дому и достаточно далеко от последнего места контакта с людьми, непосредственно после убийства...

Он произносил это слово десятки раз, так, что пугающее изначально значение пропало, оставив по себе просто набор звуков...

...Оставалось два дня. Немного нервничая, как и перед каждым новым делом, он был готов. Где-то наверняка оставались слабые места: всего учесть

просто невозможно. И всё-таки он был готов... Он опять подстраивал окружающее под себя, а не наоборот. Слова, несущие отрицательный оттенок, повторяемые до бесконечности, изменяли значение или вообще теряли его. А с потерей значения исчезало и всё, стоящее за словом. Но результат получался как раз тем, чего он и желал: слова и значение сливались в одной точке, оставаясь звуками и ничем больше...

... Он шёл по ночному городу, улыбаясь тишине и мутно-жёлтому свету фонарей. Сил оставалось всё меньше. «Только бы дойти до дома».

Парень оказался не промах. Но он опять выиграл, как выигрывал всегда. Он просто не мог позволить себе проиграть. В карманах лежали деньги. Первый раз он имел столько сразу. Отчего-то сейчас это не радовало. Он посмотрел на руку. Ладонь была в крови...

Глубокая рана в боку отвратительно ныла... «Да, – он тоскливо улыбнулся, – жизнь отнимает слишком много времени...»

Татьяна Парсанова – родилась на хуторе Рябовском Волгоградской области в семье донского казака. В 10 лет, вдохновлённая мимолётным общением с проживающим в соседней станице знаменитым русским писателем Михаилом Шолоховым, вдруг начала рифмовать свои рассказы. Замужество, переезды, перестройка – заставили замолчать на долгое время, но в начале 90-х желание писать возникло с новой силой. Стихи публикуются в Интернет-Альманахе «45-я Параллель», МК-Сетература, «Топос», «День Литературы», «СО-ЗВУЧИЕ» (Белоруссия), «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый Континент» (США). Живёт в Наро-Фоминске.

Опять молчат и сны, и телефоны...

Так хочется проснуться в тишине...
Блаженствовать в объятьях томной лени
И ничего не слышать о войне.

Смотреть, как солнце по кустам сирени
Проворно скачет зайцем золотым
И снег в оврагах превращает в дым.

Так хочется – вернуться в хуторок,
Затерянный между Хопром и Доном.
И чтоб февраль туда дойти не смог.

И на мосту, до досочки знакомом,
Стоять – девчонкой юной... под дождём...
И жаворонок в небе голубом...

Снег скатился с бугров без остатка.
Пряным веет от тёплой земли.
Ах, как нежно сегодня, как сладко
Молодые шумят ковыли.

И журчит по-весеннему речка,
И икру прячут рыбы в камыш...
Домик наш – три ступеньки крылечко.
Ты на нём, как и прежде, сидишь...

Что же руки твои, мама, зябки?
 Что ж коса, по-январски – бела?
 Я тюльпанов тебе две охапки,
 Как ты любишь – в степи нарвала.

Посмотри – заневестилась слива
 В палисаднике нашем опять.
 И опять начинает игриво
 Твои годы кукушка считать.

Солнце поля касается краем.
 Звёзды дружною вышли гурьбой.
 А давай – песнь казачью сыграем
 На два голоса, мама, с тобой...

Мысли в хутор стремятся упрямо,
 Мне о детстве поют на бегу...
 Тридцать лет без тебя уже, мама,
 А смириться никак не могу.

Перевернутый мир отражается в зеркале слёз.
 У закатов глаза – холодны и слегка близоруки.
 Дом, как бомж бесприютный – щетиной сосулук зарос.
 У бульваров и улиц метелями скованы руки.

Это просто февраль. Это просто на сердце зима.
 Неуютность души... Параллелью – зашоренность взгляда.
 Словно сказочный крот, я считаю запасы зерна –
 До прихода весны мне ползёрнышка радости надо...

У счастья моего с утра – кофейный запах.
 И тёплый круассан. И с пенкой молоко.
 И ярко-рыжий лист, у ветра в мягких лапах.
 И первый поцелуй в далёком далеко...

У счастья моего, цветущий майский вечер.
 И на стволе берёз – застывшая смола.
 У счастья моего – обещанные встречи.
 И эсэмес с утра: «Мамуля, как дела?»

У счастья моего, с утра, бежит дорога.
 И солнце! И мороз! И дождик лёгкий днём!
 Для счастья нужно мне так мало и так много –
 Вчера забытый плед... И кошка спит на нём...

Ночь растворяет минутный лёт.
 Город впадает в лень.
 От фонаря к фонарю плывёт
 Редкого путника тень.

Пальцем серебряным, лунный ком,
 Щупает млечный плёс.
 Полночь лежит под моим окном,
 Словно усталый пёс.

Холода пророчит календарь.
 Но уже задористо-упрямо
 Город, упакованный в январь,
 Ловит солнце куполами храма.

Сеть проталин обвила бульвар.
 И хотя сюжет по-зимне скушен,
 Но фонарно-жёлтый канделябр
 Ледяной метелью не потушен.

И уже сугроба серый ком
 Петь готов весенние мотивы.
 И воркует голубь под окном.
 И синицы громко говорливы.

Над городом моим – зима... Зима... Зима...
 И облаков седая бахрома...
 И день, как зайца хвост – короче вдоха.

А я к тебе – во сне и наяву
 Иду, бегу, лечу, кричу, зову...
 В метелях дум твоих – снежинка-кроха.

Замри на миг. Я – эха тень. Ааа-у-у-у...
 Узоров снежных хрупкую канву
 Погубит солнце поцелуем жгучим.

И пусть разлуки все предрешены.
 Но, от сегодня до моей весны,
 По млечному ручью – чуть- чуть...
 Излучин...

Посланником свыше,
так юн, и так тонок
снег ластился к крыше,
как глупый котёнок...

И радость даря,
и стирая невзгоды,
вокруг фонаря
он водил хороводы.

С бульваров стирал
неуют и похожесть,
и сладко дремал
он на шапках прохожих.

Он мог веселиться,
так просто – без цели...
и хмурые лица
прохожих добрели...

Я, в снах твоих ещё парю,
Раскинув руки,
Где ночь прильнула к фонарю,
В канун разлуки.

И там, где реквием, навзрыд,
Ветра нам спели –
Бродяга-месяц в луже спит,
Как в колыбели.

Он знает – сказки о добре
В расчёт не взяты.
И спрячет на своей коре
Клён наши клятвы...

Город осени сдался без боя,
Хоть ещё холода не пришли...
Я сегодня забыта тобою –
На другой половине земли.

Бродит месяц по звёздной аллее,
Гонит стадо секундное прочь.
Может, утро и вправду мудрее...
Только как пережить эту ночь?

Вприпрыжку день по солнечной аллее
Сбежал куда-то – в прошлое спеша.
Дыханье ветра с каждым днём теплее,
И вновь полна надеждою душа...

Сугробы кособочит понемногу.
Смывает дождь с рябин остатки сна.
Февраль для марта проторил дорогу,
А значит снова к нам придёт весна!

Ах, как сегодня солнце желтобоко.
Как тёплый ветер сладко голосист.
И синевы лазурна поволока,
И лёгких облаков задорен твист.

Предтеча возрожденья краснотала...
И воздуха – весенний, лёгкий хмель.
Ах, как синичка нынче щебетала,
Как звонко барабанила капель.

В переливы весеннего гула
Звёзды наши вплетали пути.
Я в твоих обещаньях тонула
Без надежды в реальность войти.

Небо – в радуги красила смело,
За ветрами желаний спеша.
Ах, как лето бурлило и пело,
Как летала от счастья душа.

...Полночь с памяти сбросит забрало.
Вскачь минуты прогонят часы...
Краски чувств наших осень слизала
Словно солнышко капли росы...

Парижская полночь в промозглом тумане...
В дрожащем окрасе свечи –
Меж столиков бродит в кафе Модильяни,
Всё ищет кого-то в ночи.

Тоскуя, росой мочит ноги босые,
Перчатку с руки уронив,
Замужняя дама в далёкой России –
Его наважденья мотив.

Уныло в глуши деревенской и пусто.
От дома тропа до ольхи...
Молчание вслух. Только отблески чувства
Картины хранят и стихи.

По небу луна с грациозностью лани
Бежит, предвещая рассвет.
И пишет влюблённый опять Модильяни
Своей Египтянки портрет...

Как в тлен, в разлуку восходя,
Застыть на миг.
Под шум весеннего дождя
И грома рык

Принять, как данность, наконец,
По ком звонят
Колокола больных сердец...
И бросить взгляд

Туда, где отблеском свечи,
Цветёт апрель.
Где взглядов первые лучи,
И слов капель...

Встала память на дыбы,
Горьким словом сердце жжёт...
На излучинах судьбы
Превратилась нежность в лёд.

Я могла б в разлуку взять
Соловьиный пересвист.
Но черёмуха опять
Осыпает белый лист.

Можно ли сдержать рукой
Ветра шалого разбег?
Что поделаешь – такой
У любви короткий век.

Песня полночи тиха.
Жмётся к крышам лунный свет.
Я плету узор стиха,
Но тебя там больше нет.

Пустословие в моде... Ну что ж, говори... Говори...
Закрываю глаза. Прячусь в домик-ракушку и вижу,
Как на алом холсте расцветающей юной зари
Кто-то чёрною краской выводит моё «ненавижу».

А на сердце давно прижилась беспросветная грусть.
Километры дождей перемешаны с горькими снами.
Я – потерянный смех... Не зови... Я уже не вернусь.
В нелюбовь, как в спасение, я прорастаю корнями.

И не ведать тебе, что я прячу годами внутри
В ожиданье грозы, как курок, замирая на взводе.
Впрочем, что тебе я? Говори... Говори... Говори...
Пустословие в моде...

Ударит полночь звёздной битой.
Осколки сна слизнёт рассвет.
Февраль прокрутит, чуть забытый,
Тобой придуманный сюжет.

Где ты, решая, кто здесь лишний,
Впивая в сердце сотни жал,
По циферблату моей жизни
Секундной стрелкой пробежал.

Из подола неба, ранние,
Раскатились звёзды сливами.
Загадали мы желание –
Чтобы быть всегда счастливыми.

Облака там были ватными.
Светлячки по полю – искрами.
Чтобы были мы крылатыми,
Чтоб умели верить искренне –

Там любовь рождалась вечная...
Там июли рдели вишнями...
Что ж ты сделал? Здесь – конечная.
Выходи. Мы стали лишними.

Вновь рассвет прохладен и певуч.
Дом наш полон шорохов и скрипов...
Вновь, сквозь сон, крадётся солнца луч,
По ресницам золото рассыпав.

Распахну навстречу солнцу взгляд,
Счастья дни из памяти достану –
И опять, как много лет назад,
Молодою хуторянской стану.

Пробегу по росному двору,
Словно крылья руки распростёрши...
Земляники в Крутеньком яру
Наберу две полные пригоршни.

И замру, увидев, как река
В бок моста волною бьёт упрямо.
Как по Голой балке, с Маяка,
Заползает в хутор хвост тумана.

Как бежит тропинка за бугор,
И ромашки взгляд по-детски светел.
Как листву черёмух на пробор
Походя причёсывает ветер.

Опять молчат и сны, и телефоны...
И даже ветер, что бродил окрест, замолк.
Ночные думы сумрачно бездонны –
Бредут и бьются о дверной замок,

Петляют между небом и стеною,
Забыв, что в степень боль возведена...
И только память говорит со мною,
Но оттого лишь гуще тишина...

Хаваш Алиевич Накостоев – писатель, литературовед, учёный. Родился 17 февраля 1956 г. в с. Талгар Ильичевского района Алма-Атинской области Казахской ССР. В 1997–1999 гг. – главный редактор республиканской газеты «Ингушетия». В 1999–2004 гг. – депутат Народного Собрания – Парламента РИ. С 2004 г. работает в Ингушском научно-исследовательском институте гуманитарных наук имени Ч. Ахриева. Член Союза журналистов РФ. С 2021 г. – Председатель Союза писателей Республики Ингушетия. Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия. Действительный член Ассоциации лингвистов-экспертов Юга России, член Экспертного совета при Министерстве культуры РИ. Лауреат литературной премии IV Международного литературно-музыкального фестиваля «Белые журавли России» (г. Москва).
Живёт в Назрани.

«Высоких мыслей лаконичный строй»

О поэзии Раисы Дидиговой

*Когда-нибудь меня поймут,
Когда-нибудь меня услышат,
И междустрочье разберут,
И откровений горьких суть
Весьма старательно отыщут...
И что-нибудь ещё напишут.*

Р. Дидигова
(«Don't Be Aggressive»)

1.

Первый сборник стихов Раисы Абукаровны Дидиговой под названием «Прикосновение» вышел в 2002 году. Краткое, но очень тёплое предисловие к первому сборнику было написано Саидом Чахкиевым. По свидетельству самой Р. Дидиговой, название сборника тоже было предложено им. Оно должно было подчёркивать, что автор только-только подбирается к поэзии, что эти стихи – первые контакты поэта со Страной Поэзией. В своём предисловии Саид Идрисович подчёркивал, что «её стихи не требуют комментариев. Их не надо объяснять и нет необходимости кому-либо навязывать. Их надо просто читать». Конечно, классик прав: её стихи не требуют пояснений. Но, тем не менее, хотелось бы поделиться своими мыслями по поводу стихов Р. Дидиговой и теми ассоциациями, которые этими стихами вызываются в душе.

Р. Дидигова предваряет свой сборник благодарностью в стихах, в некотором смысле объясняющей всю её поэзию. Она характеризует своё творчество как попытки поделиться своими размышлениями о жизни. Поделиться со своим народом, который она любит и которым она гордится – за несгибаемость его духа, за его преданность справедливости. Именно гордостью за свой народ веет от её стихов – как тех стихов, в которых она

восславляет народ, так и тех, которые несут на себе отпечаток грусти и боли за присущие нам недостатки.

Этой неподдельной гордостью и беззаветной любовью к своему народу продиктованы и её стихи о трагических страницах нашей новейшей истории, которые в творчестве Р. Дидиговой занимают значительное место. Написанные сразу вслед за трагедией, стихи о событиях осени 1992 года несут на себе следы публицистичности. Ведь Р. Дидигова не пытается стыдливо замолчать историческую правду и сеять пустые безосновательные иллюзии. Нет, она открыто

говорит о неприглядном поведении тех, кто в силу обстоятельств оказался по ту сторону противостояния. Она применяет слишком, может быть, хлёсткие определения при их характеристике, может быть, даже излишне натуралистично изображает сцены насилия и т.д. Но она всеми стихами призывает нас не ожесточаться, не опускаться до бездумной мстительности, не уподобляться тем, кого мы обвиняем в бесчеловечности. Мы все – и преступники, и потерпевшие – жертвы современного «безвременья» (извините за тавтологию). Нам всем надо объединиться для блага всех (!) людей. Когда-нибудь закончатся и наши беды, ведь *«всё имеет свой конец»*.

Таким образом, главной темой этих патриотических стихов становится не описание ужасов осетино-ингушского конфликта, а поведение ингушского народа в эти дни. Р. Дидигова отмечает, как психологическую доминанту ингушей, их стойкость и незыблемую веру в справедливость. Даже в те страшные дни народ не призывает проклятия на головы палачей, а молча ждёт, *«... веря в справедливость, / Всем существом к России обратясь»* («Геноцид»).

Именно в эти страшные дни ноября 1992 года Р. Дидигова обращается к нам с заклинанием сплотиться:

*Во имя нашей Родины разбитой,
Поруганных отцовских рубежей,
Земли, рекой кровавою залитой,
Во имя и на благо всех людей!!!
(«Геноцид»).*

Обратите внимание: поэт обращается ко всем людям доброй воли с призывом сплотиться, но сплотиться *не против* кого-то, а во имя блага *«всех людей»*, без деления на хороших и плохих, на своих и чужих. В том числе «во имя блага» и заблудших душ, тех, кто находится во власти ненависти и агрессивности. Ингуши не мстят больным и слабым – они всегда и всем воздают по справедливости. Заблудшие души тоже нуждаются в излечении, их тоже надо спасать – спасать от них самих, от их собственной ненависти ко всему, что их превосходит. А для этого надо показать им, что жить можно и оставаться человеком: без злобности, без жестокости, без подлости, без низости.

Здесь отражена не просто толерантность кавказской культуры, а её поистине интернациональная сущность. Устами одного из лучших своих поэтов,

тогда ещё совсем молодой Раисы Дидиговой, ингушский народ выражает свою уверенность в собственном призвании – явить миру образцы спокойствия, терпения, стойкости, выдержки и этим самым призвать всех людей к миру и согласию.

Р. Дидигова увещевает нас не скатиться в бесчеловечность. *«Необходимо устоять!»* – это звучит как приказ («Мрачная полоса»). Потому что *«растленье непростительно живым»* («Безвременье»). Потому что благо невозможно *«на человеческой крови»*. Потому что *«вне разума, во тьме безбожной / Не отыскать следов любви»* («Адский круг»). Потому что такие чувства, как отчаяние, уныние, ожесточение, злобность, ненависть, жажда мести есть чувства разрушительные, губительные для души человеческой. И в первую очередь для той души, в которой они рождаются. И только тот, кто способен противостоять этим деструктивным чувствам, лишь тот, кто в минуты наивысшего накала аффектов способен руководствоваться разумом, только тот сумеет стать источником и творцом блага – вот лейтмотив этого стихотворения. Да и многих других её стихов.

*Ожесточенье – худший враг,
Источник блага – ты сама,*

напутствует она свою дочь, которую постигла трагедия. Это – глубокая философская мысль. Ведь действительно, источником блага (если значение этого слова не сводить к голому утилитаризму) является только человек, как единственное из живых существ, могущее стать началом причинно-следственной цепи. Кстати, в отличие от советских марксистов и материалистов ингуши (как, наверное, и другие кавказцы) всегда считали, что «благородный» надо понимать не как «благо-рождённый» (то есть «имеющий благородное происхождение»), а как «благо-рождающий». Смирненное приятие необходимости, основанное на мудрости и поддерживаемое любовью к Человеку – вот источник блага (*«Ожесточенье – худший враг»*). А любовь к Человеку есть способность находить в себе силы понять человека, поверить в него, простить ему плохое, полюбить за хорошее – если воспользоваться формулой советского писателя-фантаста Вл. Савченко.

И как подведение итогов всем этим размышлениям о непростом этапе истории ингушского народа звучит уверенность Р. Дидиговой:

*Народ мой не в чем упрекнуть;
Трагична, но чиста его стезя...
(«Я – дочь народа своего»)*

А ведь это – главное: сохранить чистоту помыслов, суметь увидеть в человеке творение Божье. Вот почему Раиса Дидигова, а в её лице и весь ингушский народ, утверждает, что нельзя оставлять *«грядущим поколениям» «ненависти пыл»* («Туманный путь»).

Однако Р. Дидигова хорошо понимает и неприемлемость равнодушия к заботам и тревогам тех, кто живёт рядом с нами. Например, в стихотворении «Высохшая ива» говорится о стаях птиц, которые «резвятся <...> спесиво» на ветках ивы, поражённой «обжигавшей желтизной». Но автору жаль не только иву, но и этих птиц. Глупые птицы, не знающие, не чувствующие ещё приближение трагедии, не понимающие, что гибнет ива – их дом, их кров, их жилище. Гибнет ива, обеспечивавшая им приют и безопасность, дарившая им радость и оплакивавшая их боль. Погибнет ива – и некому будет понять и

принять их. Так рвутся и связи между людьми. Если ты сегодня не замечаешь горя ближнего своего, завтра некому будет посочувствовать тебе. Если тебя не трогала чужая боль, никого не тревожит, не заденет твоя смерть. Если ты не отзывался на чужое горе, некому будет поддержать тебя в трудную минуту, некому будет отвести тебя от бездны, отвратить твоё паденье.

Часто люди радуются преходящим радостям земным, не замечая нависшей над ними угрозы. А ведь ещё Юлиус Фучик взывал: «Люди, будьте бдительны!». И этот призыв до сих пор актуален.

2.

Для правильного восприятия творчества Р. Дидиговой необходимо чётко различать активную позицию человека (*я делаю*) и пассивную (*со мной делается, со мной происходит*). Если я чего-то *не хочу* делать и поэтому *не делаю* – это пассивная позиция. Если я чего-то *не хочу* делать, но *делаю* – это активная позиция. Обобщая, можем сказать, что активность предполагает преодоление каких-то преград, в том числе и внутренних, а пассивность – это отказ от действий из-за собственной лени или нерешительности.

Необходимо также иметь в виду, что с этой точки зрения «действие» и «воздержание от действия» – одинаково активные позиции. Следовательно, воздержание от действия нельзя путать с бездействием, так как бездействие всегда обусловлено ленью, а воздержание от (какого-либо) действия – это активная позиция, требующая для своей реализации приложения некоторых усилий со стороны субъекта, то есть требующая определённых энергетических затрат.

Так вот, лирическая героиня Р. Дидиговой всегда занимает активную позицию – даже тогда, когда она воздерживается от действия. Для иллюстрации и подтверждения сказанного можем проанализировать стихотворение «Непонятая, ухожу...».

Всё стихотворение о том, что *не делает* лирическая героиня Р. Дидиговой, то есть о том, от чего она воздерживается. Она не лицемерит, не льстит, не фантазирует, не притворяется кроткой, жалостливой, не играет в благородство, не интригует, не лжёт. Она не мнит себя великой, не обвиняет в своих бедах других людей, не бездельничает, чужим трудом не наживается. Все эти глаголы выражают активное воздержание.

Но в этом стихотворении примечателен и другой момент. Из вышеприведённого ряда «активных глаголов» выпадает глагол «страдаю», который описывает, что «делается (с героиней)». Однако «в окружении» всех этих «активных глаголов» глагол «страдаю» неожиданно получает совершенно другой оттенок, приобретает иной смысл. Он как бы «начинает выражать» активное действие. И получается, что лирическая героиня Р. Дидиговой не просто пассивно претерпевает страдание, как претерпевают боль. Нет, здесь это – осознанное действие, оправданное некой высшей целью – стремлением остаться человеком в этом погрязшем в грехах и мелочности мире. И последняя строка «Увы ... таков характер мой» звучит уже не покаянно, не смиренно, а утвердительно-гордо. Мы видим, что лирическая героиня Р. Дидиговой ведёт себя так не потому, что не имеет возможностей вести себя по-другому, а потому, что чувство собственного достоинства не позволяет ей иное поведение.

В наше время часто (даже слишком часто) приходится слышать о необходимости изжить в себе гордость. «Нам нельзя быть гордыми» («Кура хила йиш яц вай») – эта фраза звучит всюду.

Но быть гордыми нам не только можно, но и *нужно*. Быть гордым – значит иметь чувство собственного достоинства. Я горжусь тем, что я мусульманин, тем, что я ингуш. Я горжусь своими родителями, своей фамилией, своей страной. Горжусь своими хорошими делами и добрыми помыслами. Историей своего народа, его традициями и обычаями.

Человек, уважающий себя, не может не гордиться собой. Уважающий своего отца не может не гордиться им.

Человек должен иметь хоть что-то, чем он мог бы гордиться. Он должен жить так, *быть* таким, чтобы иметь право гордиться собой. Таким, чтобы его потомки могли им гордиться.

Человек, лишённый гордости, то есть человек без чувства собственного достоинства, никого не будет уважать и чтить. И будет способен лишь на мелкую зависть и злобную ненависть. Как говорили наши предки, только Достойный способен чтить Достойного.

Может быть, те, кто говорит о необходимости подавить в себе чувство гордости (инг. «курал»), имеют в виду не гордость, а гордыню (инг. «сонтал»)? Возможно. Но тогда и говорить надо о «сонтал», а не о «курал».

В человеке – два начала: божественное и тварное. Божественное у него от Бога, а животное – от мира сего. Так вот, гордость есть чувство, ориентирующее человека на реализацию всего того, что в нём есть от Бога, а гордыня – это чувство, оправдывающее любые его неприглядные поступки ссылкой на его «изначальную животность». Гордость настраивает меня на «нравственный рост», ибо она «заставляет» меня быть лучше (или как минимум не хуже) уважаемых мной людей, а гордыня «успокаивает» мою совесть ссылкой на то, что «другие ведь ещё хуже». Таким образом, гордость нужна тем, кто стремится к благородству (чтобы они не позволяли себе недостойные поступки), а гордыня нужна тем, кто утверждает своё право на низость.

Поэтому у Мужчины должна быть гордость, но он не имеет права на гордыню. Глалглай меттала аьлча, курало малача сагах Къонах ву, сонтало бежан ду цох¹

К чему мы это? А к тому, что все стихи Р. Дидиговой – это мироощущение гордого человека, человека, активно изменяющего действительность, а не пассивно претерпевающего её. Человека, который даже страдание выбирает (способен выбрать) сам. В том смысле, что во имя каких-то идеалов он идёт на страдания (путь к вершине всегда сопряжён со страданиями). Как во имя человеческого счастья пошёл на вечные муки Прометей. Кстати, ингушский прототип древнегреческого Прометея носит имя Куркъа, что этимологически распадается на «кура» – гордый, и «къа» – сын.

Лирическая героиня Р. Дидиговой не чванится, не хвастается своим выбором, своими поступками. Она гордится ими.

Однако давайте вернёмся к первой строке рассматриваемого нами стихотворения: «Непонятая, ухожу...». Внимательный читатель сразу заметит двусмысленность этой строки. Я воспринимаю эту строку в том смысле, что, когда лирическую героиню Р. Дидиговой не понимают, она не бросается в полемику, а просто «отходит в сторону». Но ведь слово «непонятая» в этом стихе может быть воспринято и в адъективном смысле (то есть как прилагательное), мол, «ухожу непонятая». И тогда смысл всего стихотворения будет несколько

¹ Говоря ингушским языком, гордость делает из мужчины Мужчину, а гордыня превращает его в скотину (инг.).

иным, а именно: «меня не поняли, я вынуждена уйти и поэтому хотелось бы напоследок попытаться объясниться». Весь тон стихотворения в этом случае становится каким-то оправдывающимся. Мол, вы меня не поняли, но так как я вынуждена уйти, то хочу напоследок заявить вам, что я в жизни не делаю того-то и того-то, вследствие чего страдаю. Строку «Увы... таков характер мой» в этом случае можно будет трактовать как выражение сожаления по поводу своего характера. Т.е. стихотворение приобретает несколько покаянный оттенок. И в отношении к собственному характеру лирическая героиня оказывается в некотором смысле в пассивной позиции.

А первая строка при этом выпадает из смыслового поля стихотворения.

Но ведь вся лирика Р. Дидиговой говорит об активности её жизненной позиции. Поэтому я склонен считать, что «непонятая» – это причастие, и лучше было бы написать «Непонятая – ухожу...». В смысле «когда меня не понимают, я ухожу, не пытаясь объясниться». Кстати, в другом месте эта мысль высказана вполне ясно:

*Я понимания не жду...,
Отчаявшись, в себя уйду...*

При таком понимании первой строки стихотворения совсем по-иному воспринимается и последняя строка, которая начинает выражать не сожаление лирической героини по поводу своего характера, а добродушную снисходительность к тем, кто не понял её (лирическую героиню). А всё стихотворение начинает выражать стремление автора самой решать и выбирать свою судьбу, а также неприятие ею необходимости оправдываться.

«Как искренность мне сохранить, / В двуличном мире пребывая?» – вопрошает лирическая героиня Дидиговой. Спрашивается, а почему же ей так важно сохранить искренность в этом лживом и чуждом чувствующему сердцу мире? Что же толкает её на эти жертвы?

Гордость!

«Как... не оправдываясь жить, / Судьбу свою не разъясняя», – восклицает она. И опять мы видим, что она не желает оправдываться. А ведь действительно, оправдываются только перед превосходящей силой. Вынужденный оправдываться находится в положении слабого и униженного. Вот почему благородство не любит оправдываться, равно как и обвинять.

Между тем, необходимо подчеркнуть, что гордость в понимании Р. Дидиговой – вовсе не антипод смирения. Гордость – это *стремление быть* не хуже лучших. Это *осознание необходимости быть* не хуже лучших.

3.

Совсем в ином ключе, в ином стиле написано стихотворение «Сожаление», которое, на наш взгляд, является настоящим шедевром. Очень не хочется портить его аналитическим разъятием, но не удержимся от искушения сказать несколько слов по поводу него.

Мать звонит дочери: «Ты нас как будто позабыла?». В этом полувопросе-полуутверждении дочь улавливает упрёк. И инстинктивно начинает оправдываться избитыми клише – «Я занята... и приболела...». Но сразу же понимает всю неуместность этих оправданий: ведь мать не обвиняет её, и не требует никаких объяснений! Перед матерью не надо оправдываться – если в этом будет необходимость, она сама тебя оправдает лучше любого адвоката.

И поэтому слова «Не в этом дело...» дочь адресует не столько матери, сколько самой себе.

*Вдруг на мгновение показалось –
Вернулась в детство я опять...*

Именно непосредственность восприятия, искренность и чистота помыслов, свойственные всем нам в детстве, подсказывают дочери единственно правильные и естественные слова: «Прости меня... Мне нечего сказать... прости!».

То, что строки о детстве автор поставила после слов покаяния, психологически очень верно. Действительно, дочь сначала говорит подсказанные сердцем правильные слова, и только потом осознаёт умом, что она находится в состоянии детской непосредственности, когда верные решения не осознаются понятийно, а чувствуются интуитивно. Ведь поэтому, наверное, дети никогда не ошибаются в оценках «добрый» – «злой» и всегда искренни в своих высказываниях.

На это чистосердечное покаяние мать говорит, успокаивая дочь: «Ты знаешь... я могу понять». И, как будто бы через «но», сообщает дочери:

*Готовлю каждый вечер ужин,
Тебя надеясь угостить...
Отец немножечко простужен...
Скучает, просит навестить.*

Какая великая грусть явлена в образе матери, для которой возможность угостить собственную дочь является лелеемой надеждой (иначе она не готовила бы ужин ежевечерне)! А перенос слова «тебя» в начало строки ставит это слово под логическое ударение, показывая, что для матери самое важное – угостить именно её. В самом стремлении матери угостить дочь мы угадываем её попытки упрочить связи дочери с детством, ещё раз вернуть дочь в состояние детства, когда она нуждалась в опеке матери. То есть вернуть её в чистоту и умиротворённость детства и этим самым уберечь её от грязи окружающего мира.

А осторожное «Отец немножечко простужен» звучит страшно умиленно. (Понятно, что «немножечко простужен» не совсем правильно и стилистически и семантически. Это сказано не совсем по-русски. Но это сказано «по-ингушски» – «Клезиг-дукха шелал кхийтта могаш вац хьа да». Р. Дидигова чутко уловила, как выразится мать, которая, с одной стороны, вынуждена сообщить дочери о болезни отца, а с другой стороны, пытается смягчить воздействие на дочь этой негативной информации, пытается не испугать дочь.)

Далее мать «с грустью тихой» признаётся дочери,

*Как мучает её вина,
Что редко к матери ходила,
Пока она была жива.*

Этим признанием мать пытается предупредить дочь, оградить её от возможных в будущем угрызений совести. Но не только. Этим признанием мать как бы и оправдывает дочь в её же глазах, мол, я тоже в своё время «редко к матери ходила».

Дочери стыдно, она понимает, что воспоминания об упущенных возможностях согреть душу матери всю жизнь будут студить сердце ей самой. Но

получится ли у неё навещать её чаще?... Реальность нашей жизни не даёт поводов для оптимизма в этом вопросе.

Это стихотворение, на мой взгляд, одно из лучших в мировой литературе стихотворений о матери.

4.

О чём бы Р. Дидигова ни писала, она пытается, как говорил классик, «во всём дойти до самой сути». И именно до философской сути. Среди основополагающих метафизических вопросов для Р. Дидиговой одним из важнейших является вопрос «быть или казаться» – ослабленный вариант бессмертного гамлетовского вопроса, явленный в намного менее пафосной, менее трагичной форме, и своей приземлённостью вполне соответствующий современной мелочности наших чувств и поступков, нашей «карликовости».

И стихотворение Р. Дидиговой «Осенняя пелена» как раз об этом.

*Покрылся день вечерней пеленою,
Навеянный осеннею прохладой...
Беспечный ветерок кружит волною,
Прохожих обволакивая влагой.*

*Деревья обнажаются, понуро
Склоняя обессиленные ветки;
С них листья опадают, глядя хмуро...
И ставит на асфальте дождь пометки.*

*Лишь звуки грусти льнут к осенней теме...
Противоречат ноты и кружатся
В неуловимой жизненной дилемме:
Собою быть, или собой казаться?*

*Я словно вижу путника слепого,
Идущего незримо к потрясениям,
Не чувствуя пристрастия смешного
Ко всяким бесполезным выяснениям.*

*И... будто время вдруг оцепенело
В свинцовой сфере полосы сомнений;
То... мысль заблудилась и замлела
В объятых серой пелены осенней.*

Гамлетовский монолог может быть интерпретирован не только как «жизнь – смерть», но и как «действие – бездействие». Именно такая трактовка данной дилеммы – «быть (кем-то) или не быть» и воспринята нами (ингушами), и именно она сведена нами к менее острой «быть или казаться». Вот почему слишком много среди нас людей, которые хоть и не способны (заставить себя) «быть», но стремятся «иметь репутацию», если воспользоваться известной формулой Эриха Фромма. «Мне не хватает каких-то качеств, чтобы быть образованным, но я хочу иметь диплом об образовании». «Для меня слишком обременительно быть честным, но я хочу казаться таковым». «Мне

не под силу быть Эздий Къонах¹, однако я пытаюсь слыть им». То есть мы понимаем, что надо быть образованными, честными, эздий, просто не у всех хватает для этого необходимых душевных качеств. Таким образом, наши недостатки оказываются продолжением наших достоинств (вполне пристойных желаний). Но радует и обнадеживает то, что, неспособные «быть», мы, тем не менее, стесняемся «не быть». Значит, в массе своей народ ещё осуждает бездействие, отказ от действия. А, как говорил в своё время Ф.М. Достоевский, о народе надо судить не по тому, каков он есть, а по тому, каким он хочет быть.

Это стихотворение интересно ещё и тем, что оно многопланово. Оно создаёт удивительную картину, удивительное сочетание образов, неожиданный ассоциативный ряд. Вчитайтесь: беспечный влажный ветерок, обессиленные ветки обнажённых деревьев, хмуро осыпающиеся пёстрые листья, дождь, метящий асфальт (территорию), и тем самым заявляющий свои права на него, заблудшая мысль, свинцовая сфера сомнений, серость осенней пелены. И среди всей этой неприглядной картины, достойной кисти Вахи Заураева и чем-то напоминающей фантазмагорический мир Франца Кафки – «слепой путник», человек, раздираемый противоречиями неумолимой дилеммы – «быть или не быть». Человек, для которого любые «пристрастия» смешны, ибо любые «выяснения бесполезны». (Дефицит истины опрокидывает чувства в сферу комического. Не потому ли самыми востребованными на сегодняшний день в нашем искусстве являются комедии?) Но ведь смириться с этим означает для нас идти по гибельному пути. Быть свободным от страстей ещё не значит управлять ими. Животное тоже свободно от страстей (оно не знает их). А ведь человек потому и человек, что он обуреваем сильными чувствами (аффектами). И чтобы остаться человеком, ему надо не отказываться от них, а уметь и мочь владеть ими. Владеть же чувствами значит уметь сознательно направлять их энергию на благие деяния (основатель психоанализа З. Фрейд назвал этот процесс сублимацией). Вот почему «слепой путник» у Р. Дидиговой незаметно для себя «идёт к потрясениям». Отказавшись от «выяснений» и «пристрастий», он приобрёл ту свободу, которую нобелевский лауреат Альбер Камю называл «страшной свободой слепца». «Слепой путник» Р. Дидиговой отказался от выбора, но отказавшись от выбора, он отказывается от свободы. Ведь отказ от выбора как раз и есть рабство.

Р. Дидигова всегда выступает против отчаяния, покорности. Одной из главных заповедей предков она считает «Не уходит в печали с головой» («На Чегемских водопадах»). Помните, как она закликает свою дочь:

*Кровиночка моя родная,
В отчаяние не впадай,
На помощь Божью уповая,
Несчастье преодолевай.
(«Ожесточенье – худший враг»)*

Она ориентирует её на доброту, чтобы нести людям любовь и мудрость. Она учит дочь, что «источник блага» – она сама. Она настраивает дочь (а вместе с нею и нас) на сохранение разума и самообладания, на стойкость и выдержку в трудные минуты жизни. Ведь главной ценностью для человека, по мнению Р. Дидиговой, является «умение людей любить» («Духовный след»). Всем своим творчеством Р. Дидигова утверждает, что тот, кто обладает этим

¹ Благородный Мужчина (инг.).

умением, сумеет быть в этой жизни кем-то (или самим собой, что, впрочем, одно и то же). И необходимость казаться отпадёт за ненадобностью.

Говоря об удачных образах, которые способны породить целые гирлянды ассоциаций, хотелось бы обратить внимание ещё на одно стихотворение Раисы Абукаровой – «Покрыт каштан велюром снежным...». (Вообще-то богатством порождаемых ассоциаций отличаются практически все стихи Р. Дидиговой, так что выбор этого стихотворения можно считать случайным).

Снежинки падают на землю! Вряд ли найдётся поэт, который не восхищался бы этой картиной, не выразил бы сожаление по поводу скоротечности жизни снежинок, которые тают, едва коснувшись земли. Но Р. Дидигова обращает внимание не на гибель снежинок (смерть неизбежна для всего сущего, и поэту обыденна в некотором смысле!), а на нечто более страшное с точки зрения нахского (кавказского) мировоззрения – на то, что

*Смешенье с грязью непременно
Самих их превращает в грязь.*

Внимательный читатель не пройдёт мимо этого выражения «смешенья с грязью», порождающего в подсознании целый веер ассоциаций, восходящих как к глаголу «смесить», так и к глаголам «сместить», «смести», а то и к более дальним «мешать» (быть помехой), «смешаться» (прийти в замешательство) и т.д. И эта фраза начинает восприниматься как предупреждение об опасности иметь дело с «грязью», ибо велик риск не только «превратиться в грязь», но и сместиться с мировоззренческих позиций, или быть сметённым с арены нравственной и полнокровной жизни.

Волею судьбы оказавшись на земле, белые снежинки смешиваются с грязью и «непременно» сами превращаются в грязь. Если мы эту мысль, эту метафору перенесём из эстетической сферы в этическую, то мы получим образ благородства, вырождающегося в карикатуру на себя – в дендизм. Получим напоминание о том, как трудно, а порой и невозможно, остаться чистым и незапятнанным в этом погрязшем в грехах мире. И как легко в наше время благородность характера может быть «запятнана» и провозглашена бесчестьем. Противопоставление «снежинок сказочной вязи» и «грязи» (в рифме) вызывает в сознании читателя антонимы «добро – зло», «честь – бесчестье», «истина – ложь», и т.д. Читателю исподволь, на подсознательном уровне напоминает о зыбкости границы между прекрасным и ужасным, между возвышенным и низменным, между высоконравственным и безнравственным.

Лейтмотивом этого стихотворенья, как и всего творчества Р. Дидиговой, является мысль, что для Благородства смешенье с грязью страшнее смерти. В другом месте она скажет, что перед уходом в вечность человека «*Не смерть страшит, а груз вины...*» («Кружатся в наших судьбах выюги...»). Нужно ли уточнять, что «вина» у Р. Дидиговой – понятие, в первую очередь, этическое, и поэтому речь идёт о нравственном падении (а не о юридическом преступлении)?

5.

В наше время, когда стихи многих поэтов напоминают, так сказать, «компиляционный конгломерат» избитых фраз, затасканных сентенций, набивших оскомину образов, стёртых метафор и оборотов, отрадно видеть в стихах свежие выражения: «*бездна бытия*», «*потёмки бытия*» (как тут

не вспомнить утверждение ингушской народной мудрости, что жить иногда труднее, чем умереть), «*зыбкие убеждения*», «*пустая боль*» и многие другие. Мир, «*Не признающий пустоты, / Не допускающий провалов!*» А чего стоит следующий образ: «*Резвая тоска дождливых весенних сумерек, которая, сливаясь с томною душой, порождает тревожное томленье неизвестностью, незнанием, что нас ждёт в наступающей тьме – потеря или приобретение*» («*Уже сгустилась синева...*»). Или «*сирень*», которая «*неистово благоухала*», провожая и встречая нашу героиню.

Содержательны и символичны и заголовки её стихов: «*Серость пустоты*» и «*Адский круг*» – о Назрани 1993 года, «*Безвременье*» – об Ингушетии 1990-х годов, «*Процальный монолог*», «*Потускневший свет*» («*Памяти Коста Хетагурова*»), «*Трагический сон*», «*Туманный путь*», «*Чёрные деяния*» (о тех, кто надгробными плитами выложил символический вопрос «*Если не мы, то кто?*»). Р. Дидигова отвечает: вот уж, действительно, «*никто другой*» на такой вандализм не способен).

Глубокой грустью, даже некоторой депрессией веет и от названий других стихов: «*Застывший взгляд*», «*Неизбывная боль*», «*Забвенье истин*», «*Сплошной туман*», «*Высохшая ива*», «*В ночной темноте кто-то бредит...*», «*Нежданно боль сжимает сердце вновь...*», «*Затаённая печаль*», «*Пустых иллюзий череда*» и т.д. Но рядом с ними – альтруистские, оптимистичные, жизнеутверждающие: «*Ожесточенье – худший враг*», «*Любите людей*», «*Не истязай достоинство чужое...*», «*Гордыню усмирить пытаюсь*», и т.д.

Искушённый читатель, конечно, отметит стилистическую «неприглаженность» многих выражений, их семантическую перегруженность, диссонанс их фонетического звучания. И будет прав. Но даже он будет вынужден признать их живое звучание, их кричащую нестандартность, их завораживающую неожиданность.

Кстати, Р. Дидигова является мастером употребления в «стандартном» тексте нестандартного, неординарного эпитета или словосочетания, сообщаящего всему тексту совершенно неожиданную окраску или совершенно новый смысл. Для иллюстрации можем рассмотреть стихотворение... ну хотя бы «*Про годы школьные забыл...*», в котором описывается типичная, в общем-то, ситуация, когда многолетние (со школьной скамьи) хорошие отношения между людьми портятся из-за какого-то пустяка. И часто только лишь потому, что кто-то не захотел вникнуть в ситуацию.

Стихотворение небольшое – всего 16 строк.

*Ты годы школьные забыл...
Исчезла прежняя улыбка;
Не разобравшись, не простил
Мне безобидную ошибку.*

Типичность описываемой ситуации, помимо всего прочего, ещё и в том, что эти упреки и сомнения бывают, как правило, безосновательными, необоснованными, и эта их несправедливость придаёт переживаниям обвиняемой стороны особую остроту.

*Все объяснения отверг
Ты, в ход событий не вникая,
Меня в отчаянье поверг,
Несправедливо упрекая.*

Пока всё излагается, как видим, довольно стандартно, если не считать это излишне пафосное «поверг» (даже простое «вверг», кажется, здесь было бы уместнее) и функционально прямо противоположное ему скопление деепричастий и причастий, сильно снижающих напряжение повествования. И эти противоположно ориентированные образы ещё туманных для читателя душевных движений лирической героини говорят не в пользу автора.

Ну, ладно, читаем дальше.

*И оставалось только ждать,
Надеясь, что рассудит время...
Но мне скорей хотелось снять
Столь нежелательное бремя.*

Опять мы видим некое несоответствие привычному ходу повествования: желание лирической героини избавиться от бремени размолвки противопоставлено (частицей «но») сложившемуся положению, мол, «было так, но мне хотелось...». Куда последовательнее было бы, скажем, обратное противопоставление, что-то вроде

*Мне поскорей хотелось снять
Столь нежелательное бремя,
Но оставалось только ждать,
Надеясь, что рассудит время.*

Однако автором желание лирической героини противопоставлено реальности, и читатель вправе ожидать дальнейшего развития повествования по схеме «было так, но мне хотелось то-то, а (поэтому) получилось это». А что здесь может получиться? Как лирическая героиня Р. Дидиговой выйдет из сложившейся ситуации?

*Дни изнурительные шли,
И мысль в воздухе витала:
Когда-нибудь узнаешь ли,
Как я тебя не предавала?!*

Первое, что бросается в глаза, это то обстоятельство, что ситуация никак не разрешается. Вопреки ожиданиям читателя, лирическая героиня не нашла способ объяснить свою невиновность, оправдаться. Читатель введён в мир противоположно ориентированных душевных движений лирической героини, в мир, полный противоречий и противопоставленностей, и ... оставлен там, как говорится, на произвол судьбы: ему не предложено ни одно решение.

Но...

Когда я в первый раз читал «Когда-нибудь узнаешь ли, / Как я тебя не предавала?!», я «споткнулся» об это «как». Вроде бы обычные стихи обычного поэта об обычной же ситуации (во всяком случае, я так думал тогда). Поэтому это стихотворение и закончиться должно обычным, шаблонным криком оскорблённой недоверием души, жаждущей справедливости: «Когда-нибудь узнаешь ли, / Что я тебя не предавала?!». И вдруг вместо этого – «...Как я тебя не предавала?!». И дело здесь не в необычности строения фразы, вернее, не только в этом.

Говорят, как-то великий Карл Брюллов, поправляя этюд ученика, в нескольких местах лёгкими мазками чуть-чуть подправил его. Этюд сразу ожил, стал восприниматься совершенно по-другому. На удивлённое восхищение

ученика «Вот чуть-чуть тронули – и всё изменилось!» Мастер усмехнулся и отметил, что именно с этого «чуть-чуть» и начинается искусство.

В процитированном стихотворении 61 слово. Поэт заменил всего лишь одно (!), – а какое новое, неожиданное звучание, какое изменение всего смысла! Точнее, все предыдущие слова и образы начинают звучать по-новому. И диссонанс, о котором говорилось выше, оборачивается своеобразным контрапунктом, оттеняющим весь смысл описываемой ситуации.

Если бы стихи завершались вопросом «Когда-нибудь узнаешь ли, / Что я тебя не предавала?», то это стихотворение было бы ещё одним выражением боли несправедливо обвинённого и тем оскорблённого сердца. И вопрос этот говорил бы о стремлении автора (лирической героини) восстановить истину. Эти стихи говорили бы о важности для обвинённой, чтобы правда восторжествовала именно в душе обвиняющего.

Выражения «узнаешь ли, что я тебя не предавала?» и «узнаешь ли, как я тебя не предавала?» на первый взгляд кажутся равнозначными. Но это, действительно, только на первый взгляд. Замена предлога «что» на вопросительное наречие «как?» приводит к тому, что *отсутствие действия*, о котором идёт речь в первом выражении, во втором заменяется *действием*. «Не предавать» из пассивного «состояния» трансформируется в активное противостояние. Логическое ударение, которое в первом варианте жёстко фиксируется на словах «узнаешь ли?», посредством этого наречия как бы «срывается с якоря» и начинает блуждать по фразе, порождая множество других прочтений, других оттенков, и даже других смыслов – от «узнаешь ли, чего мне это стоило?» до «как ты мог поверить в моё предательство?».

Вот таким образом поэтическое изображение простенькой ситуации превращается в поэтический шедевр с мощным воспитательным значением. Эта последняя строка учит нас, что не важно, узнает обвиняющий истину или не узнает. Если он не захотел «вникнуть в ход событий», то он и не достоин знания истины. Говорят, что жизни и свободы достоин только тот, «кто каждый день за них идёт на бой». Но я бы к ним добавил и дружбу. За дружбу тоже надо вести ежедневный бой – бой с подозрениями, бой с непониманием. А то многим из нас уже начинает нравиться быть обиженными, жертвами предательства.

6.

Лирической героине Р. Дидиговой трудно. Ведь это очень больно, когда тебя не понимают окружающие. Когда бродишь, «полная смятенья, / Среди людей – совсем одна...» («Не лучшей та была весна»). Это жутко больно, когда тебя не понимают близкие. Невыносимо больно, когда тебя не понимает тот Единственный, ради которого ты живёшь, во имя которого ты творишь, признания которого ты ждёшь, внимания которого ты жаждешь. Когда не можешь поделиться с ним «пережитым» («Свои стихи тебе дарю...»). Тогда остаётся лишь одна опора – непреклонная гордость. Лучше уж мне переболеть самой одной, – говорит она. Ведь неискренние слова, по её мнению, хуже брани. Гораздо хуже. Их нельзя произносить даже во имя сохранения отношений. Если тебе нечего сказать искренне – лучше ничего не говори («Где была радость – нынче боль»).

Р. Дидигова абсолютно не приемлет фальшь – ни в словах, ни в поступках. Поэтому она и не хочет ни произносить ложь, ни слушать её. Зная всю силу

Слова, она даже в минуты, когда ей «так безумно одиноко», не способна на неискренние слова, на неприглядные объяснения, на унижающие человеческое достоинство попытки оправдаться. Ведь не выяснения отношений она хочет – она жаждет простого человеческого участия, внимания, просто «поговорить». О чём? Неважно! Главное для неё – это знать, что она не одна в этом мире. Знать, что есть на Земле ещё хотя бы один человек, который может отозваться на её голос, способен услышать её призыв, готов обрадоваться её счастью и разделить её боль. Кто-то из великих сказал: «Заговори, чтоб я тебя увидел». И лирическая героиня Р. Дидиговой просит «заговорить», чтобы она могла «увидеть». Чтобы убедиться, что этот мир, это «великолепье мироздания» – не выдумка её, не порождение её сознания, а существует объективно, что этот мир «сущностен», если воспользоваться любимым словом самой Р. Дидиговой.

Но конфликты-то неизбежны. Размолвки случаются. Это неотъемлемые стороны жизни. Как же выходить из ситуаций, когда взаимопонимание невозможно? Лирическая героиня Р. Дидиговой спасается от психологического напряжения тем, что она как бы выходит за рамки конфликта, становится «над ним», чтобы осознать суть разногласия и, проанализировав, разложить его на ряд этических суждений, разъять противоположные устремления человеческих страстей: все позитивные, созидательные – сюда, а негативные, разрушительные – в эту кучу. А потом уже спокойно работать над развитием положительных моментов и подавлением отрицательных. И всегда она приходит к жизнеутверждающим принципам. Например, что «не нужно вычислять врагов», «Не истязай достоинство чужое...» и т.д. Не сразу и поймёшь, кому же она адресует эти наставления-наказы – читателю или самой себе. Ведь чувства у Р. Дидиговой такого высокого накала, что для их остужения и обуздания требуются очень серьёзные и продуманные доводы ума.

7.

Стихи Раисы Абукаровны Дидиговой – не для шумных застолий, не для весёлых компаний. Её стихи нужно читать вдумчиво, смакуя фразы и даже отдельные слова, прислушиваясь к своим ассоциациям. Источниками эстетического удовольствия в её стихах являются не столько стилистическая прилизанность и красота фраз, сколько глубина мысли и богатство ассоциаций. Ведь эстетическое переживание тем острее, чем больше включено в него наше воображение. Хороший художник передаёт в своём произведении не всю полноту жизненного явления, а лишь некий «плодотворный момент» (выражаясь языком Г.Э. Лессинга), настраивающий человека определённым образом. Ведь в искусстве, как подчёркивал А.В. Гулыга, важно не знать, а догадываться.

Да, стихи Р. Дидиговой не только воспитывают чувства читателя, но и рационализируют его ум. Она сама свои стихи назвала «Высоких мыслей лаконичный строй». Точнее невозможно охарактеризовать её поэзию. Действительно, в её стихах есть и благородство мысли, и краткость выражения. Она не столько изображает свои чувства, сколько описывает их. Можно даже сказать, что в её стихах мысль превалирует над настроением, и её стихи надо не столько переживать, сколько осмысливать. Всё это так. Но есть в её стихах тот лессинговский «плодотворный момент», который часто создаётся простой инверсией. Например, Р. Дидигова может вместо «не смог заметить» написать «не заметить смог»:

Беспечно не заметить смог,
Как душу боль ожесточила
(«Не захотел понять меня...»)

И сразу становится понятно, что речь идёт не о «бессилии заметить», а о «стремлении не заметить». Здесь опять пассивная позиция уступает место активной: отрицательный глагол «не смог» заменяется положительным (утвердительным) глаголом «смог». «Не смог заметить» означает, что некто не смог, хотя и старался, а «смог не заметить» подразумевает, что этот некто смог сделать то, что собирался сделать.

8.

В заключение хотелось бы отметить ещё одну характерную особенность творчества Р. Дидиговой. Это бросающееся в глаза пренебрежение мелочами, отсутствие полутонов и нюансов. Она может семантически нейтральное слово «гордо» заменить словом «надменно» – словом с ярко выраженной экспрессивной семантикой, общеупотребительное слово «смысл» заменить словом из философской лексики «сущность», не обращая внимания на смысловые тонкости и нюансы. Так человек, спешащий куда-то, не обращает внимания на особенности булыжников, которые лежат на его пути и через которые он шагает. А Р. Дидигова, будучи Поэтом, шагает широко, смотрит далеко и видит глубоко.

Вообще, в её жизни всё крупное и интенсивное: и мысли, и поступки, и чувства, и мечты. Этой завораживающей «крупномасштабностью» видения обусловлено и то, что она «живописует» размашисто и ярко. Её творчество характеризуют крупные и ёмкие образы, насыщенные мазки, глубокие метафоры.

Раиса Абукаровна любит жизнь. И живёт она полнокровной и интенсивной жизнью. Однако в её глазах можно заметить глубоко запрятанную печаль. Не грусть, не тоску, а именно печаль. Но я не вижу в этом ничего удивительного. Ведь поэт, если он настоящий Поэт, не будет счастлив, когда его народу тяжело, какова бы ни была его личная судьба. «У нас тяжело жить», – вздохнула она как-то. Думающему человеку всегда трудно. И везде.

В стихотворении, строки из которого вынесены в эпиграф, Р. Дидигова словами известной певицы Сандры просит нас «не быть агрессивными к ней», то есть не спрашивать с неё слишком строго, так как она «не Шекспир, не Бомарше, / Не Гёте и не Пушкин». Излишние опасения. Да, Р. Дидигова не Пушкин, но её поэзия может удовлетворить самому требовательному вкусу. Её стихи несут в себе заряд жизнелюбия и пассионарности, и ещё долго они будут волновать душу читателя. После чтения их хочется жить – жить активно и плодотворно. Ведь это – живительный глоток оптимизма в наше трудное для жизни время.

Сама же Раиса Дидигова, как нам кажется, не способна ни на жестокость, ни на агрессивность.

ПОЭЗИЯ

Валерий МАЗМАНЯН

Валерий Григорьевич Мазманян – родился 9 июля 1953 года в семье военнослужащего. В 1975 году закончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Работает в системе образования. Автор книги «Не спросишь серых журавлей».

Живёт в Москве.

Времена года

Бабье лето ещё погостит в золотых теремах сентября

Заалели калины уста,
мотылёк за геранью уснул,
и стареющий август устал
покрывать позолотой листву.

Затаилась за вздохами грусть –
наши пряди уже в серебре,
собирает шиповника куст
капли зорьки к осенней поре.

В чувствах каждый себе господин,
если хочешь, сначала начнём,
а на стенах узоры гардин
день рисует закатным лучом.

Пожелтевший листочек в горсти,
журавли собрались за моря...
бабье лето ещё погостит
в золотых теремах сентября.

А бабочек белые пляски под занавес август

Мелодия старой пластинки
забытой печалью светла,
и облако – смятой косынкой –
на воду уронит ветла.

Жалеть, как хотелось, не вышло –
и вздохи и фразы пусты,
и осень крадётся неслышно
по меткам опавшей листвы.

И грустно – красивые сказки
писались, уввы, ни для нас...
а бабочек белые пляски
под занавес август припас.

Где время сыплется из рук сухим песком на берегу

Когда судьба загонит в круг,
на день-другой туда сбегу,
где время сыплется из рук
сухим песком на берегу.

Где блики золотой казной
куда-то унесёт река,
и в талый воск расплавит зной
в июльском небе облака.

Увижу этот мир птенцом,
пойму, что столько проглядел,
и косами закрыв лицо,
ветла помолится воде.

Волна откроет ветру грудь,
поднимут чайки общий крик...
и так захочется вернуть
не годы, а любовный миг.

И звон дождей, и запах лип
Качнётся занавески тюль –
распишет тень полы под гжель,
несёт к окну хмельной июль
и запах лип, и звон дождей.

А в ряби лужи дрожь берёз
и месяц – сломанным кольцом,
в копну рябиновых волос
уткнулось облако лицом.

Встревожат небо сизари,
где звёздочка над ивняком,
летающая на свет зари,
ночным сгорает мотыльком.

Что время к осени спешит,
напомнит мокрой ветки всхлип...
строка из дневника души –
и звон дождей, и запах лип.

**А осень к сердцу кралась,
прикинувшись дождём**

Листочек жёлтый метил
ушедший летний миг,
и тени рваной сетью
ловили солнца блик.

И шёл июль со свитой
шмелей и мотыльков,
роняли в пруд ракиты
платочки облаков.

Казалось, ближе малость –
и словом не солжём,
а осень к сердцу кралась,
прикинувшись дождём.

Не зря сплетали руки
при виде нас кусты...
и знали цвет разлуки
опавший лист и ты.

**Где ловит руками ветла
скользящие блики реки**

Окрасил июльский закат
полнеба, цветущий кипрей,
возьмём у судьбы напрокат
беспечность на несколько дней.

Морщинки забудь и лета,
туда все дороги легки,
где ловит руками ветла
скользящие блики реки.

Напьемся водицы живой,
покроем с руки голубей,
и тени платок кружевной
накинут на плечи тебе.

На счастье – минутный тариф,
трава скроет наши следы...
а в памяти дремлющих ив
останемся рябью воды.

**И летящий от тополя пух
мотыльками садится на куст**

Рядом с облаком голубь парит
ни домашний, ни дикий – ничей,
а в распущенных косах раки
золотые заколки лучей.

Мы уже различаем на слух
проскользнувшую в голосе грусть,
и летящий от тополя пух
мотыльками садится на куст.

Ни тебе и ни мне в этот день
никакой не вернуться тропой,
где упавшую в обморок тень
окружили ромашки толпой.

Расставание – смена времён,
из бывшего уже говорю...
у окна зацветает пион,
собирающий в сгусток зарю.

**На смятом облачном листе
сизарь начертит круг**

Стряхнула вишня с рукава
соцветий лепестки,
и одуванчик тосковал,
что белые виски.

И были смех, и вздор речей,
и весь июнь копил
цвета коротеньких ночей
сиреневый люпин.

Но оказался я из тех –
ни близкий и ни друг,
на смятом облачном листе
сизарь начертит круг.

За нелюбовь не жди суда,
прости – пишу клише...
вечерней грустью навсегда
останешься в душе.

**Жасмин туманом
плыл у окон**

Июньский вечер звуки прятал,
где в сумрак погружались дали,
и облака бумагой смятой
в закатном пламени сгорали.

Берёзы белые колени
прикрыли тени кружевами,
что этот день отдали лени
забыли, не переживали.

Жасмин туманом плыл у окон,
лилось вино и лились речи...
и грусти нераскрытый кокон
до осени припрятал вечер.

**Белит тополиный пух
одуванчиков виски**

Цвет черёмухи снежком
предвещает холода,
ива молится тишком
у заросшего пруда.

Ливень нанесёт мазок,
зачернит во двор окно,
липа золотой песок
сыплет лужицам на дно.

Обострённый ловит слух
сколько в голосе тоски,
белит тополиный пух
одуванчиков виски.

Сдюжил дождь сирени куст,
мы - житейскую грозу...
вместе с ивой помолюсь
на вечернюю звезду.

**И поклоны бьёт синица,
отпуская всем грехи**

Отцветает куст сирени,
одуванчик белый сник,
в кружевных накидках тени
прогоняют солнца блик.

На берёзах пеной мыльной
кучевые облака,
у стрекоз в зеркальных крыльях
отражается река.

Ветерку с утра не спится,
сарафан измял ольхи,
и поклоны бьёт синица,
отпуская всем грехи.

И слова – такая малость,
а волнение в крови...
сизари у ног собрались
и воркуют о любви.

**Ронял шиповник в травы
по капельке закат**

Недолго дождик капал,
вдыхала зря река,
сосна мохнатой лапой
прогнала облака.

В дремоту впали тени,
ветра сморила лень,
и в облачке сирени
пропал гудящий шмель.

Будила чайка криком
грозу и спящий гром,
хотелось о великом,
а слово – о земном.

Века меняют нравы,
но не разлук обряд...
ронял шиповник в травы
по капельке закат.

И белый иней одуванчика

Весна уже уходит в прошлое –
густой травой, на зорьке скошенной,
грозой, вишнёвыми метелями,
туманом яблонь и капелями.

Цветок жасминовый закружится
и льдинкой поплывёт по лужице,
и белый иней одуванчика
накроет солнечного зайчика.

Шмелю, стрекозам и соцветиям
три летних месяца – столетия,
порхает бабочка-капустница,
где жёлтый лист на снег опустится.

Прошу тебя – не надо мучиться,
что поздняя любовь – разлучница...
поверь – спасёт от неизбежности
простое слово с жестом нежности.

И ветерок ночной игрив – целует яблоню в плечо

Полнеба сжёт, дотлел закат
у голубиноного крыла,
а там, где плыли облака,
звезда кувшинкой зацвела.

До блеска ржавую луну
начистят веточки берёз,
твой взгляд и шёпот нам вернут
былые чувства, радость грёз.

И ветерок ночной игрив –
целует яблоню в плечо,
мы время падающих слив
порой счастливой наречём.

Оставь во-первых, во-вторых –
найдётся повод для нытья...
и у души нет выходных
в круговороте бытия.

Синева озеро глоточками выпили тучи

Метели вишнёвые май разбудил,
шмеля и вечерние грозы,
родимые пятна на белой груди
платочком прикрыла берёза.

Синица на ветке торопится спеть,
что солнечно утром и ясно,
листвы прошлогодней подсчитана медь
грачами в монашеских рясах.

Шепну, что зелёное платье к лицу,
влюблённый морщинистый мальчик,
у бабочки белой сорвав поцелуй,
за ночь поседел одуванчик.

Не вспомнишь меня и забудешь лицо –
красивыми снами не мучай...
и мечется стриж – синевы озеро
глоточками выпили тучи.

Вместе с бабочками лето по дворам разносит шмель

Блики солнечного света,
час, не больше, дождь шумел,
вместе с бабочками лето
по дворам разносит шмель.

Что для счастья надо мало,
если хочешь, говори,
у окна собрали мальвы
утром капельки зари.

Что с того, что в прядях иней
и морщинки возле глаз,
солнце зреет сочной дыней
в этом августе для нас.

Смех и поцелуй горячий,
голубь во дворе речист...
в тень берёзы ветер прячет
первый золочёный лист.

**Золотыми крупницами липы
украшают обыденность лет**

Попрощались – забыть всё обязан.
Под дождей несмолкаемый хор
поседел незаметно для глаза
одуванчика рыжий вихор.

Но на сны не наложено вето,
засыпаешь – и в мире ином,
и цветущей черёмухи ветка
поднимает метель за окном.

Все вчерашние лужицы выпил,
зарумянился майский рассвет,
золотыми крупницами липы
украшают обыденность лет.

Возвращается прошлое грустью,
от себя не пуститься в бега...
если речка забудет, где русло,
ей напомним её берега.

**В саду негаснущим закатом
пылают красные тюльпаны**

Воркуют сизари на крыше
один куплет из старой песни,
что лепестками майской вишни
снежинки белые воскресли.

За золотую жилу овод
блестящий одуванчик примет,
и для тоски найдётся повод,
когда твоё услышу имя.

Былое и во сне догонит,
и память никуда не дену,
а месяц уронил с ладони
все звёзды в облачную пену.

Останется в листочке смятом,
что сами наспех растоптали...
в саду негаснущим закатом
пылают красные тюльпаны.

**И у окна надела верба
наряд расшитый серебром**

Последний снег склевала морось,
пожухлый лист поднял крыло,
а чайка, надрывая голос,
зовёт весеннее тепло.

Молчит душа – откуда вера,
что всё закончится добром,
и у окна надела верба
наряд расшитый серебром.

Вздохнёшь – апреля заморочки
не понимаешь, хоть убей,
а облака стирают точки,
что ставит стайка голубей.

Но укорять весну не вправе
ни ты, ни я за грустный миг...
и мать-и-мачеха в канаве
хранит в ненастье солнца блик.

**Берёза у зеркальной лужи
примерит новые серёжки**

Не в первый раз – невзгоды сдюжим,
весенних трав увидим стёжки,
берёза у зеркальной лужи
примерит новые серёжки.

А снегу жить всего неделю,
об этом знает кустик жалкий,
и траур по зиме надели
ещё вчера грачи и галки.

Вздохнёшь, а месяц улыбнётся –
тебе решать, что в жизни вечно,
для уточки монетку солнца
достанет селезень из речки.

Дожди свои разучат гаммы,
мы журавлей уставших встретим...
истлевший до трухи пергамент
осенних листьев кружит ветер.

**Над чёрным клёном во дворе
сияет солнца ореол**

Следил за сменами времён
большой сугроб и весь поник,
в зеркальной луже видит клён,
как к небу тянется двойник.

Погожим утром липкий снег
сосна стряхнула с рукава,
и долгий сон замёрзших рек
встревожит птичий караван.

Так было испокон веков –
природа после зим грустна,
из белой пены облаков
выходит новая весна.

И пусть седой, и постарел,
твоё «люблю», как наш пароль...
над чёрным клёном во дворе
сияет солнца ореол.

**И верба снег
стряхнёт с плеча**

Всплакнул сугроб – своё отжил,
не сходит чернота с боков,
и синеву соткут дожди
из серой шерсти облаков.

И верба снег стряхнёт с плеча,
и серебром украсит кисть,
и блеском золота грача
обманет прошлогодний лист.

С утра читают воробьи
теней затейливую вязь,
и оба знаем – без любви
два сердца потеряют связь.

Снега разгонит по лесам
капли барабанный стук...
и ты шепнёшь – придумал сам
обыденный привычный круг.

**И в синеву опустят вёсла
под звон капли тополя**

В погожий день и небо выше,
и ветер от берёз отстал,
в тени домов, надеясь выжить,
худой сугроб ползёт к кустам.

Пока на суету роптали,
будил подлесок птичий гвалт,
и оставляя след проталин,
прошёлся по округе март.

Сквозняк развеет сумрак комнат,
мы календарь перевернём,
и у ограды снега комья
сверкнут разбитым хрусталём.

И в синеву опустят вёсла
под звон капли тополя...
ушедшие считаем вёсны
и ждём прилёта журавля.

**И облако белым китом уйдёт
в глубину синевы**

На памяти – небо без звёзд,
и сумрачных дней череда,
но золотом листья берёз
сверкают под корочкой льда.

Я воздух глотаю взахлёб
и лужу глубокую вброд,
где талую воду сугроб
ладонями белыми пьёт.

Февраль узелками связал
две ниточки наших следов,
недаром сегодня сизарь
воркует с утра про любовь.

Оставим с тобой на потом
и вздохи, и слово «увы»...
и облако белым китом
уйдёт в глубину синевы.

**Берёза серебряный волос
украшит алмазной звездой**

Морозно, ломается голос,
снежинка растает слезой,
берёза серебряный волос
украшит алмажной звездой.

Пока отношения шатки,
былое с добром отпусти,
большие пушистые шапки
надели худые кусты.

Не всё перепишешь с начала,
но можно начать и с конца,
и сердце не даром стучало –
сойдутся следы у крыльца.

У дома сугробов отара –
метели пригнали, ушли...
и облачком белого пара
плохое слетает с души.

**Задремавшая луна
улыбается во сне**

Все сугробы спеленал
к десяти вечерний снег,
задремавшая луна
улыбается во сне.

Грезится весенний день –
принесли тепло грачи,
убаюкал ветер тень,
и зажгла звезда ночник.

Суета, усталость, хмарь –
три морщинки возле глаз,
посмотри – нашёл фонарь
у окна большой алмаз.

Погрусти, но бровь не хмурь,
у судьбы не просим крох...
отзвуком житейских бурь
остаётся тихий вздох.

**Худой фонарь у тёмных окон
пускает жёлтую слезу**

Унылый день не станет датой,
забудь и зря не морщи лоб,
на простыне, ветрами смятой,
уснул калачиком сугроб.

Раздвинешь шторы – тени в коме,
на сером – белые штрихи,
ночных воспоминаний промельк
тревожит старые грехи.

Былое тронешь ненароком,
не вороши, что там – внизу,
худой фонарь у тёмных окон
пускает жёлтую слезу.

И сколько от себя ни бегай,
найдётся повод для тоски...
с берёзой, облаком и снегом
роднятся белизной виски.

**И неба серые лоскутья
на чёрных ветках сушит ветер**

Опять сезонов перепутье,
не отличишь от утра вечер,
и неба серые лоскутья
на чёрных ветках сушит ветер.

А там, где были снега пятна,
мерцают лужи из металла,
твоё молчание понятно –
от этой серости устала.

Одно уже не повторится,
другое – памяти отдали,
и петли времени на спицы
ложатся ровными рядами.

Добавлю в комплименты лести –
душа вспорхнёт и вёсны вспомнит...
оконным переплётком крестит
фонарь тебя и сумрак комнат.

Метелям – в память лет

По лужам облака плывут,
последний снег зачах,
и сосны держат синеву
на бронзовых плечах.

На все лады поют ручьи,
что всё в твоих руках,
гуляют важные грачи
в потёртых сюртуках.

Дождям – в жемчужную росу,
метелям – в память лет,
я, как огонь любви, несу
багряных роз букет.

Возьмёшь цветы, я, не дыша,
услышу – горячо..
и сизым голубем душа –
на белое плечо.

Вязь следов на снегу

Опавшие листья – вся память весны,
метели оставят нам белые сны,
спешим, суетимся и время торопим,
цветами на яблонях снежные хлопья.

Берёзы осеннюю медь берегут,
а летопись зим – вязь следов на снегу,
прошу, улыбнись – и забудем плохое,
как празднично в доме от запаха хвои.

Клубками – сугробы и прячут носы,
луна мандарином на клёне висит,
присядешь поближе, обнимешь руками..
и вспомнят снежинки себя мотыльками.

Из пряжи запутанных веток

Наверное, тоже не спите
и вспомнили всё ненароком,
метели стирают граффити
берёзовых теней у окон.

Печаль – не единственный мостик,
который лежит между нами,
а клён – одна кожа да кости –
утешится белыми снами.

Что лучшая песня не спета,
бессонница снова пророчит,
из пряжи запутанных веток
соткнутся весенние ночи.

И была судьба, и ломала,
сегодня – сердечная смута..
узнала душа, что ей мало
покоя в тепле и уюта.

Белый снег – на серый сумрак

Клён с костлявыми плечами
знает – март вернут грачи,
сядешь рядом с чашкой чая,
повздыхаем, помолчим.

Посидим с тобой без света,
пахнет в комнате сосной,
узелками чёрных веток
зимы связаны с весной.

Белый снег – на серый сумрак,
на дворы, на горизонт,
перетерпишь, если умный,
и однажды повезёт.

И поймёшь, когда мы вместе,
время – только горсть песка..
а зима – строка из песни
и седая прядь виска.

Разноцветная свита опавшей листвы

С увядающей осенью вечно морока –
забывает опять про обещанный снег,
а дожди барабанят в закрытые окна,
со слезой умоляя пустить на ночлег.

Не гадал, что скрывалось за вашей улыбкой,
и не верило сердце, что это игра,
не берёзовый лист – золотистую рыбку
доставали из невода веток ветра.

А ракита, озябшая, в платъице рваном
помахала платком – возвращайтесь на круг,
переводит душа на язык расставаний
и несдержанный вздох, и касания рук.

Поддержу разговор о делах, о погоде,
понимая, что клятвы любые пусты...
уходящего в зиму привычно проводит
разноцветная свита опавшей листвы.

Рябины горькие уста – медовые к зиме

Ругнём – не нами повелось –
дожди и суету,
берёза золотом волос
прикрыла наготу.

И пусть у нас настрой плохой,
и пусть пейзаж уныл,
в ночи над худенькой ольхой
сияет нимб луны.

Извечный осени обряд –
былое ворошить,
забрали ветры октября
у тополя гроши.

Шепнёшь, что просто подустал,
не всё держи в уме...
рябины горькие уста –
медовые к зиме.

Увядающей осени клёны золотые приносят дары

С голубями остались вороны
сторожить до апреля дворы,
увядающей осени клёны
золотые приносят дары.

Погорюем, что видимся редко
и любовь достаётся трудом,
извивается яблони ветка,
искушая медовым плодом.

Повздыхаем и корку раскрошим,
и приветим у ног сизаря,
что потом обернётся хорошим
и гадать, и раздумывать зря.

Озаряя сиянием воздух,
листопады за ветром спешат...
забывая про годы и возраст,
невозможного хочет душа.

Сшивают дожди одеяло из пёстрых лоскутьев листвы

Не плачься, что ранняя осень
красотке за сорок сродни,
а яблоки, падая оземь,
считают не годы, а дни.

Поверишь – останется вечно
что близко и дорого мне,
негаснущим пламенем свечки
берёзовый листик во тьме.

Осины в парчу разоделись,
проводят сентябрь за порог,
а клёны, наверно, за ересь
сгорают в кострах у дорог.

Сшивают дожди одеяло
из пёстрых лоскутьев листвы...
и нам остаётся немало –
судьбы паутинку плести.

А клёнам в жёлтые ладони дожди бросают серебро

Душе неймётся – вот и гонит
в ненастье взяться за перо,
а клёнам в жёлтые ладони
дожди бросают серебро.

И хочешь ласкового взгляда,
и слова нежного с утра,
багряный парус листопада
порвали шальные ветра.

Всего одна твоя улыбка –
и станет розовым восток,
и золотой плеснётся рыбкой
в пруду берёзовый листок.

Ветле с покатыми плечами
помашет уточка крылом...
какая осень без печали,
без сожалений о былом.

И прощальным твоим поцелуем отпылает осиновый лист

Облетают кленовые ветки,
и к судьбе примеряемся мы,
и опавшие листья виньеткой
на заглавной странице зимы.

Вспоминается в сумрачный вечер,
как я знойное лето ругал,
а берёз обнажённые плечи
ещё помнят красивый загар.

Не горюй – и душевные раны,
и рябиновой кисти ожог
поутру, с пробуждением ранним,
забинтует пушистый снежок.

Уходящий в эпоху былую,
по-особому, видно, речист...
и прощальным твоим поцелуем
отпылает осиновый лист.

А рябины подкрасили губы, ожидая приход сентября

Вместе с днями и чувства на убыль,
журавли собрались за моря,
а рябины подкрасили губы,
ожидая приход сентября.

Ветерок твои волосы тронет,
поспешит паутинку вплести,
и дожди на кленовой ладони
наших судеб начертят пути.

А берёзоньке с чёлочкой рыжей
золотые серёжки к лицу,
промолчи, что не станем мы ближе,
уходя, с листопадом станцуй.

И останется память святая,
сновидения, строчки и вздох...
и листвы желтокрылая стая
попорхает и ляжет у ног.

И бабочкой лимонницей осенний лист закружится

Рябины губы алые
целованные ветрами,
а в сквере листья палые
считает август с ветками.

Узнает осень – выжили,
морщинками открестится,
берёза в пряди рыжие
заколку вденет месяца.

Любовь жива, а прочее
само и перемелется,
и капель многоточие
стряхнёт на плечи деревце.

И серость не схоронится
от солнца в мелкой лужице...
и бабочкой лимонницей
осенний лист закружится.

И август в ноги сентябрю медовым яблоком упал

Залётный ветер под окном
берёзе золото сулит,
вечерний дождь стальным пером
выводит на воде нули.

Худой фонарь с лицом большим
устал от шума и машин,
а день сегодняшней с былым
связали ниточки морщин.

Пойму по жесту твоих рук,
что лето кончилось – молчи,
и нота – вздох и капель стук
ещё не раз звучать в ночи.

Тебе о чувствах говорю,
и вечер для признаний мал...
и август в ноги сентябрю
медовым яблоком упал.

А клёны на жёлтых ладонях приносят вечернюю грусть

Лист палый ветра не догонит,
в сиреневый вцепится куст,
а клёны на жёлтых ладонях
приносят вечернюю грусть.

Ничем эта осень не хуже
и будет не лучше других,
дожди на асфальтовых лужах
жителейские чертят круги.

Слова распадутся на звуки,
любовным порывом не лгут,
целую красивые руки –
они создавали уют.

Покой на душе – это милость,
уже никуда не спешим...
а осень навек зацепилась
у глаз паутиной морщин.

И ткут вечерние дожди для осени цветные ткани

Стучится дождь, и серый свет
гардина в сумрак комнат впустит,
укутанный в пушистый плед
свернулся в кресле кокон грусти.

И зря гадать, о чём молчишь
и что тревожит твой покой,
не ты – компьютерная мышь
пригелась под моей рукой.

И я боюсь, что выдаст голос –
пугает отрешённый взгляд,
лучом закатным гладиолус
на миг осветит мокрый сад.

Берёзовый листок дрожит –
сорвётся и в тумане канет...
и ткут вечерние дожди
для осени цветные ткани.

Плечи кутает калина в красный с бахромой платочек

Тонет месяца кораблик
в море синего рассвета,
стуком падающих яблок
август дни считает лета.

Жизнь казалась длинной-длинной,
осень не даёт отсрочек,
плечи кутает калина
в красный с бахромой платочек.

Не сегодня – завтра морось,
медь осин возьмём, как милость,
на висках не белый волос –
паутинка зацепилась.

В палых листьях память солнца
замерцает старой бронзой...
в унисон с ветрами бьётся
сердце жёлтое берёзы.

Август завещает флоксам до снега память сохранить

Вечерний зной и дождь короткий
не вспомнит утром девясил,
а месяц клинышком бородку
в речную воду опустил.

В окно распахнутое настезь
звезда влетела мотыльком,
и ты печальным взглядом скажешь,
что лето – это сон мельком.

Оглушит тишина пустая,
забьётся сердце у висков,
сомнёт листву берёзы стая,
в рассвет летящих облаков.

Где жёлтый лист в траву улёгся,
дожди свою распустят нить...
и август завещает флоксам
до снега память сохранить.

О чём вздохнёт в саду сирень

Услышишь в тишине живой,
о чём вздохнёт в саду сирень,
как ветер, пёс сторожевой,
вспугнёт берёзовую тень.

Застынешь у окна босой
и жаль ушедшее до слёз,
а месяц с золотой косой
пришёл на луг цветущих звёзд.

Не сетуй – даже не прилёт
и не разобрана постель,
залётный белый мотылёк
поднял на памяти метель.

Со мной не сумрак карауль,
а ночь и эту благодать...
оставит навсегда июль
что у души нельзя отнять.

А дождь опять нанёс штрихи

Судьбу напрасно не кори,
что нашу жизнь делить на три –
жизнь наяву, на ту, что в снах,
на ту, что прожил на словах.

Былые вспомнились грехи,
а дождь опять нанёс штрихи
на вставленный в окно пейзаж,
и грусть – порой – и крест, и блажь.

Ушла гроза, воскресла тень,
вздыхаешь – отцвела сирень,
повсюду тополиный пух,
и не спалось вчера до двух.

И что ты тут ни говори,
а жизнь опять делить на три –
на ту, что будет, что прошла,
на ту, что прожила душа.

А бабочка над красной розой

Меняют наши тени облик –
длинней, короче, вместе две,
и клевер, стриженный под бобрин,
с ромашкой шепчется в траве.

В одеждах чёрных ходят галки,
платок повязан на груди,
и оба знаем, без гадалки,
что будет с нами впереди.

Сиреневый туман лаванды,
над ним – в полнеба синева,
на всё, что сложится нескладно,
найдутся нужные слова.

А бабочка над красной розой
не верит в осень и печаль...
и вековой мерцает бронзой
загар открытого плеча.

Беги туда, где серебрится от звёзд открытое окно

С осенних листьев позолоту
легко смывает серый дождь,
когда в толпе окликнет кто-то,
вздохнёшь – не тот, кого ты ждёшь.

Но не тянись за власяницей,
не лей багряное вино,
беги туда, где серебрится
от звёзд открытое окно.

Где голубь тянется за крошкой
и за прозрачной синевой,
а ты корнями связан с прошлым,
и сердце знает – здесь ты свой.

Где из дощатого сарая
с ведром в руках выходит мать...
и места лучшего для рая,
наверно, трудно отыскать.

Поцелованный бабочкой белой

А вчера журавлиная стая
разбудила с утра синеву,
одуванчики золото мая
уронили в сырую траву.

Поначалу и ты оробела,
я в тумане черёмух пропал,
поцелованный бабочкой белой
лепестки осыпает тюльпан.

Оказалась душа твоя чуткой,
поняла мою нежность рука,
прилетевшие дикие утки
отбелили в пруду облака.

И не верь, если фразу услышим –
выбираем дороги не мы...
в седине – и цветение вишен,
и нестёртая память зимы.

Тюльпан над палым листиком затеplился свечой

Смахнула роца чахлая
последний снег с плеча,
проснулась мать-и-мачеха
от пения ручья.

За дымкой первой зелени
зеркальная вода,
крупицу солнца селезень
достал со дна пруда.

С обидами покончено,
твоя улыбка – знак,
цветущей вербы облачко
накрыло березняк.

Любви простая истина –
от слова горячо...
тюльпан над палым листиком
затеplился свечой.

А солнечные зайчики со мной в ненастье выжили

Дождей ночные шорохи,
и сны – клочками рваными,
цветущие черёмухи
плывут к окну туманами.

К окну ночами клонится
под стук дождя акация,
ругнёшь в сердцах бессонницу –
ушедшим в мае маяться.

Листву сжигали палую
и свист метели слышали,
сизарь полоску алую
крылом провёл над крышами.

И прячут одуванчики
печаль в ресницы рыжие...
а солнечные зайчики
со мной в ненастье выжили.

Из серебра цепочки у вербы на руках

Уже проснулись почки,
зима осталась в снах,
из серебра цепочки
у вербы на руках.

Любовь и память святы
на наш короткий век,
в кустах бумагой мятой
лежит последний снег.

Листочка рваный парус
качает сонный пруд,
пока былым я маюсь,
ты создаёшь уют.

Худых берёз рубахи
заношены до дыр,
дожди, невзгоды... птахи
весенний славят мир.

Большие родинки проталин целует солнце поутру

На клёны глянешь – словно мощи,
но сумрак уступает дню,
и ждут берёзовые рощи
свою грачиную родню.

Худой сугроб уткнулся в землю,
лоскутья туч на тополях,
воркует голубь, тени дремлют
на белых мятых простынях.

Словам пустым узнали цену,
и кто – чужак, и кто – родной,
и бьётся голубая вена
ручья под коркой ледяной.

Снега, невзгоды – не пропали
и устояли на ветру...
большие родинки проталин
целует солнце поутру.

Сотрёт каракули теней под утро белая пороша

Года войдут тихонько в сны,
недели пролетят аллюром,
из рамок окон до весны
не снимешь зимние гравюры.

И знает сторбленный фонарь,
что в сумраке душе противно,
и выкормыш зимы – февраль
загонит в душные квартиры.

К чужим привяжешься сильнее –
с чужими легче быть хорошим,
сотрёт каракули теней
под утро белая пороша.

Вздохнёшь, что нет былой любви,
смолчу – нельзя всё мерить прошлым...
запомнят в стужу воробьи –
спасёшься, подбирая крошки.

Допоздна в метель не спится

На дома, на тополь голый
снегопад обрушил небо,
воробьи и сизый голубь
не дождались крошек хлеба.

За судьбой не доглядели,
допоздна в метель не спится,
за петлёй петля – недели
на твои ложатся спицы.

Никого с тобой не судим,
что в душе печали кокон,
и берёза с белой грудью
зазвенит серьгой у окон.

И ручья подхватят голос
поутру хоры капли...
и простишь за белый волос,
и за то, что не допели.

Худые лодыжки рябины заботливо моет ручей

Стареем – никак без таблеток,
без вздохов и глупых обид,
в фонтанах берёзовых веток
апрельское небо рябит.

Не сетуй – судьба не скупая,
и дней не так много пустых,
тепло воробьи покупают
за медь прошлогодней листвы.

И нечем особо хвалиться,
и плакаться повода нет,
на грудке у каждой синицы
блестит золотой амулет.

Запомнило сердце – любили
и радости лучше врачей...
худые лодыжки рябины
заботливо моет ручей.

Пора учить язык грачей

Над тенью ветер посмеётся,
взъерошит волосы рябин,
а в лужице монетку солнца
нашли и делят воробьи.

На волю из ледовой клетки
подснежник рвётся и ручей,
и шепчутся худые ветки –
пора учить язык грачей.

Мотивы нудные метели
сменило пение синиц,
не хочет слышать звон капли
седой сугроб, упавший ниц.

И что вчера казалось важным –
ненужный лист черновика –
плывёт корабликом бумажным
по синей луже в облака.

Подойдёшь к окну босая

Ждём – разбудит гомон грачий
лес и лёд замёрзших рек,
о метелях белых плачет
только ноздреватый снег.

От зимы осталось долгой –
вздых, неделя до тепла,
месяц – золотой заколкой –
вденет в волосы ветла.

У нагих берёз истома,
вместе с ними подожди –
и большой сугроб у дома
ночью расклюют дожди.

Пробежал февраль короткий,
подойдёшь к окну босая...
золотые самородки
солнце в лужицы бросает.

Вчерашний снег – полоской белой

Стоим с тобой на перепутье,
а осень в рубище берёз
сшивает серых туч лоскутья
стежками веток вкривь и вкось.

Вчерашний снег – полоской белой,
на ивах мокрое рваньё,
тревожат дремлющее небо
и голуби, и вороньё.

Немного у судьбы просили,
а жизнь, гадай, как повернёт,
и бьётся сердцем лист осины,
вмерзая в первый тонкий лёд.

И где ему тепло и место,
живое чувствует нутром...
зима вся в белом, как невеста,
не помнит осень в золотом.

Уходит пора золотая

Уходит пора золотая,
поплачься, себя пожалей,
берёза обноски латает
цыганской иголкой дождей.

А клёны не прячут нагие
узлы выступающих вен,
и мучает нас ностальгия,
и просит душа перемен.

Ты рядом, к чему торопиться
с утра в суматоху недель,
зонты, словно чёрные птицы,
куда-то уносят людей.

С намокшей травы не поднимешь
осины цветастый платок...
что там – за туманами – финиш,
а может быть, новый виток.

Багряным сердцем бьётся осиновый листок

Багряным сердцем бьётся
осиновый листок,
сосна целует солнце
в оранжевый висок.

Тепло в душе от мысли,
что я в тебя влюблён,
пылают жаром листья –
обжёт ладони клён.

С берёзой в тихой роще
давным-давно знаком,
поманит жизнь хорошим –
пойдёшь и босиком.

Что многое нам поздно –
дождя ночного бред...
а осень льёт из бронзы
вспоминанья лет.

Осины красятся румянами

К утру измученный бессонницей
вдохнёшь – не тех, наверно, ждал,
трепещет бабочкой-лимонницей
листочек на игле дождя.

Осины красятся румянами,
а тучи набирают вес,
притих укутанный туманами
простуженный осенний лес.

От свиста ветра лужа морщится,
а ты всё предаёшь суду,
и желтизной больная рощица
неделю мечется в бреду.

Кленовый лист ладонью скрюченной
взъерошил волосы куста...
и кем-то осени поручено
всё ставить на свои места.

А мы, как поздние цветы

У зеркала притихла ты –
морщинки и седая прядь,
а мы, как поздние цветы,
не верим – время увядать.

А в памяти ночной грозы
весенний день и майский гром,
какая осень без слезы,
без сожалений о былом.

И будь ты грешен, будь святой,
за птичьей стаей не взлететь...
и дождь серебряной метлой
метёт берёзовую медь.

Время лиловых туманов сирени

Время лиловых туманов сирени,
смеха, улыбок и откровений,
синих ночей и метелей акаций,
время, в котором нельзя нам остаться.

Звёзды слетятся к окну мотыльками,
если захочешь, лови их руками,
солнечный день или пасмурный вечер –
радость такой же осталась при встрече.

Пух одуванчиков с бабочкой кружит,
яблони цвет льдинкой плавают в луже,
время – река без истока и устья,
дважды войдёшь – не расстанешься с грустью.

Следом за зноем – шумные грозы,
ангелы трав – голубые стрекозы...
время, которое ловим мы снами,
знает, что будет по осени с нами.

Ветла грустила о былом

Ветла грустила о былом,
дремала тёмная вода,
метнулась чайка и крылом
разбила зеркало пруда.

Затеял рой стрекоз игру,
и ласточка грозу звала,
и ты шептала – не к добру,
к печали бьются зеркала.

И свет дневной во мгле пропал,
и росчерк птичьего крыла,
петляя, нас с тобой тропа
по судьбам разным развела.

Мы друг от друга далеки...
а там, где встретили весну,
сидят на зорьке рыбаки
и ловят звёзды на блесну.

Тамара Викторовна Потёмкина – поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Иркутской области. Член Союза писателей России, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, двух книг прозы, сборника поэтических переводов стихов непальских поэтов и двух музыкально-поэтических альбомов. На стихи Тамары Потёмкиной написано свыше 40 песен. Стихи и рассказы, а также переводы произведений болгарских, непальских, чеченских, ингушских и дагестанских поэтов опубликованы в журналах «Великороссъ», «Невский альманах», «Новые витражи», «Камертон», «Luttera», альманахах «Золотое руно», «Москва поэтическая», «Славянская лира», «Святыни сердца» (Луганск), «Айсберг в пустыне» (ДНР, Горловка), газете «Московский литератор» и др. Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и премий.

Живёт в Москве.

В нашем мире тревожном...

Непобедимый русский дух

На Куликовом поле дуют ветры,
В них – лязг мечей, звон стрел из тех времён,
Когда с Мамаем насмерть бились предки
Под шелест славных воинских знамён.

Здесь шёл жестокий и кровавый бой,
Был миг и пораженья рокового,
Но из дружин, полков в единый строй
Вставало войско Дмитрия Донского...

И, несмотря на все потери, беды,
Враг был разбит, геройски поражён.
И здесь, на поле древней той победы
Непобедимый русский дух рождён.

Отвага русская, России воля
В боях не раз одерживали верх:
Бородино, под Прохоровкой поле –
Лишь часть истории победных вех.

Сегодня поле битвы – Украина,
Где зло и ложь идут на нас в поход,
И снова на защиту света, мира
Встаёт великий русский наш народ.

И тщетны все позорные попытки
 Россию уничтожить, разгромить.
 Нас не страшат ни боль, ни смерть, ни пытки.
 Никто не сможет русский дух сломить!

Мы победим!

В нашем мире тревожном
 Жить становится сложно:
 Что духовно и свято –
 Оказалось распятым.
 Снова тёмные силы
 Угрожают России.
 Культурой денег и ложью
 Нас хотят уничтожить.

Припев:
 И опять встаёт моя Россия,
 Чтобы зло вселенское осилить,
 И очистить помыслы и души,
 Мир обмана, подлости разрушить.

Нас стремятся заставить
 Память предков оставить,
 Предавать, унижаться,
 За богатство сражаться.
 Позабыть о морали,
 О святом идеале,
 Чтоб семейные узы
 Стали просто обузой.

Припев:
 Но опять встаёт моя Россия,
 Чтобы зло вселенское осилить,
 И очистить помыслы и души,
 Мир обмана, подлости разрушить.

Не позволим нацистам,
 Русофобам, фашистам
 Победить наши души,
 Русский мир не разрушить!
 Соберём все народы,
 Кто за мир и свободу,
 В нашу армию света,
 Вновь спасём всю Планету.

Припев:
 Знайте, все враги моей России,
 Что мы зло вселенское осилим,
 И очистим помыслы и души,
 Мир обмана, подлости разрушим.

Да поможет им Бог!

На вокзале суетится народ,
 Всё бежит туда-сюда, всё снуёт.
 А у поезда солдат молодой:
 Две медали, но с одной ногой.

Подошёл к нему мужчина, спросил:
 «Что, герой, в вагон подняться нет сил?
 А давай-ка я тебе помогу.
 Подсоблю, сынок, чем только смогу».

Улыбнулся ему парень в ответ:
 «Жду невесту, у неё мой билет.
 Ох, красавица она у меня!
 В Брянск собрались, ждут там мама, родня».

Чуть вздохнул мужчина, в поезд вошёл,
 Не поверил он, что всё хорошо.
 Вспомнил юность – так же ждал он любовь.
 Не пришла она, с тех пор в сердце боль.

Тут в вагон зашёл тот самый солдат,
 С ним девчонка, как сиял её взгляд!
 Всю дорогу ворковали они
 И клялись, что будут вместе все дни.

А мужчина вновь поверил в любовь
 И молился «Да поможет им Бог!»

Инесса ИЛЬИНА-
ФЕДОРОВА

Инесса Яшиновна Ильина – член МГО Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (всероссийного фестиваля патриотической поэзии «Фортост» 2014, 3-е место), награждена медалью: им. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.

Два рассказа

Диалог деда и внука

(подслушанная история)

– Привет, внучёк! Скажи, пожалуйста, я что-то запамятовал, как тебя зовут?

– Кузя.

– Нет, внучёк, ты что-то перепутал, это я – Кузя!

– И я Кузя.

– И ты Кузя? Так что, выходит, мы с тобой оба – Кузи?

Внук кивает головой в знак согласия.

– Вот это да! И кто же это тебя так назвал?

– Папа.

– Вот это да! И меня так назвал папа! А как зовут твоего папу?

– Толя.

– Вот это да! И моего папу зовут Толя! Ну и папаши нам с тобой попались! Себя назвали Толиками, а нас Кузиками! А мы им что, собачки или кошечки, что ли?

– Да нет, дедушка, мы с тобой – Домовёнки! Просто ты старый Домовёнок, а я молодой!

– Да? Ну, тогда ладно. Ну что, пошли гулять?

– Пошли.

Деревянная лошадка

Однажды, в канун дня рождения, мальчику Мише купили деревянную лошадку-качалку. Мальчик давно мечтал о такой игрушке и очень обрадовался. Миша пригласил на день рождения всех своих друзей. Дети принесли разные подарки в красивых блестящих коробках. В них были и машинки, и вкусные шоколадные конфеты, и пистолетик, и даже была одна мозаика, и «лего», и железная дорога...

Дети напились чаю, фруктовых соков, наелись торта, сладких ватрушек, мороженого. Все гости

были сыты и весело танцевали, а дети играли новыми игрушками, потому что Миша им сам, на радостях, разрешил. Времени было много, и гости стали расходиться по домам. Мишенька устал от праздничного веселья и сказал папе, чтобы лошадку деревянную поставили в его спальню. Мама потушила свет и ушла из комнаты сына. Дома стало тихо-тихо. Все уснули. Вот тут-то и началось самое удивительное и интересное.

Комната озарилась ярким зеленоватым светом. Миша открыл глаза и увидел, что лошадка-то ожила... Она стояла возле его кровати и тихонько тыкала своей лошадиной мордочкой в постель маленького мальчика. Мальш несколько не испугался. Он обнял лошадку крепко-крепко и сказал:

– Я назову тебя Зорюшкой. Будь моим другом!

Лошадка согласилась и предложила ему покататься.

– Я могу тебя покатасть даже по лужайке, но ты должен дать мне клятву, что никогда никому не расскажешь о наших прогулках.

– Хорошо, хорошо! Я согласен!

С тех пор, как только все в доме засыпали крепким сном, лошадка с Мишей катались. И не только по зелёной лужайке, но и по воздуху лошадка, словно плыла, легко и свободно!

Но однажды Миша не удержался и рассказал о волшебной лошадке своему другу, соседу Саше. Друг тоже захотел покатасться. Наступил вечер, а затем и ночь подкралась в чёрном покрывале. Мишенька и Зорюшка вышли на прогулку. А Саша уже стоит на дорожке, улыбается. Подбегает к Мише и говорит:

– Можно и я покатаюсь на лошадке? Я тоже хочу, Миша!

Но лошадка Зоренька сказала человеческим голосом:

– Зачем ты нарушил нашу клятву? Теперь из-за этого моя сила ушла, и я больше никогда не смогу тебя катать, ни по земле, ни по воздуху и даже по воде.

И превратилась лошадка Зорька в обыкновенную деревянную игрушку. С обиды такой Миша даже поругался с Сашей и обвинил его во всём. Саша ушёл. Миша взял игрушку и пошёл домой. И сколько ни просил мальчик у лошадки прощения, та только качалась молча: вверх-вниз, вверх-вниз...

И ничего тут не поделаешь. Раз дал другу обещание, то надо исполнять, а если клятву верную дал, то держи её в тайне и не нарушай.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

ЕВГЕНИЙ ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодежи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Что же мой друг не выходит на связь?

Зимнее

Вся жизнь – сплошные перемены:
Добро нам, а порою зло.
С добром и радость непременно,
А то ворчишь – не повезло.

Вот и зима: тепло и ясно,
Как праздник – с самого утра.
Но завтра всё это напрасно –
И нос не высунь со двора.

Как помню, осенью глубокой
Морозец вдруг – ни взять, ни дать.
Вздыхал сосед мой одиноко:
«А не пора ли нам поддать?»

А нам с тобой зимой что ближе?
Туда скорее, где хоккей,
Где биатлон, коньки и лыжи,
Где санки юркие. О'кэй!

Бывает всякое зимой.
Вот друг мой – вдруг уже не мой.
Но преуспел с тобой и я.
Ты тоже – ты теперь моя.

Голубовато-зелена,
Раскрыла ветви ёлка,
И обнимает всех она
По-русски – словно Волга.

За ёлкой, как с паролем СПЕЦ,
Бойцами в самый град Донецк
Благословлялись трое.
Нужны стране герои!

Ещё: в морозы холодея,
Невольно думаешь: а где я?
В полуденное солнце млея:
Как хорошо, когда теплее.

А вообще-то жизнь – химера,
Как утверждает мой сосед.
А я про эру и про веру,
Каким альтернативы нет.

Что после зим у нас? Весна!
После поры холодной, сонной
Приходит радостно она
Своею собственной персоной.

И даль становится ясней,
А мир просторней и родней,
Честней, моложе, зеленой.
Привет весне! Весна, мы с ней!

Украина-2023: ОКОПНАЯ ПРАВДА

Кто рядом с тобой – тот и друг, тот и брат.
Тот ближе, наверно, чем твой автомат.
Без дружбы, без братства в окопе нельзя.
Да, если не братья, то там мы друзья.

Так и ночами, бывало и днём,
На нашем посту остаёмся вдвоём.
Общие стены и общее дно –
Мы что-то единое, что-то одно.

И будь хоть и лето, хоть центр зимы,
В нас верили, знали, что там, где мы, –
Враг ни за что никогда не пройдёт.
Ни шагу назад! И только вперёд!

Вдруг тяжким ударом – как камень в лоб –
Перетряхнуло наш братский окоп.
Меня на ходу подхватил медсанбат,
Но где же товарищ – и друг мой и брат?

Белая простынь, приглушенный стон,
И твои клавиши, мой телефон.
И в голове несусветная мразь.
Что же мой друг не выходит на связь?

А был-то ведь рядом. Но что же потом,
Когда я уже повалился пластом?
Ранен? Контужен? Иль вовсе убит?
И где-то уже под навалом лежит?

Нет, только не это. Не тот фон.
И что ж так настырно молчит телефон?
Иль с другом моим, и его разнесло?
И что только в голову мне ни пришло?

Вдруг вспомнилось: «Не признавай потерь».
Так друг говорил мне. И что же теперь?
Нет связи с товарищем. Ну и что?
Поверить во что-то? Да ни за что!

И сам по себе я не буду лжив.
Ведь шепчет же сердце, что друг мой жив.
Сомненья чернеют, как эта ночь.
Но от меня вы – прочь! Прочь!

А если и в нашей святой СВО
Я встречу однажды дружка своего?

Когда же пришельца-врага победим,
И над Украиной рассеется дым,
И мир возвратится в великий наш дом,
Тогда мы не просто друга найдём.

Разыщем, конечно, и тот окоп,
Где твёрдо врагу мы сказали СТОП!
С грязного, злого сбили пути,
Страну с Украиной смогли спасти.

*Сергей Юрьевич Газин – поэт. Член Союза писателей России. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор 13 книг стихотворений. Награждён орденом «За вклад в литературу России XXI века» и медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «За Победу!» и др. Лауреат премий МОО СП России им. Ярослава Смелякова, Евгения Зубова и «Золотое перо Московии». Кавалер Золотой Есенинской медали.
Живёт в Москве.*

Солнце русичей неугасимо

Украина во мгле

Погрузилась во тьму Украина
И не знает, куда идёт...
Гонит Запад, как скотину,
Зазомбированный сброд.
На убийства гонит жёстко,
Чтоб устроить геноцид, –
Им славян не нужно просто,
Запад – демон, паразит.
Англосаксы, негодяи,
Развязали вновь войну,
Всех вассалов повязали
Помогать побить «русню».
По детишкам-ангелам стреляют
Все, кто жил, не веря, не любя...
Но в аду сгорая, зарыдают,
Посыпая пепел на себя.
Не простит Господь таких вовеки
За злодеяния чёрные в крови, –
Ведь они уже нечеловеки,
Раз мертвы душою без любви.

Антика и современность

Античные скульптуры –
К нам крик былой культуры,
Где нагота смущалась,
Что с красотой сравнялась!..

Теперь совсем другое,
Искусство – никакое,
Где вместо красоты
Бесстыдство наготы.

Кто-то

Кто-то, млея в галереях,
Тихо тает в арт-объектах,
А другие – в артобстрелах
Погибают на проспектах...
Для одних вся жизнь – концерты
И прогулки на курортах...
А донецким – смерти, смерти,
Дабы было больше мёртвых.
Гибнут взрослые и дети...
Не щадят их негодяи.
Смылись все иноагенты –
Те, что бляели годами.
Но победа за Россией,
За искусством настоящим –
Наши воины лихие,
С ними наш орёл разящий!

Край городов – так звали Русь тогда
Ватаги викингов жестоких,
Когда крепчали в духе города,
Узрев драккары¹ издалёка.
Рубились насмерть с ними стар и млад,
Лишь кнорры² к морю пропуская, –
Любой купец всегда торговле рад,
Святой Руси расцвета чая.
Гардарика³ с тех пор живёт в веках,
И разрослась давно в Россию,
Хоть точат снова сабли швед и лях,
Им победить нас не под силу!

¹ Драккары – боевые корабли викингов.

² Кнорры – торговые корабли викингов.

³ Гардарика – страна городов, скандинавское название Руси.

Солнце русичей

Солнце русичей неугасимо –
В каждом сердце горит Звёздный свет...
Вера русичей неистребима
Испокон веков всех зим и лет.
Кто с добром идёт, тому мы рады!
Кто с мечом в руке – «секир башка»...
Жадных, злых гостей нам здесь не надо.
Русь сломать – тонка кишка!..

К единству

Есть люд на свете разный,
Работный есть и праздный,
Есть добрые и злые,
Родные и чужие.
И лучше нет примера
К единству всех, чем вера –
Что Бог в любви сердечной
Создал всех человечно...
Чтоб были не как звери,
А братьями по вере,
Без зависти и злости,
С добром являясь в гости –
Без Каинов и Брутов,
И без Иуд паскудных.
Всем будет всё по вере –
По полной Божьей мере!..
В единстве одолеем
Любых врагов коварных,
И солнце заалеет
В России лучезарно!

Памяти Мусы Джалиля

Его держали в злом Берлине
После ранения в бою...
Там был казнён на гильотине
За веру в Родину свою.
Он был на фронте военкором...
Отважный старший политрук
Фашистам стал живым укором,
А заключённым – лучший друг.

В тюремном мрачном Моабите
 Враг думал дух его сломить...
 Но не сложилось у бандитов –
 Таких, как он, не победить!
 Создав подполье, спас немало,
 Устроив пленникам побег –
 Шесть сотен душ живых сбежало,
 Да-да, шесть сотен человек!
 Рычали в ярости фашисты,
 А он писал стихи в тетрадь,
 Где обличал во зле нечистых,
 И звал на подвиг Божью рать.
 Теперь есть памятник в Казани
 Поэту с Волжских берегов,
 Что не сломался от страданий,
 Но духом победил врагов.

Санкции

Родила Европа сдуру бумеранги,
 Сделав круг над нами, все вернулись к мамке...
 Рыли яму русским недруги России,
 Но себя же в ямный холод засадили.
 Под Москвой и Сталинградом
 Лёг француз и немец рядом –
 Будут мёрзнуть и сейчас,
 Коль полезут вновь на нас!
 Пока весь мир от зла не вымер,
 Стоит за Русь святой Владимир!
 Пришли опять года лихие...
 Пьём за Победу, за Россию!

Элеонора Валентиновна Кузнецова – поэт. Родилась в Москве. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии МОО СП России «Золотое перо Московии». Награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «Великий князь Сергей Александрович», «За Победу!», а также Дипломом «Победитель конкурса «Путешествие в страну чудес» с вручением именной статуэтки в номинации «Поэзия».

Живёт в Москве.

Мы вновь ведём борьбу с фашизмом

Читая «Чулочки»

Памяти Мусы Джалиля

Вернулись к нам снова залпы войны...
 Опять стоим мы за свободу!
 Все вражьи замыслы обнажены:
 «Не жить российскому народу!..»

И как не вспомнить нашего Мусу,
 Забыть о нём – нет, невозможно!
 Его читая, на щеке слезу
 Не ощутить – любому сложно...

Сказал о варварстве нацистов он,
 Да так, что волосы седеют,
 А детские чулочки – сердца стон!
 Фашизм же с каждым разом злее...

Вновь возродился ирод – всем беда!.. –
 И не скрывая дикой злобы,
 Больницы, школы, детские дома
 Бомбят уроды-русофобы.

На наши земли зарятся давно:
 «Богаты русы – всё отнимем!»
 Но нам-то ведь не всё равно, –
 Так было раньше, так и ныне.

Не удалось им нас переломить
 Ни в чистом поле, ни в застенках –
 Россию никому не победить,
 И не поставить на коленки.

Муса Джалиль – поэт и человек,
 И сын татарского народа –
 Героем русским стал навек,
 Звездой сияя с небосвода!

И тогда, и сейчас

Я в детстве встретила с девчонкой,
 Тогда нам было по семь лет.
 Она нахально с речью звонкой
 Мне дула в уши наглый бред.
 Вождей страны ругая мерзко,
 Ввергала в грязь СССР –
 Она заученно и дерзко
 Меж нами ставила барьер.
 Ей наша русскость не по нраву,
 Мол, все мы просто дураки...
 И так кривила рот коряво,
 Что я сжимала кулаки.
 Меня кольнула злая кривда...
 К родителям бегом в слезах
 Я убежала от обиды
 За ложь и мрак в её словах.
 В груди стучало гневом сердце,
 Но объяснили мне тогда,
 Что это дочка западнцев,
 А там не любят нас всегда.
 Какие нравы западнцев,
 Не нужно объяснять теперь,
 К нам Запад ненависть – с младенцев
 Укореняет в них... Вот зверь!
 Та злая кривда, в поколеньях
 Живя, ползя из рода в род,
 Шлёт в мирные дома мученья,
 Безжалостно губя народ.
 Враги опять в лихие годы –
 Убить всё русское хотят...
 По школам тупо бьют, уроды,
 И по больницам лупит гад.
 Мы вновь ведём борьбу с фашизмом,
 Оскалил хищник пасть на Русь,
 В нас изрыгая вонь нацизма...
 Но встал народ: Изгоним гнуса!!!

Поезд жизни

Неустанно стуча колёсами,
 Поезд жизни несётся вперёд
 По России с белыми росами –
 Красотой насмотреться зовёт.
 Необъятны просторы русские,
 Потому и душа без границ, –
 Вот и лезут к нам злыдни шустрые,
 Но пред ними не ляжем мы ниц.
 Таракановы НАТО-полчища
 Расплодились у красной черты,
 Власти Киева – вот позорище,
 Довели свой народ до беды.
 Но протянуты руки помощи,
 Из России спасенье идёт,
 И трепещут от страха сволочи,
 Что расплата их страшная ждёт.
 Умоляю о счастье солнечном,
 О любви бесконечной в душе
 Даже в дальнем пути просёлочном,
 Даже в самом крутом вираже.
 Русь за окнами яснолика –
 Купола с благодатным огнём!..
 Вся бескрайняя ширь великая
 Умещается в сердце моём.

Клоун

Безобидною овечкой
 Волк решил предстать,
 Но без маски на крыльечке
 Королём не стать.
 В КВН-ах научился
 Блехать и рычать –
 Как же быстро возгордился,
 Маски стал менять.
 В НАТО хочется пробраться,
 Как же угодить?..
 От «русни» отмежеваться? –
 Так тому и быть!
 Наточил волк острые зубы,
 Чтоб Донбасс весь съесть –
 Поддержали душегубы,
 Бить людей – вот честь!
 Клоун в облике овечки
 Родину продал...
 На коротенькой уздечке
 Попрошайкой стал.

Почему?

Рассказ

Кристина родилась вне брака. Как сейчас принято говорить, биологический отец знать не знал о её появлении на свет. Просто однажды её мама поняла, что годы идут, и сделала всё, чтобы не остаться одной. Да и чтобы не быть бельмом в глазах у общества – Тамара Васильевна работала директором школы. Работа, прямо скажем, специфическая: коллектив преимущественно женский, и руководитель постоянно на виду.

Но ребёнок-то родился, а вот в график жизни мамы явно не вписался. Первые пять лет Кристину воспитывала бабушка, но когда та по семейным обстоятельствам уехала жить в семью своего старшего сына, Кристина прошла все этапы спартанской жизни: пятидневка в саду, продлёнка в школе, лето – две-три смены в пионерском лагере.

Девочке временами казалось, что мама совсем не любит её. Будучи часто вдали от матери, она вспоминала мгновения, проведённые рядом с ней: вот она сидит с мамой на диванчике, прижавшись к её руке, и они смотрят какую-то ерунду по телевизору, вот они на кухне делают новогодний салат Оливье, вот они в кафе в Горьком пьют кефир с кексом, а потом бегут бегом на теплоход... Таких воспоминаний было немного, но они согревали её душу.

Когда обе были дома, Кристина частенько видела лишь мамину спину, склонившуюся над столом – та с упоением читала рефераты по эволюции или генетике, ведь помимо директорствования Тамара Васильевна имела право на восемь часов преподавания своего предмета в неделю. Она была прекрасным биологом и обожала свой предмет, а ученики старших классов обожали её. Все, но только не родная дочь, которая часто ругалась с мамой, ведь та не одобряла её желания краситься, носить модную одежду, считая это вульгарным.

Тамара Васильевна одевалась очень скромно: строгие костюмы серого, коричневого или синего

Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великоросъ» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

цвета, классические блузки и туфли на маленьком каблучке. Кристина находила всё это старомодным. На дворе было начало нулевых, и молодёжь уже давно одевалась иначе: в моде был «деним», брюки с ультранизкой посадкой, укороченные топы и кепки «нюбобой». Кумиром Кристины была, конечно, Кристина Агилера. Её стиль был пределом желаний девушки, но уговорить маму разориться на модные шмотки было делом весьма непростым.

Правда, иногда ей это всё-таки удавалось, и тогда она чувствовала себя совершенно счастливой, когда в джинсах со стразами и в розовой футболке она шла на школьную дискотеку или кинофестиваль, ведь в Москву ежегодно привозили новые картины, и это было событием. Атмосфера праздника чувствовалась повсюду. Новые киноленты можно было посмотреть в разных кинотеатрах: от огромного экрана на стадионе «Лужники» до таких отдалённых площадок, как кинотеатр «Космос». Кристина обожала все эти мероприятия и пропадала там все летние месяцы фестивалей. Тамара Васильевна никогда не скупилась на билеты для дочери, обожающей кинематограф.

Сама она особой тяги к кино не испытывала. Её страстью был театр. Больше всего она любила музыкальные спектакли и, в частности, оперетту. Она пересмотрела, пожалуй, все лучшие постановки оперетт Кальмана, а также «Весёлую вдову» Легара и «Летучую мышь» Штрауса. Ей так хотелось, чтобы Кристина разделяла с ней её увлечение, но та, к сожалению, считала, что всё это пропахло нафталином, и наотрез отказывалась идти с Тамарой Васильевной в театр.

Но это было только полбеды. Ситуация обострилась, когда Кристина заканчивала школу и нужно было выбирать вуз. У девочки были прекрасные мозги, и Тамара Васильевна справедливо считала, что таким, как её дочка, место в МГУ, но Кристина прекрасно понимала, что там нужно учиться и тянуть эту ляжку ещё пять лет. А ей хотелось развлекаться и вкусить все прелести студенческой жизни, поэтому она выбрала Международный Университет в Москве, факультет менеджмента. Это был один из первых частных вузов, но плата за обучение была вполне подъёмная. Чтобы снять остроту конфликта, Тамара Васильевна, конечно, заплатила за обучение дочери.

Прошло два года. С тех пор, как дочь стала студенткой, она старалась быть терпимее и даже была готова составить Кристине компанию в кино, а потом посидеть в кафе и обсудить фильм, хотя девушку это начало тяготить, и она находила всякие отговорки, чтобы не допустить подобных культпоходов.

Приближалось первое воскресенье октября, а в МДМ уже полгода шла премьера Бродвейского мюзикла «Кошки». Тамара Васильевна предложила Кристине вместе сходить на мюзикл в преддверие своего профессионального праздника. Кристине не хотелось обижать маму, и она согласилась. Наконец, вкусы матери и дочери совпали: Кристина была без ума от того, что наконец пойдёт не в классический театр, а в Дом молодёжи, и не просто на спектакль, а на американский мюзикл, ведь в моде было всё, что родом из Штатов. А Тамара Васильевна шла хоть и в современный, но театр, знакомиться с таким музыкальным жанром, как мюзикл. Похожим на оперетту и в то же время имеющим свои неповторимые черты.

Мюзикл был шикарный. В полном восторге от постановки, Кристина с мамой (одетой по случаю праздника в яркую блузку) забежали в кафе «Му-му», что через дорогу от МДМ. Отведав вкуснейших блюд домашней кухни, женщины решили прогуляться пешком до метро «Парк Культуры», чтобы, с одной стороны, «растряссти» ужин, а с другой, ехать домой без пересадки.

Вечер был тихим и сухим. Дул лёгкий ветерок. Под ногами уже шуршали листья. Чуть поодаль нёсся ярко-освещённый Комсомольский проспект, а на дороге, по которой шли Тамара Васильевна и Кристина, было безлюдно и темно. Лишь кое-где горели фонари. Здания Фрунзенских (а в прошлом Хамовнических) казарм, построенных в самом начале XIX века, были погружены во мрак, как и вся их история.

Кристина шла ближе к зданиям, а Тамара Васильевна – к проспекту. Вдруг неизвестно откуда на дороге появился автомобиль без опознавательных знаков. Рука, высунувшаяся из открытой дверцы со стороны пассажирского сидения, схватила сумку Тамары Васильевны. Женщина, пытаясь удержать сумку, упала на колени, а автомобиль продолжал медленно двигаться, волоча её по дороге. Наконец сумка скрылась в салоне машины, которая быстро уехала, оставив женщину лежать на дороге. Всё это произошло в считанные секунды. Кристина подбежала к Тамаре Васильевне, думая, что мама сильно травмирована, раз не встаёт сама. Но то, что она увидела, поразило её. Мама не дышала. Девушка кричала, плакала. Потом позвонила в «скорую». «Скорая» приехала быстро, но не настолько, чтобы спасти несчастную женщину. Врачи констатировали смерть от инфаркта миокарда, вызванного острым психологическим стрессом.

Маму увезли в морг. Кристина позвонила бабушке. Сообщила новость. Бабушка велела приехать к ней. Нужно было идти к метро. Ноги Крестину не слушались. Она продолжила путь, начатый сегодня вместе с мамой. Шла и думала: «Боже! Ты сегодня сначала вернул мне мою маму всего на несколько часов, а потом забрал её у меня навсегда. Почему жизнь так несправедлива?!»

